

В. Михайлов В. Притула
ДЛЯ УБИЙСТВА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА СУББОТА
НЕЗАВИСИМЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
НЕЗАВИСИМЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

В. Михайлов
В. Притула

Для убийства зарезервирована суббота

ИЯ НЕЗАВИСИМЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАВ

НЕЗАВИСИМЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАВИСИ

Москва
«Молодая гвардия»
1990

ББК 66.2 (7 США)
М 69

Михайлов В. Н., Притула В. И.

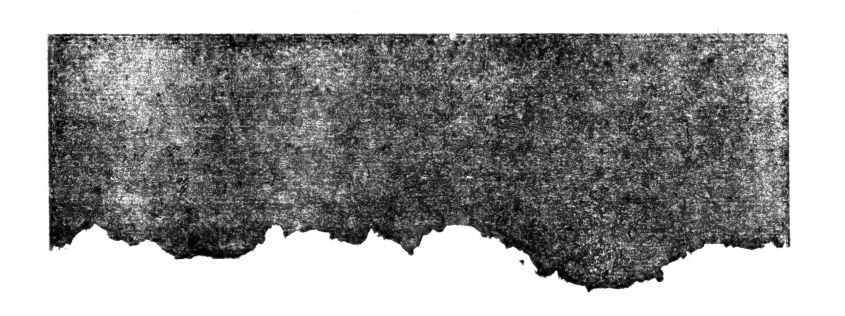
М 69 Для убийства зарезервирована суббота. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 270[2] с. — (Независимые расследования).

ISBN 5-235-01379-4

Этим сборником мы открываем новую серию «Независимые расследования». Построенные на многочисленном документальном материале и написанные в жанре остросюжетного политического детектива, повести «Курьер из Чиангмая» и «Для убийства зарезервирована суббота» рассказывают о малоизвестных сторонах деятельности американских спецслужб, использующих в своих арсеналах такие методы, как разжигание сепаратизма, тайные связи с наркобизнесом, поддержка различных деклассированных элементов. Книга рассчитана на массового читателя.

М $\frac{0802000000-274}{078(02)-90}$ 025—91 **ББК 66.2(7США)**

ISBN 5-235-01379-4

ДЛЯ УБИЙСТВА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА СУББОТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А КАПИТАН ПОШЕЛ ОДИН...

...Как рыбы попадаются в пагубную сеть и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них...

Если притупится топор и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить.

Ветхий завет, Книга Экклезиаста или Проповедника

Географическая справка. Момотомбо — постоянно дымящийся одинокий вулкан на северном берегу никарагуанского озера Манагуа. Высота — 1528 метров, наиболее сильное извержение произошло в 1610 году, когда был разрушен и засыпан пеплом старый город Леон.

Маурисио Педро Альтамирано, врач-хирург, 35 лет. Город Хинотега, Никарагуа.

Он ждал уже второй день и этим ранним утром неподвижно сидел на своей вилле, скрытой от нескромных взглядов густой зеленью; небритый, почти трезвый, несмотря на то, что время от времени бросал в бокал новую порцию ледяных кубиков, заливал их лимонным соком и щедро добавлял сверху дозу рома уже из четвертой бутылки. Он ждал, когда за ним придут, чтобы арестовать, посадить в тюрьму, а потом, вероятнее всего, расстрелять. Ведь он — контра, враг народной власти.

Но он не был врагом своей родины, своего народа — несколько чиновников народом считаться не могут. Он просто попался в хитроумно расставленный силок: время для «них» было как раз подходящее, чтобы его

поймать, и он дал втянуть себя в это грязное дело, поверил байкам о «благородных целях» движения, чем опозорил в конечном счете не только себя, но и весь свой древний и славный род, а особенно отца, погибшего от рук сомосовцев, предал его память.

Анхелика... Хорошо еще, что удалось уговорить ее уехать с малышками к тетке в Мексику. Хорошенько отдохнут от здешней нервотрепки и не будут свидетелями его позора.

Подумав о жене и двух дочурках, Маурисио почувствовал, что глаза его увлажнились. А потом вновь пришла уже передуманная и пережитая мысль: зачем ждать позора? Выбор у него богатый — автомат, пистолет, взрывчатка, яд. И смерти он, хирург, не боялся. Но нет, снова все уперлось в его дурацкое упрямство: испей чашу до конца, получи то, что заслужил, и пусть точку поставят те, перед кем виноват, а не сам...

Альтамирано были действительно благородным и гордым родом, история которого прослеживалась чуть ли не с появления в Никарагуа испанцев. Генерал Педро, его отец, безмерно презирал этих выскочек — семейство Сомосы — и смог внушить это презрение сыновьям. Когда Сандино начал свою отчаянную борьбу, генерал Альтамирано, правда, поначалу его толком не оценил. Скорее всего потому, что сандинисты 30-х годов были в основном крестьянами — неграмотными, бескультурными, грязно одетыми. Но когда громко и властно заявили о себе новые сандинисты, когда они совершили подвиг, которого никто не мог представить, Альтамирано поняли, что имеют дело с настоящими мужчинами.

Маурисио прекрасно помнил те события 1974 года. 27 декабря группа отчаянно смелых ребят из Сандинистского фронта национального освобождения с боем захватила дом высокопоставленного чиновника Хосе Марии Кастильо, бывшего много раз министром правительства. В момент нападения партизан в доме Кастильо был устроен прием по случаю рождественских праздников и в

честь посла США Тернера Шелтона. На ужин собрались члены правительства Сомосы и их семьи, правда, сам диктатор в это время находился по пути в Мадрид.

Военно-политическая операция, названная в честь сандиниста, погибшего от рук национальных гвардейцев в 1973 году, «Хуан Хосе Кесада», должна была продемонстрировать всем: во-первых, с диктатором можно и нужно разговаривать лишь силой оружия, во-вторых, показать, что сандинисты уже способны наносить удары в самое сердце режима. Кроме того, они стремились освободить товарищей, томящихся в сомосовских застенках, и постараться достать деньги для нужд дальнейшей борьбы.

Гвардейцы, опомнившись, попытались начать штурм, чтобы отбить дом, но восставшие, связавшись по телефону с братом Сомосы Хосе, предупредили: в первую очередь пострадают все министры и дипломаты, захваченные в качестве заложников. Выстрелы прекратились. А сандинисты передали свои требования. Главными из них были — опубликование их основных программных документов, а также подобранной ими информации об антинародных преступлениях диктатуры; освобождение части политзаключенных; выплата 5 миллионов долларов и предоставление самолета, чтобы они беспрепятственно могли вылететь в страну, дружественную их движению.

И диктатура вынуждена была капитулировать. О сандинистах заговорили уже не только в Никарагуа, но и во всем мире, а их сторонники убедились: даже в условиях военно-полицейской диктатуры партизанская война возможна и в городах. Это было особенно важно и потому, что борьба вступала в решающую стадию, хотя до победы было еще очень далеко.

Весь мир обошли фотографии этих славных парней и девушек, приветственно салютующих своему народу с трапа самолета, улетая, но не прощаясь навсегда. Они заявили: «Мы вернемся. Тирания падет». И свое слово сдержали.

Вот тогда-то Луис — старший из братьев Альтамирано — смог связаться с подпольщиками-сандинистами, и они получили возможность тоже принять участие в борьбе против Сомосы. Честно говоря, им это сделать было легче, чем кому-либо еще: ищейки не заблуждались в отношении чувств, которые испытывали Альтамирано к Сомосе и его прихвостням, но слишком древним и богатым был этот род, чтобы можно было себе позволить его тронуть. Но главное — их, безусловно, нельзя было подозревать: такие люди могут быть в оппозиции, но примкнуть к мужланам-бунтовщикам, взять в руки оружие... Никогда!

В их доме хранили оружие, находили убежище подпольщики и партизаны, спасающиеся от преследования, лечились тяжело раненные товарищи. Не раз Маурисио и Луису приходилось выполнять роль связных, а уж сколько они перевезли в своей машине и передали повстанцам на лесных дорогах винтовок — не счесть. Пришлось им полазить и по горным тропам, даже ночевать в партизанских шалашах...

А с того дня, когда патруль национальной гвардии открыл огонь по прогуливавшемуся недалеко от дома отцу, позже объяснив это «прискорбной ошибкой», Луис и Маурисио просто рвались в бой. Несмотря на уговоры товарищей, убеждавших, что их работа в городе гораздо ценнее и плодотворнее, братья все-таки ушли в горы. Они карабкались по тайной тропе, когда встретили спускающиеся колонны повстанцев, идущих на Хинотегу. Вот так, не успев покинуть дом, они снова вернулись в город, но уже с боями.

С законной гордостью, чувствами героев-победителей встретили братья 19 июля 1979 года — триумф революции, падение ненавистного режима. Думалось тогда: все, тирания низвергнута, наступает новая светлая жизнь. Теперь все будет хорошо, народ заживет единой семьей.

И поначалу казалось, что так оно и есть. Несмотря на лишения, все были счастливы. И даже когда Вашинг-

тон помог недобитым сомосовцам развязать войну против новой Никарагуа, обеспечив их средствами, инструкторами, оружием, люди тоже оставались уверены: это ненадолго. Полны оптимизма были и братья Альтамирано.

Тем более что Маурисио Альтамирано очень скоро стал человеком в стране известным. Ведущий хирург столичного госпиталя, он имел волшебные руки и золотое сердце. С каждым днем новые десятки молитв за него произносились из уст им спасенных, присоединяясь к тысячам, сотворенных раньше. Он мог запросто прийти к одному из руководителей республики — команданте, чтобы выпить чашечку кофе или пропустить стаканчик рома, и ему всегда были рады. Так же запросто и к нему заходили видные деятели Сандинистской революции.

Брат тоже имел весьма неплохую работу — был директором госпиталя в Матагальпе. Изредка они виделись, тогда, когда, выбрав день-два для отдыха, Маурисио сообщал об этом Луису и, заехав за ним на машине в Матагальпу, вез его дальше — в Хинотегу, где находилось родовое «имение» Альтамирано. Х-мм, вот именно, «имение»: домишко да сад. Хотя по нынешним временам это было неплохо, даже роскошно, настоящей усадьбой это никак не назовешь. Но им было там хорошо: расслабленный отдых после недель, а порой и месяцев тяжких нагрузок, неторопливая беседа, воспоминания детства. Правда, в последнее время то один, то другой начинали поднимать неприятную тему: обюрокрачивание части государственного аппарата.

Это, впрочем, было не слишком удивительно: постепенно в руководство не только городов, но и департаментов, в правительственные учреждения просачивалась часть чиновников старого режима, которые весьма своеобразно передавали свой опыт ведения государственных дел неискушенным в этом революционерам. Было больно и неприятно видеть подобное перерождение народной

власти, но, с другой стороны, успокаивало то, что процесс гниения затронул в основном лишь среднее звено. «Надо будет на эту тему поговорить с кем-нибудь из руководства», — каждый раз говорил себе Маурисио, но всякий раз забывал.

И дождался: пришло сообщение, что его брат арестован. Маурисио, не предупредив никого, бросился в Матагальпу, добился приема у руководителя службы безопасности и узнал некоторые подробности. Оказывается, в госпитале из сейфа пропала крупная сумма денег. Исчезла и секретарша директора, у которого с ней были отношения более чем дружеские. Маурисио потерял голову. Он предлагал тут же привезти необходимую сумму денег, просил выпустить брата. И этим еще больше все испортил — это попахивало предложением взятки. Выкрикнув напоследок в лицо начальнику госбезопасности серию угроз, он умчался в Манагуа.

Но там уже все было известно: и о его самовольном отъезде, и о попытках предложить деньги, и об угрозах в адрес службы безопасности. Поэтому везде, где он появлялся, понимания не возникало, и разговаривали в лучшем случае сухо и холодно. Маурисио пришел в ярость: так обращаться с героем освободительной борьбы, светилом, лучшим врачом республики! Бледный от гнева, явился он в министерство здравоохранения, оттолкнув секретаршу, с которой у него всегда были теплые отношения и которая пыталась ему что-то сказать, буквально ворвался в кабинет министра и бросил на стол заявление об отставке.

— Боюсь, ты горячишься, Маурисио, — пытался остудить его один из руководителей отрасли. — Разберутся с твоим братом — если не органы, то суд разберется. Если не виноват — извинятся. Ну, не горячись.

— Пошел к дьяволу! — не владея собой, выкрикнул Альтамирано. — Все вы — дерьмо и подонки! И революция ваша — тоже дерьмо!

— Щенок! Ты что себе позволяешь?! Это ты о ре-

волюции так?! Тогда убирайся из страны на все четыре стороны, плакать не будем...

Но Альтамирано не слушал — он уже выходил из двери. Через минуту вскочил в свой «пежо» и так рванул с места, что покрышки завизжали. А еще спустя пару часов его машина уже выезжала из Манагуа в направлении Хинотеги.

...Первую записку он получил спустя месяц со дня, когда окончательно поселился в «имении». Белый конверт с напечатанным на машинке адресом «Досточтимому дону Маурисио Педро Альтамирано — лично» лежал на переднем сиденье его «пежо». Письмо было тоже напечатано и гласило: «Просим Вас принять уверения в чувствах глубочайшего уважения и восхищения поступком, достойным настоящего представителя рода Альтамирано. Мы были счастливы узнать, что такой человек, как Вы, тоже пришел к выводу о невозможности сотрудничества с быдлом, которое называет себя «революционным правительством» и пачкает святое для каждого никарагуанца имя Сандино, используя его для оболванивания народа. Вы, дон Маурисио, сами убедились, что горстке диктаторов, захвативших власть в свои руки, глубоко безразличны судьбы нашего народа и самой Никарагуа. Они оптом и в розницу торгуют страной, расплачиваясь ее богатствами за оружие, которое им нужно для сохранения собственной тирании. Почему голодает народ? Почему, если ты сегодня не истратил заработанные деньги, завтра на них уже не купишь и пачки сигарет? Почему крестьяне уходят в горы?

Все соки из нашей многострадальной страны сосут Даниэль Ортега со своими приспешниками, все богатства страны уходят в Гавану и Москву. Для того ли мы боролись против сомосовской диктатуры, для того проливали свою кровь?

Но народ ведет борьбу не на жизнь, а на смерть против узурпаторов власти. На нашей стороне — все честные никарагуанцы, на нашей стороне Эден Пастора.

Родина зовет под свои знамена и Вас, дон Маурисио из славного рода Альтамирано! Не дадим, чтобы над нашей прекрасной солнечной родиной повисла черная ночь марксистского диктата и террора! Освободим всех брошенных в застенки патриотов, в том числе и Вашего брата, безвинно страдающего за свои убеждения!

Если Вы, дон Маурисио, готовы вступить в эту опасную, но благородную борьбу, дайте нам знать — мы придем и поговорим конкретно, по-деловому, как настоящие мужчины. Знаком о согласии на встречу будет цветок под правым стеклоочистителем Вашей машины. Мы верим в Вас и надеемся на мужество Вашего сердца.

Друзья».

Да, надо признаться, те, кто готовил сочинение, неплохо были осведомлены не только о личных делах Маурисио, но и о его характере. «Святое для каждого никарагуанца имя Сандино», «боролись против сомосовской диктатуры», «опасная, но благородная борьба», «мужество Вашего сердца» — о, они знали, чем взять Альтамирано. Он без колебаний воткнул цветок под правый «дворник», но через несколько минут, повинуясь мгновенному импульсу, выдернул его. Он сам не мог сказать, что заставило его это сделать — какое-то неясное, неуловимое ощущение. И решил не торопиться, а посидеть и все хорошенько обдумать.

Размышления были нелегкими и тревожными. Что это? Если провокация, затеянная службой безопасности с тем, чтобы его можно было бросить в тюрьму, как брата, то, во-первых, для них не нужно и предлога, а во-вторых, они знают, что он ничего и никого не боится. Да и потом, вряд ли безопасность приложила бы столько стараний, чтобы составить подобное витиеватое послание.

Тогда оно написано оппозиционерами. Какими? До сих пор, насколько Маурисио знал, не особенно интере-

суясь политикой, против власти боролись отъявленные бандиты — бывшие сомосовские палачи, уголовники-садисты, к которым примкнули или запуганные крестьяне, или купленные авантюристы, или те, чьи ближайшие родственники из старших были в рядах «контрас».

Эден Пасто́ра — это был сильный козырь. Легендарный «команданте Серо», возглавивший ту знаменитую операцию патриотов, последним входивший в самолет с освобожденными товарищами, первым снявший маску. Это именно его фотография на верхней ступеньке трапа самолета, с гранатой, укрепленной под подбородком, мужественным и чертовски славным лицом, облетела тогда весь мир. Да и сегодня она в доме у многих.

Пастора, поначалу входивший в число руководителей страны, порвал потом с сандинистами, уехал из Никарагуа и примкнул к лагерю зарубежной оппозиции. Но позже, ознакомившись с ее целями, с методами, которыми действовали «контрас», он порвал и с ними, даже решил возвращаться на родину, заявив, что «наконец-то прозрел». Маурисио сам читал об этом — не в «Баррикаде», которая могла пустить пропагандистскую утку, а в респектабельных и настроенных далеко не дружелюбно к сандинистам «Тайме» и «Ньюсуике».

Значит ли это письмо, что создан новый фронт, новая организация, отвергающая преступные методы «контрас», не желающая сотрудничать с палачами прежнего режима, но ставящая целью проведение демократических преобразований в Никарагуа мирным путем, построения справедливого общества? Маурисио слышал о том, что сандинисты разрешили существование оппозиции, мало того, назначили свободные выборы на конец февраля 1990 года и вступили с этой оппозицией в честную схватку за победу. Не они ли это? Но тогда почему такая секретность, конспирация? Альтамирано уже пару раз указывал агитаторам, приходящим к не-

му, на дверь, заявляя, что этим грязным делом — политикой — не интересуется.

Нет, конечно, он поступил правильно, что отказался от встречи — не мальчишка, чтобы играть в подобные игры. Хотя вообще-то надо бы постараться узнать о тех, кто подписался «друзья» и написал чертовски верные слова, поподробнее.

...Ничего у него из этого не получилось: друзей, которым можно настолько доверять, почти не было, окольными путями ничего путного выяснить не удалось. А тем временем пришло еще два послания. Их автор или авторы словно знали, что смущает Маурисио, и прямо говорили об этом в письмах, отвечая на незаданные вопросы, рассеивая невысказанные сомнения. И наконец он решился. В этот день его автомобиль украшал большой алый цветок, закрепленный под правым стеклоочистителем.

Гость пришел на следующий вечер, когда Маурисио уже собирался было отдыхать. Он был лет тридцати, невысокий, с прямыми, жесткими, черными волосами и широкими скулами. Взгляд, несмотря на старательно выдавливаемую широкую улыбку, колючий и настороженный. Он вызывал у хозяина дома инстинктивную брезгливость. Первое впечатление подтвердилось: гость ел жадно, чавкая, шмыгал носом и хмыкнул, когда Маурисио предложил ему коктейль: «Чистый ром — это мужской напиток». Он пил его без льда и сока, довольно много, но не пьянел, а лишь шире улыбался.

Знакомясь, пришелец отрекомендовался: «Непокорный», а на удивленный взгляд Альтамирано пояснил: «Конспирация в нашем деле — главное. Мы предпочитаем пользоваться не именами, а псевдонимами. Так будет проще, если кто-то попадет в лапы госбезопасности».

Но зато уж говорить неприятный посетитель умел! По всему было видно, что послания сочинял именно он, и через каких-нибудь два часа Маурисио был самым

горячим приверженцем «внутреннего фронта». А еще через час, условившись о способах связи, паролях, явках, «Непокорный» распрощался, назначив новое свидание и пообещав, что придет с некоторыми другими членами «фронта», живущими в Хинотеге. Сам он, как понял Альтамирано, был гостем в городе.

В следующую встречу поначалу Маурисио снова был неприятно удивлен: в числе членов «фронта», пришедших на совещание, он увидел сапожника Мануэля Агилара. «Премерзкая личность» — говорили о нем в Хинотеге. При Сомосе лизал руки власть имущим, после победы революции вначале орал «ура!» и выкрикивал революционные лозунги, когда же убедился, что он — представитель угнетенного класса, а новая власть не трогает даже аристократов, стал брюзжать по любому поводу, вначале шепотом, а потом все громче стал ругать сандинистов. Вообще, поговаривали, что он вечный осведомитель.

Но и тут Маурисио сдержался. На совещании обговорили практические вопросы, предложили некоторое количество оружия хранить у Альтамирано (без решительной схватки все равно не обойдется, узурпаторы будут хвататься за власть), и «Непокорный» сообщил, что путем опроса избрано руководство «внутреннего фронта». Кандидатуры одобрены зарубежным руководством, в том числе и Эденом Пасторой. Других он не назвал — еще не время. В пятерку руководителей вошел Альтамирано (псевдоним — «Благородный») и Агилар (псевдоним — «Мститель»). Другие уже имели свои псевдонимы, и их имен никто не услышал.

Идиллия продолжалась не слишком долго. Маурисио был достаточно умен, чтобы понять: его купили, как мальчишку, звонкой фразой, втянув в грязное, постыдное дело, на которое, лишь щадя чувства таких, как он, навесили фальшивый ярлык «борьбы за демократизацию общества, против марксистской тирании». Полностью глаза у него открылись, когда обсуждался план органи-

зации в Хинотеге серии взрывов. Альтамирано пришел в ужас:

— Но ведь погибнут десятки, даже сотни людей! Большинство не имеет никакого отношения к властям, да и среди представителей власти немало порядочных, честных горожан. В конце концов, сандинисты остаются в меньшинстве.

Ему быстро заткнули рот:

— Революции без крови не бывает. А среди этой так называемой оппозиции половина — предатели, другая — трусы, готовые идти на поклон к сандинистам. Мы должны смело идти на жертвы. Ради высокой цели пусть прольется кровь и невиновных. Если ты струсил, так и скажи...

И остальное в этом роде. Сейчас Альтамирано понимает: нужно было пойти в госбезопасность, обратиться к ее начальнику Марио Селае, его давнему и хорошему знакомому, почти приятелю, который не раз был партнером по покеру, ходил с ним на рыбалки или сиживал на веранде за неторопливой и приятной беседой. Капитан был не только душевным, умеющим слушать и умным собеседником, но и блестящим рассказчиком с недюжинным чувством юмора, который не оставлял его, даже когда речь шла о достаточно серьезных вещах.

Но Маурисио уже не мог этого сделать: слишком далеко он зашел. Он хорошо понимал, что упустил тот момент, когда можно было бы по-дружески беседовать с человеком, занимающим подобный пост. Сейчас уже никакие самые близкие отношения не дадут капитану право уклониться от строгого и неукоснительного выполнения своего служебного долга. Да и не хотел гордый Альтамирано снисхождения — он считал долгом чести за все расплачиваться сполна. Единственное, что он мог сделать, — это не выдать перед заговорщиками своего полного неприятия их планов, сделать вид, что это были сиюминутные «интеллигентские» колебания. Что толку,

если он не выйдет отсюда живым, — они найдут другого.

Предупредить власти о заговорщиках официально? Ну уж нет! Доносчиком человек из рода Альтамирано не станет!

А вчера он понял: даже колебаться больше не надо. За ним и так придут. За всю свою жизнь, начиная лет эдак с двенадцати, он ни разу не мог припомнить случая, когда бы его подвела интуиция. Это чувство настолько в нем было развито, что он уже давно привык полагаться на него целиком и полностью. И даже — но в этом он не признался бы и под пыткой, никому, никогда — во время наиболее сложных хирургических операций. Так вот, он почувствовал, да нет, знал твердо, что всех их выследили и аресты последуют с минуты на минуту.

Именно поэтому он ждал уже второй день, пил, думал и готовился к аресту и смерти. И брата, который позвонил вчера утром и сообщил, что следствие закончилось, его официально признали невиновным, извинились, выплатили денежную компенсацию и восстановили в той же должности, Маурисио тепло поздравил, но попросил пока не приезжать. Придумал какую-то вроде бы вескую причину. И единственное, о чем сейчас мечтал, чтобы пришли ночью и как можно меньше соседей видели бы его унижение и позор.

Или все же решиться?

Альтамирано встал, слегка покачнувшись, прошел в спальню и достал из шкафа автомат — короткий и удобный, со сложенной металлической рамой приклада. Непрофессионально, но уверенными движениями отщелкнул рожок — тот был полон патронов, один уже в стволе. Снова вставил рожок на место, вернулся на веранду и снял автомат с предохранителя. «Как это просто, — начал он философствовать про себя — видимо, ром все же действовал. — Нажать эту штуку, и я навсегда, без мучений и практически без боли перестану существовать. Не будет ни стыда, ни бесконечного ожидания, ни-

чего не будет. Удобную вещь завели себе вояки — куда быстрее и уж точно надежнее яда...

Чуть слышно звякнул колокольчик. Маурисио выглянул из окна: неторопливо, по-деловому, словно в гости, шел к дому капитан Марио Ногейра Селая. Но Альтамирано хорошо знал, что идет он не для того, чтобы поболтать или сыграть в карты, не для того, чтобы выпить стаканчик рома. Он направляется к нему, чтобы надеть на него наручники, подчинить себе того, кто никогда никому в жизни не подчинялся, бросить в тюрьму, а потом расстрелять, как собаку, и бросить теплый еще труп в яму.

Маурисио чуть не закричал. А потом вдруг голова стала трезвой и холодной, ему показалось, что наконец-то он понял, как должен поступить. Мысли работали четко и ясно. Он сжал автомат в руках, направил ствол в окно и поймал высокую, чуть сутулую фигуру капитана в прорезь прицела...

Марио Ногейра Селая, начальник управления государственной безопасности VI региона, капитан, 38 лет. Город Хинотега.

В начале апреля здесь погода просто отличная: ни жары, ни дождей. А прогуляться — одно удовольствие, если, конечно, выбрать время для беззаботной прогулки. Можно даже пробежаться, и сердце сбоев давать не будет — ведь в конце концов, когда не исполнилось еще и сорока, что бы ни думали сопливые мальчишки, это — самый золотой возраст для мужчины, тем более что на здоровье свое он, тьфу, тьфу-тьфу, пожаловаться не может, тренированное тело, гибкое и сильное, выполняет любое желание, и вообще, вся жизнь еще впереди, и в ней случится еще много такого замечательного, что заранее дух захватывает.

А пока капитан Селая любуется спящими дочурками — Марией и Луисой. Он их любит, очень любит, но все-таки с надеждой смотрит на округло выпирающий

под простыней живот Эстрелы: она на седьмом месяце, и он безумно хочет на этот раз сына, и она родит ему Мигеля, или Санчеса, или Эрнесто — они пока еще не думали об имени, это ведь не главное. Главное, что ради него, еще не родившегося, капитан Селая, собрав в кулак всю свою железную волю, с пятой попытки бросил курить, и уже 96 дней как ни единой затяжки, а с 14.40 пойдет 97-й, скоро и юбилей отмечать можно будет. Но зато сын, который, конечно же, станет очень уважать отца, всегда будет иметь перед глазами благотворный пример и ни за что не начнет травить себя этой гадостью.

Марио выходит из спальни, собственно, она же и гостиная и столовая — у них лишь одна комната, правда, есть настоящая кухня, и долго ворчит: опять нет воды, ну что за безобразие такое, и это на одиннадцатом году народной власти. Вообще, перебои с водой случаются все чаще, да и в Матагальпе и в самой Манагуа — та же история. Говорят, обветшали окончательно системы коммуникаций, ну, конечно, и саботаж случается, хотя прямых диверсий удавалось пока не допустить.

Он тщательно умывается, сливая себе из заготовленного заранее ведра, потом так же тщательно варит кофе — завтракать почему-то не хочется, хотя с вечера еще сварена маисовая каша. Медленно, очень медленно и вдумчиво пьет капитан Селая горький ароматный напиток и не жалеет ни о чем другом, кроме как о табаке, о том, что нельзя перемежать глотки кофе затяжками вкусной (ох какой вкусной!) и крепкой (а только такие и стоит курить, хорошо бы, конечно, кубинские «Монтекристо» — вещь!) сигаретой. Мысленно прикурив еще одну сигаретку и налив уже четвертую чашку, наконец вздыхает, махнув рукой: «Что толку притворяться! Все равно не получится совсем отвлечься от этого дела, так лучше еще раз обдумать его, еще раз взвесить и — или окончательно утвердиться в своем решении, или отказаться от него и действовать, как положено».

Итак, сегодня ему предстоит арестовать человека, к которому он испытывает не только порядочную долю симпатии, но более того — уважение и дружеские чувства. Было бы идеально, если бы в отношении его были просто подозрения и они в конце концов оказались бы ошибочными. Но майор Карденас не ошибается. Он никогда не даст категоричного заключения на основании лишь донесения одного из своих людей — он его проверит и перепроверит. И уж если сообщение звучит столь уверенно, сколь это было в шифровке, значит, сведения абсолютно точны.

Приходится признать, что дон Маурисио Педро Альтамирано обвел его вокруг пальца. Нет, он не распинался в любви к народной власти, наоборот, говорил — если случайно разговор заходил на эту тему — желчно и насмешливо, с горечью, которую пытался выдать за злость. Не особенно ликовал и по поводу недавней победы оппозиции: на выборы вообще не пошел, а после того, как были оглашены результаты, в которых сандинисты потерпели совершенно неожиданное не только для себя, но и для большинства иностранных наблюдателей поражение, пожал плечами: «Жаль. По большому счету они проявили себя совсем неплохо. Наделали, конечно, кучу ошибок, но теперь поняли свои промахи и начали было их исправлять. Будь моя воля, я бы дал им шанс доделать все до конца. А теперь — новые реформаторы, старые ошибки. Или ошибки тоже новые, что вряд ли для людей имеет принципиальное значение. Жаль». Капитан Селая хорошо знал его дореволюционную биографию, как и то, что произошло позднее, и понемногу готовился к решающему разговору. Выходит, зря готовился...

Сейчас необходимо было разобраться в своих ощущениях, разложить их по полочкам настолько точно, насколько это вообще в человеческих силах. Ибо в случае ошибки заплатить придется не только его, Марио, жизнью, но, возможно, и жизнями товарищей — при задер-

жании ими бандитов ни о какой внезапности речи уже и быть не может. Никто, конечно, не уйдет — наблюдение установлено достаточно плотное, но дел бандиты могут натворить немало.

С другой стороны, кто поручится, что неожиданность помешает им или кому-нибудь из них натворить не меньших, если не больших бед? Мы пока не знаем, какими возможностями они располагают, — и уже не узнаем, поскольку времени не осталось. А вдруг достаточно нажатия одной кнопки радиоуправления и весь город, ну хотя бы часть его взлетит на воздух? И где вообще находится эта кнопка?

Думай, капитан, думай...

Насчет кнопки — вполне возможно. А вот то, что она не находится в руках Маурисио Альтамирано, Марио готов поклясться чем угодно. Возможно, он предатель, враг, но не террорист. Хотя, если это так, почему не пытается предотвратить намеченное массовое убийство беззащитных? А потому, отвечает себе капитан, что он — аристократ, вмешаться может, лишь став осведомителем — по его меркам, конечно. Доносительство же для такого человека, как он, отвратительно и абсолютно неприемлемо.

Хорошо, допустим, подобные рассуждения верны. А теперь, товарищ капитан, попробуй ответить на два вопроса. Первый: что сделает дон Альтамирано, когда увидит тебя возле своего дома?

Ответ: одно из трех — убьет себя, убьет меня или впустит, ничего не подозревая, а возможно, и для того, чтобы послушать, что интересного смогу сказать. Все три вероятности приблизительно одинаковы, но добавить гирек на третью чашу весов (любопытно, кстати, было бы посмотреть на такие весы) можно — для этого надо пойти, не надевая формы и без пиджака, чтобы видел, что я пришел без оружия.

Второй вопрос: если предположить возможность переговоров с ним, каковы шансы на то, что он согласится сотрудничать? Положим руку на сердце: ничтожные.

Даже вспомнив о его поведении в период борьбы с Сомосой, видим: это почти ничего не меняет — тогда он был в оппозиции, а сейчас ему нужно занять сторону властей, сторону победителей, сторону сильных.

Значит, ставка может быть лишь на то, что он честен и благороден, а кроме того, умен и способен мыслить трезво, без малейшего налета фанатизма. Тогда он поймет: помочь взять остальных так, чтобы заложенная ими взрывчатка (а он, несомненно, знает о ней) не разнесла дома с готовящими обед старухами, школы с внимательно слушающими учителей ребятишками, — это не предательство. Это шаг, который спасает сотни жизней, а отказаться от него — значит стать соучастником убийства, в том числе и детишек. Ты, капитан, обязан объяснить ему это, просто не можешь говорить иначе, чем так, чтобы он понял тебя. Это — твой шанс.

Все, пора подводить итоги. И Марио Селая, достав блокнот и авторучку, аккуратно вывел цифры этого смертельного расклада: «Самоубийство — 30, стрельба по мне — 20, приход в дом — 45, непредвиденный исход — 5 шансов из ста».

Он посмотрел на листок, словно подсчеты эти были сделаны кем-то другим для того, чтобы он, Марио, смог принять верное решение, и вполголоса сказал: «Ясно. Риск вполне оправдан».

Потом написал еще: «Согласится — 15, откажется — 85». Снова взглянул на кем-то другим подведенный итог и даже засмеялся радостно: «Или — или, но риска нет вообще. Теперь все ясно»...

Он решительно подошел к полевому телефону, снял трубку и покрутил ручку:

— Дежурный? Старший лейтенант далеко? Давай его. Луис? Доброе утро! Занимайте места по распорядку-2. Сигнал к штурму всеми группами — выстрел или взрыв. Смотри, чтобы у кого-нибудь раньше времени не разыгрались нервы, все может полететь к черту. Я иду к Альтамирано. Если на подходе будут эксцессы, пусть

ребята действуют по обстоятельствам, если же войду в дом — снимай группу немедленно. Слышишь — немедленно! Чтобы ни одного человека поблизости не осталось. Не перебивай и не ори — я не камикадзе и знаю, что делаю. Только что возникла пара моментов, некогда рассказывать, но успех всей операции почти гарантирован. Повторяю: если я войду в дом, снимай людей, а сам зайди... скажем, к донье Эсперансе Эскабар и жди возле телефона. Я позвоню и объясню, что делать дальше. Не обижайся, идея возникла лишь несколько минут назад...

Насчет «пары моментов» капитан Селая сказал в надежде хоть немного успокоить Луиса Рамиреса. Он знал, как парень привязан к нему, и понимал его состояние. Их было трое друзей до того, как убили Луиса Селдона, и понятно, что Рамирес сейчас места себе не находил от беспокойства за капитана, последнего друга.

И все то время, пока Марио надевал свежую рубашку, тщательно причесывался, а потом неторопливо шел по улицам Хинотеги, он вспоминал эту трагическую и вместе с тем до обидного нелепую гибель бывшего своего заместителя и одного из ближайших друзей.

Это было полгода назад, когда он участвовал в совещании руководителей госбезопасности, проходившем в Манагуа. А здесь за начальника оставался Селдон. В управление зашел местный лавочник и, покашливая от смущения, сказал, что вроде бы видел человека, прячущегося в недостроенном домишке буквально в двух шагах отсюда. Дело было в начале одиннадцатого вечера, и старший лейтенант Луис Селдон, человек опытный, удачливый, необычайной храбрости, с которым капитан Селая провел не одну рискованную операцию, пошел взглянуть сам, оставив на месте сержанта. Через двадцать минут сержант, хотя и не без колебаний, побаиваясь, что его поднимут на смех, поднял дежурную группу. В развалинах они обнаружили труп Луиса Селдона — он был убит единственным ножевым ударом в сердце.

А еще через месяц из Манагуа сообщили: уничтожена

опасная банда «контрас». У убитого в перестрелке главаря по кличке «Неудержимый кабан» было обнаружено редкое оружие -- пистолет «люгер». По номеру узнали, что он принадлежал старшему лейтенанту Луису Селдону, добывшему его в кровопролитных боях неподалеку от гондурасской границы и, как положено, официально зарегистрированному в качестве его личного оружия.

И вот теперь он сам, поверив в свои дурацкие выкладки, с таким же легкомыслием идет как бы на шпагу посмеивающегося матадора. С тупым упрямством кому-то что-то пытаясь доказать, готов сделать жену вдовой, а детей, в том числе и не родившегося пока сына, сиротами.

Марио Селая обругал себя безмозглым идиотом, бесхвостой обезьяной, тупоголовой игуаной и еще кое-как покрепче и твердо решил повернуть обратно. Но в следующую минуту распахнул калитку и пошел по аккуратно подметенной дорожке к вилле, чувствуя на себе из-за кустов тяжелый немигающий взгляд...

Мануэль Чаварриа Агилар, сапожник, 34 года. Город Хинотега.

Если бы составить график его настроения за последние полгода, то зубчатая черта его, отражая взлеты эйфории, перемежающиеся падениями черной меланхолии, тем не менее постоянно карабкалась бы вверх. Поскольку разочарования, конечно, случались, однако Мануэль был окрылен и не без оснований готовился к решительным действиям, которые будут иметь колоссальное значение в дальнейшей его судьбе. Ну, конечно, в судьбе Никарагуа тоже, но в его личной — в первую очередь. «Непокорный» намекнул, что избрание одним из руководителей «внутреннего фронта» -- знак особого доверия и именно этот пост, занимаемый в подполье, откроет ему путь в будущее правительство страны.

Отец Агилара погиб в пьяной драке, когда Мануэлю было лишь десять лет, два старших брата исчезли в неизвестном направлении чуть позже, и они с матерью, без

родных и друзей, выкарабкивались из болота, в которое засасывала их эта жизнь. Мать хваталась за любую работу, Мануэль же работы не находил и потому не брезговал ничем, лишь бы не подводило от голода брюхо. В банду он не вступил по разным причинам, то зависящим от него, то нет, но, конечно, подворовывал на рынке, был неоднократно бит, причем один раз серьезно, раз пять находил в горах раненых сандинистов: к двоим из них, не имевшим ни еды, ни денег, ни знакомых в городе, после условленного сигнала выходил не Агилар, а полиция. Что делать? Полиция имела возможность заплатить, раненый, оказавшийся один, — нет. Не повезло, стало быть, ему: Мануэль хоть и ненавидел полицию, но голод ненавидел еще больше.

Самое удивительное, во что трудно поверить, заключалось в том, что Агилар победы революции не заметил. Точнее, он настолько был занят собой и своим желудком, что заключительная фаза наступления сандинистов на Манагуа, проход через Хинотегу вначале отступающих сомосовцев, а потом и наседающих им на пятки повстанцев, бои на окраине города, установление народной власти здесь — все это прошло мимо него.

Однако затем Мануэль сориентировался быстро: он ходил по улицам, выкрикивая революционные лозунги, размахивая мачете, кричал «смерть кровопийцам» и, собрав с десяток таких же «революционеров», разграбил два поместья. Он думал, что наступила жизнь, в которой он сможет стать если не хозяином или состоятельным доном, то хотя бы всегда сытым и нормально, не в рванье одетым горожанином. И тем ощутимое и болезненнее оказался удар, когда его поймала народная милиция, отобрала награбленное, а потом какой-то щенок в течение нескольких часов читал им лекцию о революции и законности, необходимости самоотверженного труда и строгого соблюдения дисциплины.

После этого Агилар революцию с ее новой властью возненавидел полностью и безоговорочно, всю целиком,

не выделяя конкретных личностей, не делая исключений и не готовый простить никому, ничего и никогда. Поняв через некоторое время, что аресты и пытки по подозрению, бесследные исчезновения людей, скорые на расправу суды — короче, все, о чем так упоенно шептались в очередях и закоулках, на самом деле новой властью отнюдь не практикуется, он вначале робко, потом все более открыто ругал правительство и местные власти, сандинистов и марксистов, распускал самые невероятные слухи и сплетни и даже подумывал об уходе в Гондурас, к «контрас». Мешало одно небольшое, но существенное обстоятельство: Мануэль был неимоверно труслив (до безобразия), а, судя по газетам, после почти каждого нападения «контрас» на города или поселки немало «борцов за свободу» находили последнее пристанище в наскоро выкопанной яме, брошенные туда без причастия и креста над могилой — большинство никарагуанцев почему-то не жаловали этих насильников, бандитов и убийц.

Однажды Агилар с подвернувшейся оказией съездил в Манагуа — продать кое-что из продуктов и несколько пар крепких ботинок, которые он изготовил из найденных в горах высоких и крепких башмаков американского производства. Поездка оказалась на редкость удачной, и уже в три часа дня он оказался в кабачке «Портеро де Льяно», неподалеку от автобусной станции, откуда через пару часов должен был отправляться автобус на Хинотегу.

Должно быть, он выпил не меньше пары полбутылок дешевого рома, когда вдруг тяжелая рука хлопнула его по плечу:

— Мануэль, скотинка старая, да ты, оказывается, еще живой!

Он вскочил, мгновенно придя в себя и готовый задать стрекача. Но человек, хлопнувший его, уже обнимал за плечи и почти силой усаживал снова за стол, одновременно громко требуя бутылочку. Агилар узнал его сразу: Аугусто Родригес по прозвищу «Толстобрюхий» был членом одной из двух соперничавших в Хинотеге банд. Имен-

но «Толстобрюхий» однажды, когда Мануэль решился, возражал против его приема в шайку, заявив, что трус — это уже почти предатель. Так что его необычайная радость и сердечность выглядели по меньшей мере странно.

И все-таки здесь, в столице, после нескольких часов, проведенных в постоянной тревоге и ожидании, что его вот-вот обжулят и оберут до нитки, Агилар почувствовал некоторое подобие радости. Какой-никакой, но знакомый, земляк. Тем более что он был уже крепко навеселе, а Аугусто щедро подливал принесенный и уже оплаченный ром. Разговор, вначале сумбурный, стал еще более беспорядочным, и Мануэль почти не удивился, когда обнаружил, что его автобус уже ушел, а «Толстобрюхий», прихватив еще пару бутылок, ведет его на какую-то квартиру, «к себе», как он важно подчеркивает.

С трудом вспоминал Агилар обрывки разговоров, вклинивавшихся в это многочасовое пьянство. Помнит, что плакал и ругал власть, так и не давшую ему достатка и свободы; оскорблял Родригеса и всю его шайку, упрекал за то, что они отвергли его услуги, предлагал «грабануть банк и с монетой махнуть в хорошую страну». Все это смутно, в тумане. Но отчетливо помнит, что «Толстобрюхий» вдруг сказал ему тихо и внушительно, совершенно трезвым и рассудительным голосом, а Агилар замер и начал слушать падающие в тишину слова, тоже на минуту протрезвев и став чертовски внимательным:

— Если хочешь стать большим хозяином, внимай и воспринимай, не перебивая и не рассуждая. Ты пока еще подобие человека, но с нашей помощью можешь в него превратиться. Вернешься домой — прекрати свою дурацкую болтовню. Люби всех — соседей, торговцев, власти, ты просто обожаешь режим и будешь обожать его, пока не настанет время его убить, зарезать, взорвать. Не высовывайся. Чини туфли и делай прочную обувь. И жди. Тебя навестит хороший человек, и если к этому времени ты будешь умнее, незаметнее и хитрее, тебя ждет большое будущее в этой, именно в этой стране, где ты родился

и вырос, знаешь ее и ее людей и где тебе будет так хорошо, как нигде и никогда. Но жди, маскируйся, а потом делай все, что скажут тебе люди, которые могут сделать тебя хозяином страны.

Он говорил медленно, словно заклиная; в голове у Мануэля шумело, в глазах вспыхивали оранжевые искры, в ушах раздавался звон — легкий, но мешающий разбирать слова, однако Агилар знал, что каждое из них навсегда останется в нем, в глубине мозга, в уголке души.

Наваждение закончилось так же резко и внезапно, как и началось, и снова они пили и выкрикивали глупости, перебивая друг друга.

А утром Родригес был на удивление весел, бодр и энергичен. Мало того, он показал Мануэлю, что имеет еще кое-какие связи в этом мире. Освежившись ромом с кока-колой, он оставил Агилара одного дома, приказав:

— Жди здесь, но не очень накачивайся — я тебе приготовил замечательный сюрприз, и ты должен быть как стеклышко, чтобы увидеть все, что покажу. Клянусь, этот день ты запомнишь навсегда.

«Когда он его только успел приготовить? — тупо размышлял Агилар, оставшись один. — Что-то здесь нечисто, ноги надо делать отсюда. Вот сейчас встану, и только меня видели»...

Он отчаянно трусил и не хотел оставаться в этом опасном доме ни минуты, но именно потому, что он был трусом, не смог уйти и остался. И действительно, позже не пожалел. Родригес явился в приподнятом настроении, подошел к шкафу и выкинул целую кучу брюк, пиджаков, рубашек:

— Выбери себе по размеру и переоденься. Мы поедем в приличное место, и я не хочу, чтобы ты выглядел, как оборванец...

«А сам-то», — хотел было обиженно огрызнуться Мануэль, но тут же прикусил язык: «Толстобрюхий» уже достал из того же шкафа шикарный костюм на вешалке и осторожно водил по нему одежной щеткой.

На улице же Агилар вообще потерял дар речи: Родригес подвел его к старенькому, но настоящему «пежо» и распахнул дверцу: «Прошу!» Сам занял место за рулем (откуда он умеет водить машину?!), и они поехали.

Об аристократическом празднике «Фиеста ипика», который особенно шикарно проводят помещики Леона, Агилар смутно слышал. Это праздник наездников, ярмарка толстых кошельков, на которую пускают лишь людей своего круга, причем появляться там можно только верхом. И они едут туда?! Да кто же их пустит?!

— Ха-ха-ха, — громко расхохотался Родригес. — Ты, брат, забыл, что это сандинистское быдло внесло свои коррективы даже в жизнь этих богачей — теперь все гораздо проще. Видишь, хотя власть и скотская, но и от нее прок получить можно — умный выигрывает всегда. Впрочем, — спохватился он, — главное не в этом. Я ведь пользуюсь, так сказать, некоторым влиянием в некоторых влиятельных кругах, то-о-чнее, я сам принадлежу к этим круга-а-а-м, — цедил Аугусто, начав почему-то растягивать слова. — Поэтому со мной у тебя никаких про-о-блем не будет. Держись за меня, и ты сам со временем бо-о-ольшим человеком станешь...

Пользовался Родригес влиянием или нет — неважно. Но Мануэль действительно запомнит этот праздник на всю жизнь: казалось, здесь собрались богатство и красота со всего света. Роскошные наряды, богатое убранство чистопородных лошадей, невесть откуда взявшиеся парадные мундиры, вспышки блицев «придворных» фотографов и суета прихлебателей. Парад скакунов, школа выучки, выборы блистающей Мисс Фиесты — было отчего закружиться голове. А Родригес еще показывал ему то на одного дона, то на другого и шептал титулы и громкие имена, в прежние времена собравшие бы вокруг себя тысячи верноподданных.

Мануэль Агилар не помнит, как они возвращались домой, как снова сидели у Родригеса и пили, как «Толстобрюхий» внушал ему инструкции, заставлял заучивать

пароль, как, наконец, он сел в автобус и покатил к своей убогой халупе. Он был ослеплен, оглушен, раздавлен. И лишь через несколько дней обрел способность видеть и слышать, и вместе с этими чувствами на него нахлынула такая бешеная ненависть ко всем и ко всему и такая яростная, до слез в глазах и спазмах в горле злость от своего жалкого, им же самим превращенного в униженное, беспросветного существования, какие он не ощущал никогда в жизни. И со сжатыми кулаками и пылающей головой Мануэль поклялся себе, что будет делать все, что надо: резать, жечь, стрелять, взрывать, но добьется подобающего места в жизни, вырвется в первые ряды и когда-нибудь гордо въедет на собственном арабском скакуне на «Пласа де торос» — арену для боя быков, где проходит «Фиеста ипика» и сама Мисс Фиеста будет счастлива приветствовать его. Ради этого он не остановится ни перед чем.

...Через полтора месяца к нему пришел «Непокорный», назвал пароль, жестко поправил, когда Мануэль пропустил слово, и так ясно дал понять, что отныне не существует ни вопросов, ни рассуждений, но лишь его приказ, что у Агилара похолодели кончики пальцев. И завертелась эта жизнь, словно колесо рулетки, но с тем отличием, что Мануэль уже твердо знал: любая цифра, против которой остановится стрелка, будет его выигрышем. Поэтому он каждый день чувствовал себя победителем, трусящим, безропотно послушным, но победителем.

Его группа (четыре бандита из шайки «Толстобрюхого» были полностью отданы в подчинение Мануэлю, что ему чрезвычайно льстило и убеждало в собственной значимости) взорвала мост через небольшую речушку. Разбились две машины, которые везли в Хинотегу удобрения. Кто-то другой распустил слух, что груз был куплен на деньги, поступившие в виде помощи ООН, а сандинисты не захотели, чтобы он попал к крестьянам. Разговоры на базаре приятно ласкали слух, хотя Мануэль сокрушенно качал головой и помалкивал.

Потом Агилар встретил ночью и провел две группы боевиков, которые заложили мины на шоссе Рама — Хинотега. В подорвавшемся грузовике погибли шесть бойцов Сандинистской армии и трое крестьян.

В городском парке было заложено восемь мин, соединенных между собой так, что должны были взорваться одновременно. Именно Мануэль Агилар замкнул контакты так, как ему показали, но по какой-то причине взрыва не произошло. А жаль! Ведь время взрыва было выбрано как нельзя более удачное: в парке как раз проходило массовое народное гуляние.

Ну да бог с ней, с этой неудачей. Предстоят дела поважнее — похоже, приближается решающий день. Побывавший у него на днях связной от «Непокорного» передал новенький с цифровым индикатором японский транзистор, наказав дважды в сутки, в 9 утра и 15 часов, слушать сводку новостей «Голоса Америки» на испанском языке. То есть не то чтобы слушать новости, хотя и это для общего развития не помешает, а ждать сообщение о затонувшей шлюпке с гаитянскими беженцами. В этой информации дважды должна прозвучать фраза о количестве жертв. К ней следует прибавить два, и получится час начала операции.

В чем она заключается — Агилар точно не знал. Его задачей было оповестить всех членов группы о том, что они должны собраться в такое-то время (за 10 минут до названного в сообщении часа) у него, Агилара. Настроив приемник на цифры 2616, они услышат короткую инструкцию, переданную без всяких ухищрений, открытым текстом.

Агилар приблизительно догадывался, о чем идет речь: ведь было приказано после получения сигнала достать из тайника и приготовить к бою оружие, а также поставить питание на радиовзрыватели, которые должны привести в действие все те мины, которые они в течение нескольких месяцев осторожно, десятикратно проверяясь и страхуясь, устанавливали в разных частях города. Стало быть, ожи-

дается одновременный и массированный удар по этой проклятой власти. Во всех городах страны прогремят взрывы, а после них на улицы выйдут такие же, как и они, патриоты с оружием в руках. Вероятно, и в Хинотеге таких групп несколько, но из-за конспирации им не рассказывают друг о друге. Однако его, Агилара, группа главная, потому-то ей и поручено нажать на кнопки радиодетонаторов.

Наконец-то по сандинистам будет нанесен последний удар, а уже на следующий день по всей стране установится новый, демократический порядок, в котором он, Мануэль Чаварриа Агилар, будет занимать далеко не последнее место. Так ему сказали. Это будет по-настоящему справедливо. Ни Сомоса, ни сандинисты не дали свободы простому сапожнику. Ее, как и власть, даст «внутренний фронт».

Главное — выполнить свою работу. Пора бы уже передать сигнал, а то уже дважды Мануэль был на грани нервного срыва. Первый раз, когда узнал, что этот аристократишко, жировавший и тогда, и теперь, Маурисио Альтамирано, которого давно нужно было пустить в расход, а его денежки прибрать к рукам, тоже стал одним из руководителей фронта. Трудно было Агилару примириться с этим. Потребовалась долгая беседа с «Непокорным», чтобы понять: сегодня нам нужно как можно больше недовольных, готовых поддержать выступление, а завтра... Пусть наступит завтра, а там будет видно.

Второй раз резануло по сердцу, когда тот же «Непокорный» завел разговор о возможности провала. Он говорил до боли жестко, рисуя невероятные картины пыток в застенках госбезопасности. Потом неожиданно улыбнулся:

— Это я так, на всякий случай. Боец твоего — нашего — калибра должен быть готов ко всему. Все рассчитано до мелочей, но готовность к любым, самым невероятным неожиданностям — это наше оружие, придающее

твердость и уверенность не только друг в друге, но и в себе...

И вот готово все. Пусть только прозвучит фраза о гаитянских беженцах.

И грохот взрывов, посеяв панику в городе, позволит боевикам, ожидающим сигнала, взять Хинотегу практически без боя. «Непокорный» говорил, что то же самое произойдет и в других городах — от Матагальпы до Пуэрто-Кабесаса (на Атлантическом побережье к тому же высадится десант, а «пираньи» перекроют весь этот район). На захват Манагуа и установление контроля над всеми правительственными учреждениями отводится не более трех часов. И тут же Соединенные Штаты признают новое правительство, немедленно наведут воздушный мост, по которому хлынут в страну одежда и обувь, продукты и оружие. Марксизм будет здесь раздавлен раз и навсегда.

Трус Мануэль чувствует себя героем — он будет в первых шеренгах победителей, ему будут отдавать почести, вручать награды, он сам выберет себе чистопородного скакуна, на котором отправится в Леон на «Фиесту ипику». Никто и ничто не смогут сдержать его. А если что...

Он зябко поеживается, испуганно посмотрев на бечевку, привязанную к спине кровати. Вторая вьется на кухню. Стоит потянуть за любую, и мощная противотанковая мина, установленная снаружи возле самой двери, разнесет здесь все вдребезги. Все вместе с ним, Агиларом. А что делать? Того мальчишку ему все равно не простят.

Напрасно он расслабился, позволил отвлечься от приятных мечтаний. Теперь снова нахлынул кошмар, от которого его начинает трясти, а глаза заволакивает черная пелена ужаса. Он ведь знает, что, несмотря на все указания «Непокорного», все равно не решится потянуть за бечевку. Или решится? Ведь все, что случилось тогда возле дороги, это уже потянутая бечева.

У него в который раз встает в мельчайших подробностях этот вечер. «Непокорный» вызвал его за город через

связного Мигеля. Когда Агилар, недоумевая, зачем он понадобился, пришел в указанное место, «Непокорный» встретил его широкой улыбкой:

— Сейчас ты поймешь, как я умею ценить преданность своих людей. Я думал о тебе: знаю, как ты ненавидишь сандинистов и, несмотря на то, что это было нелегко, сделал все, чтобы доставить тебе удовольствие. Пойдем!

Они прошли немного в глубь зарослей кустарника. Мануэль шел, ничего не понимая и даже не стараясь понять — от «Непокорного» можно ждать чего угодно, и тут увидел его. Это был мальчишка лет двенадцати в изорванной в лохмотья одежде, привязанный к деревцу. Изо рта у него торчал кусок белой тряпки, в глазах застыл ужас.

— Полюбуйся, — ухмыльнулся «Непокорный». — Единственный наследник субкоманданте, присланного сюда из Манагуа. Дрожит, сволочь, знает, что его ждет...

— Что ты хочешь с ним сделать? — Агилар сам еле расслышал свой дрожащий голос.

— Я?! — «Непокорный», казалось, искренне изумился. — Это что *ты* хочешь с ним сделать? Я ведь притащил его тебе в подарок. Тебе же доставит удовольствие перерезать глотку этому ублюдку? Или захочешь построгать его на ломтики? До папаши еще доберемся, а этот уже здесь. Представляешь рожу господина-товарища субкоманданте, когда он увидит, что осталось от его выродка? То же будет и с ним самим. Что, не так?

Сапожник не мог оторвать глаз от мальчика и с трудом понимал, что от него хотят. Наконец он сообразил и замотал головой:

— Нет, нет, я не хочу, это же совсем ребенок...

— Так вот оно, — голос «Непокорного» напрягся, зазвенел, — так вот оно, значит, что получается — ты нам всем морочил голову, клялся в верности «фронту» и ненависти к сандинистам, а на самом деле втирался в доверие, чтобы потом продать. Или, может, ты в службе

безопасности давно состоишь? Или в МВД? Подчиненный этого субкоманданте?!

— Нет, нет, нет... — бесконечно повторял Агилар, и уже было неясно, к чему относится это «нет» — к тому, что ему предстояло сделать с мальчиком, или к обвинениям, сыпавшимся на него градом. Смутно Мануэль понял, что здесь еще кто-то есть, и, оторвав от лица руки, увидел двух незнакомых мужчин — один держал в руках автомат, другой протягивал ему узкий, длинный, сверкающий на солнце так, что сразу начали болеть глаза, клинок. Агилар, словно со стороны видел, как он дрожащими руками взял оружие и шагнул к ребенку...

...Мануэль застонал и уткнул лицо в ладони. А в ушах бился детский крик, на который накладывался металлический голос «Непокорного»:

— Я не знаю ни одного, кто бы вырвался живым из лап сандинистской госбезопасности, независимо от того, молчал он, как рыба, или беспрерывно болтал, словно молодой попугай. Но зато знаю другое: все, кому не повезло и кто попался к ним живым, днями и неделями молили, как о величайшей милости, о смерти. Но им даже повеситься не на чем было. Учти это, если уж придется выбирать — быть схваченным или оставить их в дураках, поставив точную и короткую точку, как это подобает настоящему мужчине...

Мануэль Агилар не верит, что это может случиться с ним. Поэтому нет на свете человека, который бы надеялся на успех больше, чем он. Он — отчаянно верит в свою удачу.

Но сознание не отключается, а потому, не признаваясь самому себе, он столь же отчаянно, каждую секунду помнит слова «Непокорного» и то и дело мотает головой, отгоняя одолевающие его страшные видения.

И поэтому сейчас Агилар — очень опасный человек, от которого можно дождаться даже того, чего он сам от себя ожидать не может...

Камило Эчеверриа (назовем его так), старший лейтенант государственной безопасности Никарагуа, 32 года. Временный лагерь в горах департамента Хинотега.

Не открывая глаз и стараясь не пошевелиться, он осторожно напряг руки и убедился в том, в чем и так был уверен: они были намертво стянуты за спиной кожаными ремнями. Голоса он слышал, но о чем идет речь, разобрать было нельзя — они совещались о чем-то или что-то обсуждали вполголоса, понимая, что «вырубили» его ненадолго.

Он мысленно прокрутил только что происходившую сцену, пытаясь понять причину провала, и тут же молнией ожег тогдашний взгляд посланца из штаба «контрас». И память, лишь слегка потревожившая его в тот момент и тем его погубившая, сейчас услужливо стала разматывать ленту воспоминаний, ярких и отчетливых, — так с ним случалось нередко. И теперь он уже точно знал, где встречался с человеком, у которого было незнакомое лицо, но такой запомнившийся взгляд.

...Это было в дни, когда командиром одного из особых отрядов по борьбе с бандитизмом Сандинистской народной армии он гонялся за группировками «контрас» по склонам Кордильеры-Исабельи. В ту деревушку они прибыли, считай, вовремя: налетчики уже успели вдоволь пограбить ее жалких обитателей, набить брюхо тем, что удалось обнаружить в бедных хижинах, но к кровавому пиршеству еще не приступали.

Бежали они поспешно и без оглядки, успев, правда, застрелить нескольких крестьян, на беду попавшихся на пути. Быстро темнело, а потому преследование не имело никакого смысла — гондурасская граница была совсем рядом, так что в любом случае они успели бы уйти.

Население полутора десятков хижин постепенно собиралось в центре деревушки, когда вдруг неподалеку раздались возбужденный шум и крики. Камило с бойцами, держа наготове оружие, поспешили туда. Прибыв, даже

рассмеялись от неожиданности и облегчения, когда разобрались, что произошло.

Оказалось, один из налетчиков в отличие от своих товарищей, набросившихся на чичу — маисовую бражку, — смог обнаружить тщательно запрятанную рачительным хозяином бутылку настоящего рома — самое милое дело от любой хворобы или болячки. На радостях, не кликнув дружков, осушил ее до донышка, да так и отключился, не услышав ни тревоги, ни выстрелов. Его обнаружили под кустами женщины и вот теперь, вытащив на свободное место, озверело пинали бандита, лупили его всем, что подвернулось под руку.

Камило фактически вырвал его из рук разъяренных крестьян, а потом наотрез отказался расстрелять его на месте, долго и безуспешно пытался разъяснить им, что такое правосудие и почему нельзя революционным бойцам, народным защитникам вершить расправу, хотя бы и заслуженную, как и не могут они позволить ограбленным, потерявшим близких людям вершить самосуд. И потом в глубине души пожалел об этом: пленный оказался серьезной обузой в их стремительных бросках по горам, а на четвертый день бандит, оказавшийся, к удивлению бойцов отряда, типом не робкого десятка, сиганул прямо с обрыва и, прокатившись метров полтораста по склону, врезался в гущу кустов. Двое солдат, отправленные на розыски, обшарили там все, нашли следы крови, но беглеца так и не обнаружили.

Времени было в обрез — шли по следам крупной банды и на пропавшего махнули рукой: все равно подохнет, разбился серьезно, а помощи здесь ждать неоткуда. Даже если на него наткнутся местные жители, уж что-что, а помогать точно не станут...

Значит, он все-таки выжил и сумел выбраться к своим. И теперь приговорил к мучительной смерти Камило, да и не его одного — возможность контроперации сорвана, связаться с Центром он не успел и теперь уже не сможет, так что на город «контрас» набросятся внезапно, поддер-

жанные боевиками «внутреннего фронта». И, черт подери, неужели же им удастся их чудовищный план?

Провал, страшный провал! Теперь, как только бандиты обнаружат, что он пришел в себя — а это дело нескольких минут, — они жестоко позабавятся. У Камило на секунду закружилась голова — он видел тела товарищей после «забав» «контрас».

«Вот и закончилась твоя карьера, товарищ разведчик, который подписывал свои донесения грозным псевдонимом «Момотомбо», — с горечью подумал Камило. — Бесславно, надо признаться, закончилась. Сделал ты много, но главное дело провалил, и хотя ребятам будет больно узнать о твоей гибели, еще больнее им будет из-за тех потерь, которыми придется оплатить непростительную оплошность, допущенную разведчиком Камило. Чей путь в разведку начался, кстати, тоже с выхода из бессознательного состояния и прокручивания пленки памяти»...

А было это так.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКРЫТАЯ ЯРОСТЬ ОДИНОКОГО МОМОТОМБО

Всему свое время, и время всякой вещи под небом.

. . . .

8. Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Ветхий завет, Книга Экклезиаста или Проповедника

...Он медленно выплывал из черной пропасти, ничего не видя, ничего не слыша, не чувствуя своего тела, не имея ни малейшего представления, где он и что с ним, день сейчас или ночь, и не зная даже, жив ли. Но самодисциплина и способность взять себя в руки всегда были его сильными сторонами, равно как и трезвость мышления и точность в оценке ситуации. И потому он внутренне собрался в комок и приказал себе: «Не торопись и не горячись, вспоминай все по порядку, а когда ситуация прояснится, будешь решать, что необходимо сделать».

По порядку. Это значит, начиная с наиболее яркого, осознанного момента. Им оказался приказ: их особый отряд по борьбе с бандитизмом уступает свою многодневную вахту другому подразделению, спускается с гор и занимает позицию по охране Москитового берега в районе Пуэрто-Кабесаса. Вздох облегчения вырвался тогда разом из полусотни глоток: возможно, есть романтики, которые любят горы, чувствуют себя в них как дома, но парни из отряда были сплошь городские, большинство в такие условия попали впервые, и, хотя неженками их назвать было нельзя, измотаны они были до крайней степени.

Все потеряли счет бесконечным дням и бессонным ночам, которыми они, как заведенные, гонялись по склонам Кордельеры-Исабельи за бандами «контрас», приходящи-

ми со стороны Гондураса и снова уходящими за границу, нападавшими на селения и отдельные домики крестьян, выходящими для убийств и разбоя на дороги, избегавшими встреч с отрядом, но устраивавшими хитроумные и коварные ловушки на пути преследовавших их бойцов.

Одним из самых кощунственных и гнусных приемов, который они освоили в последнее время, было минирование трупов своих же товарищей. Мало того, дважды они проделывали это с тяжелоранеными, и если, обнаружив неподвижное и безгласное тело, солдаты научились быть осторожными, то не броситься к стонущему, а то и кричащему от боли поверженному врагу, чтобы перевязать, облегчить страдания, они просто не могли физически. Четверо поплатились жизнями за свой гуманизм, еще двое навсегда покинули строй и, как сказали врачи, так и останутся инвалидами.

Но «контрас» — это враг реальный, видимый, ощутимый, который стреляет, бросает гранаты и ставит мины, с которым можно бороться и побеждать его. С двумя же другими могущественными противниками тягаться было не под силу никому: горы со всеми их «прелестями» и москиты.

Он разговаривал с другими парнями во время спуска на равнину и марша по сельве к новым позициям: впечатление о проведенных в Кордельере-Исабелье месяцах было у всех практически одинаковым. Для них на всю жизнь горы останутся сплошной сыростью, холодом, пробирающим до позвоночника и вводящим в оцепенение. Приходилось идти и даже бежать в условиях, когда двигаться вообще было нельзя, любой шаг мог стать последним; но они карабкались по тропинкам, скользя и падая, разбивая лица и кровеня руки, связанные нейлоновым тросом, — больше для того, чтобы не заблудиться, чем в надежде спасти сорвавшегося товарища. Они старались за ночь как можно ближе подобраться к врагу, чтобы с первыми лучами солнца броситься в атаку. Иногда это

удавалось, чаще — все их мучения оказывались напрасной тратой сил.

Но и днем марш-броски по горам были мучительны и доходили до предела человеческих возможностей, правда, они на своей шкуре испытывали, сколь велики эти возможности. Даже налегке невыносимо было пробираться сквозь непроходимые заросли кустарников, лианы, траву самых разных размеров — низкорослую и по пояс, такую, что в ней человека, слегка пригнувшегося, обнаружить уже невозможно. Что же говорить об усилиях, которые приходилось затрачивать, имея минимум по 20 килограммов снаряжения, палаток, продуктов, патронов и тому подобной, необходимой в горах, когда оторван далеко от основной базы, клади?

Холод ночью, холод по утрам, когда от росы вымокнешь насквозь, а днем «подарочки» в виде яростных ливней, больше похожих на водопады, в период влажного сезона. Когда же нет ливней, сырости достает и без них, незаметные в траве то и дело встречаются крикитос — бьющие струйки родниковой воды, так что ходишь с постоянно мокрыми ногами. И конечно, стираешь их до крови, как бы ни подогнана была обувь.

Это только со стороны выглядит красиво: отряд, как в воду, бросается в море зелени, с силой разгребая ее руками, словно плывет брассом. А «пловец» молится всем богам, чтобы не угодить ногой в яму или расщелину, не схватить рукой змею или не получить ее за шиворот. Вещмешок все время цепляется за что попало, тормозя движение, словно хочет остаться здесь навсегда, а ты руками, в кровь изодранными колючими ветками чичикасте, то разгребаешь заросли, то яростно дергаешь за лямки, поклажу, то перехватываешь поудобнее автомат.

Ни один человек из отряда не может похвастаться отсутствием шрамов. Это как опознавательные метки. Но, как правило, рубцы отнюдь не означают следы пулевых или осколочных ранений: есть и такие, но выглядят они совершенно иначе. А белые полосы на смуглом теле

оставлены острым, как бритва, ножом, собственным или бывшим в руке друга. На укус змеи приходится реагировать мгновенно: острый клинок рассекает место с едва заметными проколами от ядовитых зубов как можно глубже, и тут же нужно изо всех сил отсасывать и сплевывать отравленную кровь. Как можно дольше и тщательнее. Опытные люди, правда, рассказывают о твари, от которой спасения нет. Они называют ее «барба амарилья» и утверждают, что она успевает укусить несколько раз, а запас яда у нее такой, что в каждую ранку впрыскивается смертельная доза. Отряду Камило повезло: с этой гадиной никто не встречался.

И все-таки все время вперед, быстрее, быстрее, чтобы спасти очередное село, деревню, одинокий домик. Не дать уйти бандитам, угоняющим за кордон захваченных в деревнях мальчишек и девчонок, — ведь они хотят из ребят сделать в своих лагерях садистов, врагов своего народа, а дочерей и сестер наших продать в солдатский бордель. Ты выжат, изможден, уже не человек, а робот, глаза застилают пот, слезы, тучи москитов, и держишься лишь на ненависти и горячке преследования, но где-то в глубине тебя невидимый и неощутимый часовой настроен на одно: ни при каких условиях ты не должен даже на шаг заступить за линию границы. Лучше не дойти до нее немного, упустить торжествующих налетчиков, но не перейти рубеж. Ибо — кто знает — может быть, как раз в этот день они ждут именно такой оплошности...

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«3 часа 45 минут. После многих недель роста активности «контрас» силы никарагуанского правительства случайно перешли границу Гондураса, преследуя по пятам антисандинистских налетчиков. Гондурасское правительство, заранее проинформированное разведкой США, просит военную помощь Вашингтона. Под предлогом очередных маневров «Биг пайн» войска США уже оказались на нужных позициях. За два часа до рассвета авианосная

группа из 11 кораблей и группа во главе с линкором начинают обстрел тихоокеанского побережья Никарагуа. Одновременно с этим другая авианосная группа открывает огонь с Карибского моря по восточному побережью страны. Так начинается операция «Фаундинг фазерс» — вторжение США в Никарагуа.

С помощью разведывательных самолетов «Блэкберд» уже были составлены фотографические карты противовоздушной обороны Никарагуа. Незадолго до рассвета начинается акт вторжения: истребители и штурмовики с авианосцев почти молниеносно выводят из строя никарагуанские орудия, прокладывая себе путь к военным объектам противника. ВВС используют бронебойные снаряды «Коук», методически уничтожая никарагуанские танки и бронетранспортеры. Авианосец «Тандерболт» направляет значительную часть огня на недавно построенный аэродром Пунта Уэте, способный обслуживать крупнейшие бомбардировщики и транспортные самолеты.

После налета на этот аэродром 1600 «солдат удачи» 75-го пехотного полка из Форт-Беннинга (штат Джорджия) выбрасываются с парашютами, за ними следует бригада 82-й авиадесантной дивизии (4 тысячи готовых к бою солдат) с ударной техникой.

Стараниями самолетов ЕА-6В, снабженных аппаратурой для глушения радиоволн, действия никарагуанских радиолокаторов становятся бесполезными. Связь с остальным миром по радио и телевидению тоже прервана. Две десантные группы морских пехотинцев (около 4500 человек, а также 60 вертолетов, 10 танков М-60 и 24 десантных корабля) должны захватить морской порт Эль-Блюр и аэродром Блуфилдс на восточном побережье Никарагуа. Аналогичные части на тихоокеанском побережье (16 500 морских пехотинцев, 120 вертолетов, 20 танков М-60 и 45 десантных кораблей) сталкиваются с гораздо более сильным сопротивлением. Но после значительных потерь бригаде морской пехоты удается занять аэродром в Монтелимаре и морской порт Пуэрто-Сандино.

3500 солдат, 48 танков М-60 и 60 единиц пехотных колесных средств 24-й механизированной дивизии ринулись на юг, отрезая сандинистов от панамериканской шоссейной дороги, в то время как от 12 до 15 тысяч «контрас» входят в Никарагуа с территории Гондураса. Никарагуанские военно-воздушные силы, застигнутые врасплох внезапным нападением на международный аэропорт Сандино, не в состоянии остановить «контрас».

6 тысяч солдат и 200 вертолетов 101-й американской авиадесантной дивизии двигаются к центру страны с севера. Первая боевая группа сил специального назначения «Дельта» проникает в столицу в ночь перед вторжением с целью убить или захватить в плен как можно больше руководителей Сандинистской революции.

Первые две недели аэропорты, морские и речные порты Никарагуа находятся под контролем США. Водный и воздушный транспорт блокирован. Единственный источник пресной воды Манагуа в руках Соединенных Штатов: снабжение города продовольствием прекращено. Все виды связи: телеграф, телефон, а также средства массовой информации — радио, телевидение, газеты и журналы — подвергаются строгой цензуре со стороны властей США.

В течение второго двухнедельного периода американские силы устанавливают свое присутствие по всей стране и ведут борьбу со сравнительно активным повстанческим движением.

Одна из главных военных целей достигнута: оставшиеся в живых сандинисты практически не имеют ресурсов для организации эффективных контрударов. Запас боеприпасов у них истощается, и нет возможности восполнить его.

Никарагуанцы несут большие потери. Американские вооруженные силы одерживают верх.

В течение последующих трех с половиной лет США формируют и стараются узаконить никарагуанское правительство, которое их устраивает. Специальные силы («зе-

леные береты») будут принимать активное участие в обучении «новой» никарагуанской армии. Но сандинисты еще много лет продолжают вести партизанские действия в Никарагуа и соседних странах, вынуждая 8—10 тысяч американских военнослужащих вести борьбу против них.

Вся военная акция обойдется США в 4 миллиарда долларов. На восстановление разрушенной экономики Никарагуа пойдет еще 6 миллиардов, так что в итоге операция «Фаундинг фазерс» обойдется примерно в 10 миллиардов долларов. К тому же она унесет жизни тысяч никарагуанцев и американцев»...

Из рассказа Джима Ларока, контр-адмирала в отставке, и Джона Бьюкенена, подполковника, о разработанном Пентагоном и государственным департаментом Соединенных Штатов сценарии совершенно секретного плана операции «Фаундинг фазерс»

Москиты — противник, гибелью не грозящий, но способный довести до потери рассудка. Эти проклятые кровопийцы преследуют, не давая покоя ни днем, ни ночью. Они пикируют на ходу, целясь в кровеносные сосуды, торжествующе пищат, звенят, жужжат своим особым мерзким, вызывающим спазмы и мурашки звуком. Настолько крохотные, что проникают в любую, самую мелкую щель, под гимнастерки и под одеяло, которым пытаешься закутаться с головой, они кусают так больно, что, и теряя сознание от усталости, заснуть невозможно. Чешешься беспрерывно, а от боли и бессонницы у всех на лицах страдальческие гримасы — кажется, что это выражение застыло на лицах навсегда и ничем его не сотрешь. Москиты порой доводят до того, что — бывали случаи — озверев, по их тучам стреляли из автоматов. Некоторые отчаянные головы, если выпадал более-менее длительный привал, разжигали под своими гамаками костры, забрасывали их сверху зеленью и пытались уснуть так — коптясь и задыхаясь от кашля. Москитам же все было нипочем.

И вот теперь они продвигались в местность с красноречивым названием Москитовый берег, на север Атланти-

ческого или Карибского побережья Никарагуа, где их вряд ли ожидала спокойная жизнь, и хотя они избавились от гор, кровососов по идее должно стать больше. Однако пока была передышка, и лица у парней разглаживались довольно быстро. Зазвучали давно забытые шутки, послышался смех — что ж, смена обстановки тоже полезна для разрядки.

Как они и ожидали, райскими условия здесь можно было назвать с большой натяжкой: банды наемников постоянно грозили Пуэрто-Кабесасу, центру этого района и стратегически важному порту, с тыла. Дело в том, что фронтом считалось море, в далекую синеву которого день и ночь всматривались воспаленными от напряжения глазами дозорные, готовые в любую секунду поднять тревогу, чтобы отбить очередную попытку высадки десанта «контрас».

Сигналы «к бою!» звучали иными днями по нескольку раз за сутки, хотя чаще всего наемники и не помышляли о высадке десанта. Вместе с тем их наскоки бесцельными не были. Обучавшие их наставники-профессионалы, в совершенстве знавшие эту науку и проверившие ее на практике во многих уголках земного шара, внушали: польза от частых «пустых налетов» двоякая. Во-первых, противник изматывается физически, не получая полноценного отдыха. Во-вторых, человек не может долго находиться в постоянном напряжении, не получая разрядки в виде боя. Как следствие — притупляется внимание, замедляются реакции, снижается готовность к сражению. Десант, высадившийся в подходящий момент, понесет гораздо меньшие потери.

Время от времени — особенно часто это случалось на рассвете или поздно вечером — звуки тревоги тут же заглушались адским грохотом. С быстроходных катеров на город и порт бандиты обрушивали шквал орудийно-пулеметного и ракетного огня. И каждый раз были скорбные прощания с погибшими товарищами, звучали траурные салюты, над побережьем лились, перекликаясь и пере-

плетаясь многогласым эхом, печальные звуки колоколов в городе и окрестных деревнях.

А в бесконечных проклятьях в адрес бандитов рядом со словом «контрас» все чаще звучало появившееся лишь недавно «пираньи». Названные так по имени южноамериканской рыбки-хищницы с острыми, как бритва, зубами, новые катера, предоставленные наемникам, развивали скорость до 100 километров в час, они хорошо вооружены и вдобавок ставят мины, которые взрываются не только от соприкосновения с корпусом, но и от шума мотора или увеличивавшегося давления воды, когда судно проходит рядом с ними. Самые легкие рыбацкие лодочки были обречены, если приближались к этим смертоносным ловушкам.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«К самым границам территориальных вод Никарагуа на широте порта на карибском побережье Блуфилдс (к югу от Пуэрто-Кабесаса) правительство президента Рейгана направило свой авианосец «Джон Кеннеди», в трюме которого укрыты сверхскоростные штурмовые катера «пиранья», оснащенные скорострельными пушками и ракетными установками. Сандинистские береговые наблюдатели практически не в состоянии обнаружить эти мчащиеся на бешеной скорости катера с низкими бортами. Они могут проноситься совсем близко от берега и возвращаться на авианосец, оставаясь незамеченными, если, конечно, не открывают огонь.

А стреляют они всегда, когда видят хоть какую-нибудь цель. Женщина-врач из племени мискито, работающая в особой зоне Селая — Норте, госпожа Мира Муннингам рассказывает нам, что накануне три катера «пиранья» неожиданно появились вечером в момент разгрузки в порту грузового судна с продовольствием. Никто не успел заметить эти катера в вечерних сумерках. Погибло много докеров и матросов. Мы посетили в госпитале двух оставшихся в живых после этого пиратского налета: подростка

и мужчину, которые были страшно изувечены осколочными снарядами».

Из статьи Жана Зигдера «Никарагуа: «пираньи» атакуют в сумерках» — (газета «Матэн»)

...Камило чувствовал, что приближается к развязке: очень хотелось сразу вспомнить, что же произошло, но он все-таки не стал забегать вперед. И вновь начала раскручиваться лента воспоминаний. Он снова видел себя на наблюдательном пункте, в окопе, у счетверенного зенитного пулемета — не исключены были и воздушные налеты, но главное, почему на берегу стояли эти орудия, четверкой стволов было легче поймать почти невидимую быстроходную мишень. И ведь ловили, подбивали!

Он вспоминал, как выбирался в город в нечастые увольнительные, гулял по его улицам, сидел в дискотеке, танцевал с девушками: война войной, но жизнь есть жизнь.

Ему очень нравились здешние люди из племен мискито. Вначале, сразу после революции, они не были настроены дружелюбно к новой власти: ведь мискито не признают государственных границ, а республика была вынуждена защищаться от вторжения извне. Вашингтон сделал ставку на этих людей, решив превратить земли племен в «освобожденную территорию». Его эмиссары старались максимально использовать многовековые трения между жителями восточных и западных районов Никарагуа, неграми, индейцами, мулатами Москитового берега и «испанцами» из Манагуа, Леона, Матагальпы; распускали слухи и организовывали широкомасштабные провокации, в ходе которых гибли люди, для разжигания межнациональной вражды и расширения борьбы различных этнических групп против сандинистского правительства.

Что ж, надо признать, что поначалу ЦРУ и реакция достигли успеха. Бойцам особого отряда по борьбе с бандитизмом, где служил Камило, после прибытия в Пу-

эрто-Кабесас армейские политработники подробно и откровенно рассказали о допущенных поначалу ошибках молодой власти в отношении коренного населения побережья. Поспешность проведения революционных преобразований без учета интересов, традиций и обычаев конкретной этнической группы привела к росту недовольства.

В результате многие индейцы-мискито перешли на сторону контрреволюции, переселились в Гондурас, вступили в организованные ставленниками ЦРУ террористические группировки «Кисан», «Мисура», «Мисурата» и другие, которые провозгласили своей целью борьбу за независимость и самоопределение индейских народностей Никарагуа. «Индейский вопрос» зрел на благодатной почве крайне низкого общеобразовательного уровня развития, засилья контрреволюционной пропаганды, разжигания национальной розни и деятельности множества протестантских сект — моравских братьев, баптистов, евангелистов, пользующихся весьма сильным влиянием в общинах Москитового берега.

Но на то она и народная власть, чтобы действовать в интересах народа, и потому революционная, что способна быстро признать ошибки и исправить их. Была создана специальная комиссия по предоставлению автономии национальным меньшинствам, которую возглавил министр внутренних дел республики команданте Томас Борхе, пользующийся в стране огромной популярностью. Были изучены проблемы региона и выработан план автономии с учетом политических, экономических и социальных интересов всех народностей восточного побережья Никарагуа. В условиях военно-морской блокады США, минирования никарагуанских портов, усиления подрывной деятельности и военной активности контрреволюционных банд это имело огромное значение для выживания революции.

В обсуждении проекта закона об автономии приняли участие около 30 тысяч коренных жителей Атлантического побережья, и главное — бывшие руководители контр-

революционных организаций, которые воспользовались амнистией правительства и добровольно сложили оружие. Первоначальный проект пересматривался и дорабатывался, пока не был доведен до варианта, устраивавшего всех. Закон об автономии был принят на чрезвычайном заседании Национальной Ассамблеи Никарагуа, и с тех пор мискито остаются верными союзниками сандинистского правительства.

Камило не раз беседовал по душам с индейцами, они приглашали его к себе домой, и его неизменно поражал их дружелюбный характер. Мискито — невысокого роста, со смуглой кожей, очень симпатичные, всегда улыбающиеся и необыкновенно гостеприимные. И любознательные, как дети. Ему было хорошо с ними, и они всегда радовались его приходу — он не отказывался отвечать на вопросы и умел хорошо растолковать самые сложные вещи. Поэтому, несмотря на далеко не сытное существование, угощали его всегда по-королевски. Хотя он и пытался протестовать, на столе появлялись традиционный вигорн — салат из капусты с поджаренной свиной кожицей и сладкой юккой, вареный рис, перемешанный с черной фасолью на широких банановых листьях, печенные на углях бананы и, конечно же, миска с чичей — маисовой брагой, щедро разливаемой в половинки выскобленного изнутри кокосового ореха. Смирившись с неизбежностью угощения, Камило стал прихватывать с собой кое-что из продуктов, которые удавалось раздобыть, пластиковые пакетики с ромом. Мискито из вежливости пробовали его снедь, но видно было, что своя — привычнее; ром пили с удовольствием, но и с опаской, понемногу, убедившись в его крепости и коварстве. И все-таки главным для всех были беседы — казалось, им не будет конца...

В тот вечер он вернулся в казарму очень поздно и сразу рухнул в гамак как убитый. На рассвете его сдернули с постели ревуны боевой тревоги, прозвучавшие почти одновременно с взрывами: прикрываясь слепящими

лучами восходившего солнца, к берегу шли «пираньи» и десантные баржи. Он добежал до окопа, занял позицию и тщательно, как на учениях, стал бить по приближающемуся врагу короткими, экономными очередями, не обращая внимание на рвущиеся вокруг снаряды. Сквозь шум боя услышал дикий крик: из соседнего окопа выскочил молодой боец. Одной рукой он держался за культю, откуда тугим фонтаном била кровь, и беспрерывно кричал. Камило тоже выпрыгнул из своего убежища и бросился к солдатику, но тут страшная сила подбросила его в воздух, и сразу наступила тьма...

Все. Лента воспоминаний оборвалась. Но он уже знал, что с ним произошло, оставалось лишь выяснить: с того момента прошли секунды, и он так и лежит возле окопа в разгаре боя, или схватка уже закончилась и его уложили на носилки. Он начал терпеливо ждать, одновременно всеми силами стараясь разлепить, казалось, склеившиеся веки и уловить хоть какие-то звуки вокруг.

Постепенно тьма отходила, Камило начал различать сероватый свет. Прошло еще немного — так ему показалось — времени, и он увидел гладкую бело-голубую поверхность. И вдруг тишина взорвалась, и он услышал голос. Мало того, голос был громкий, словно ему кричали прямо в ухо, и до боли знакомый:

— Бонифацио, друг, да ты совсем молодцом! Я несусь со всех ног — моего боевого соратника накрыло осколочным снарядом, заранее оплакиваю твою героическую гибель и что вижу? Цветущего молодого человека, бездельничающего в койке...

— Тише ты, иерихонская труба, — отвечал тихий голос. — Видишь, сосед мой совсем плох, вторые сутки без сознания. Как вчера привезли из Пуэрто-Кабесаса — говорят, там жестокий бой был, — так в себя еще не приходил. Не двинулся ни разу, кричит только. А насчет меня — ты прав, еще повоюю: каких-то полтора десятка паршивых осколков ужалили, да так умудрились, что врач уверяет, ни важного органа не задели, ни косточки. Ум-

ный снаряд попался. Ладно, рассказывай, как ребята...

Знакомый голос начал что-то вполголоса бубнить, а Камило напряженно пытался вспомнить, кому же он принадлежит. Голова еще кружилась, и образ человека, которого он так хорошо и близко знал, все время уплывал и расползался. Наконец, не в силах терпеть, он собрался с духом и сделал попытку перевернуться на бок. Резкая боль пронзила левую ногу, и он громко вскрикнул.

— Осторожнее, друг! — встревоженно воскликнул сосед. — Давай, Мауро, быстренько помоги ему, а я доктора вызову.

Над Камило выросла фигура, которую он видел мутным, расплывшимся пятном, но ему и не надо было разглядывать человека, подбежавшего к кровати: друг детства Мауро Севилья, с которым его разлучили военные пути-дороги почти два года назад, каким-то чудом прибыл в его палату собственной персоной.

Мауро тоже был ошарашен и разразился тирадой, явно не подходящей для госпиталя:

— Дьявол меня раздери, если это не мой милый друг Камило — «Смотри, игуана», как мы его называли из-за дурацкого пристрастия к этим ящерицам. Ты как сюда попал, черт полосатый? Да еще и умудрился, как вижу, в нашпигованном свинцом состоянии. Не ожидал такого легкомыслия...

Он бы, наверное, продолжал орать глупости и делать глупости, ибо уже растопырил руки и наклонился, чтобы сграбастать Камило в своих объятиях, но вошел доктор Баррильете с сестрой Хосефиной и прекратил эту идиллическую сцену. Севилья был выставлен из палаты, но от двери обернулся и своей ухмыляющейся до ушей пастью пророкотал:

— Все, братец, я тебя обнаружил, так что теперь от меня никуда не денешься...

Так произошла их встреча, и с тех пор Мауро Севилья был постоянным гостем в палате номер 26, которая стала

временным пристанищем для двух раненых. Он появлялся всегда неожиданно и так же неожиданно, посмотрев на часы, вставал, бросал коротко: «Ну все, мне пора, до встречи» — и исчезал. Бонифацио Вальдивиа — сосед Камило — поправлялся быстро — доктор был прав: несмотря на многочисленность, раны были несерьезные. С Камило оказалось сложнее: сильнейшая контузия не оставила каких-либо видимых последствий, уже через неделю прекратились головные боли, исчезло неприятное чувство неуверенности, и он перестал ощущать себя человеком, качающимся на волнах вне времени и пространства. Однако с ногой неожиданно возникли осложнения, лечение продвигалось медленно и тяжело, и врач Аугусто Баррильете каждый раз озабоченно хмурился во время осмотра или знакомства с очередным рентгеновским снимком.

Как-то Камило не выдержал и прямо спросил его:

— Что, товарищ доктор, плохи мои дела? Я-то всегда думал, что у человека самое главное — голова, но моя меня давно не беспокоит, а нога ни мне, ни — я вижу — вам не нравится. Скажите откровенно — ведь я солдат: что там такое?

Баррильете ответил столь же прямо:

— Нога останется при тебе, брат, не волнуйся. Правда, заживать будет трудно и долго, зато по ней ты сможешь предсказывать погоду лучше любой метеостанции. Ну и еще, — он в упор взглянул Камило в глаза. — Быстро бегать тебе вряд ли уже придется. Да и с армией придется распрощаться. Короче, хромать будешь уже всю жизнь. — И тут же торопливо зачастил: — Но с палкой совсем необязательно ходить долго, да и танцевать сможешь вполне прилично, так что не унывай. Я бы согласился на обе ноги хромать, лишь бы поменяться с тобой годами.

Доктору еще не исполнилось и сорока, но ни он, ни Камило не улыбнулись, им это шуткой не показалось.

В годы диктатуры человек, не принадлежавший к сомосовской элите и перешагнувший сорокалетний рубеж, считался счастливчиком.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Несмотря на развязанную ЦРУ войну руками «контрас» против Никарагуа, несмотря на экономическую блокаду, объявленную США, Никарагуа выжила.

Основной причиной испытываемых Никарагуа экономических и политических трудностей является политика США в отношении этой страны, приведшая к гибели более чем 57 тысяч человек и причинившая ущерб экономике страны, оцениваемый в 3,5 миллиарда долларов.

В отличие от Гондураса, Сальвадора, Гватемалы, которые администрация США провозгласила образцами демократии, правительство Никарагуа не убивает своих политических оппонентов и вообще мирных жителей, не имеет в своем распоряжении «эскадронов смерти», оно не поражено коррупцией. Достигнуты большие успехи в области здравоохранения, образования, земельной реформы».

Вашингтонская общественная организация
«Совет по делам Западного полушария»

Лечение действительно затянулось, Бонифацио выписали, что на несколько дней основательно выбило Камило из колеи — он успел привязаться к этому всегда уравновешенному, спокойному, сердечному и отзывчивому парню. К тому же Мауро, как назло, именно в эти дни был по горло загружен работой, что, вкупе с отсутствием Бонифацио и горькими мыслями о собственной физической неполноценности, привело обычно жизнерадостного Эчеверриа в состояние самой черной меланхолии.

В этом-то состоянии однажды бессонной ночью его в самое сердце ужалила ядовитая, хуже «барбы амарильи», змея страшного подозрения. Он снова и снова перебирал в памяти все случившееся после встречи с Мауро: их бе-

седы, странно неожиданные появления и исчезновения друга детства, многозначительные, но абсолютно непонятные Камило короткие фразы, которыми тот изредка перебрасывался с Бонифацио. И Эчеверриа сформулировал для себя несколько вопросов, ответов на которые найти не мог, не предположив самого ужасного — измены.

Да, конечно, Камило знает Мауро с детства, некоторое время они вместе воевали против «контрас»; он верит в преданность друга делу революции. Но все же! Разговоры о том, что в стане контрреволюционеров лишь бывшие сомосовцы из Национальной гвардии, да доморощенные уголовнички, — это идиотская работа неумных пропагандистов — таких, к сожалению, развелось не так уж мало. Но ведь «контрас» бывают разные: и угнанные, и обманутые, и разочаровавшиеся, и идейные. Что бы там ни говорили, но происходящее в какой-то степени можно считать гражданской войной, а в ходе ее происходят и такие вещи, которые логикой объяснить невозможно.

Кто мог когда-нибудь предположить, что легендарный «команданте Серо» — Эден Пастора, человек редкостного мужества, фанатик революции, преданный ей до последней капли крови, после победы переживет такой душевный кризис, что перейдет на сторону «контрас»?! Пусть через некоторое время понял, что те, вне зависимости от желания и убеждений, хотят того или нет, служат в театре марионеток дядюшки Сэма, но, если по большому счету, изменил ведь.

Почему, например, Мауро Севилья ходит в гражданской одежде? Ведь он сам говорил, что в боях не получил ни царапины, война продолжается, почему ушел из армии?

И где он в таком случае работает? Камило отчетливо припомнил, что Мауро, расспрашивая его о мельчайших подробностях за то время, что они не виделись, ни разу не обмолвился о своей службе. А на прямые вопросы не отвечал, проявляя такие чудеса дипломатии, что Эчеверриа понял это лишь сейчас, во время бессонной ночи и тяжелых раздумий.

Мало того. Отличный парень Бонифацио вел себя точно так же и, выписываясь, тоже надел гражданскую одежду. Но ведь он же был действительно ранен! И лежал в военном госпитале! Вначале его, а потом Камило беспрепятственно посещал Мауро. Что все это значит?

Голова раскалывалась от, казалось, давно забытой боли, сердце колотилось как бешеное, мысли метались, обгоняя одна другую, и, перемешиваясь, рождали кошмарные видения шпионской деятельности Севильи, Бонифацио и, кто его знает, скольких еще. Но один вопрос пульсировал постоянно и неотступно: что же делать?

К утру созрело твердое и, на его взгляд, наиболее приемлемое и рациональное решение. Камило взял карандаш, блокнот, устроился так, чтобы постоянно видеть дверь, и начал писать. Несколько раз рвал написанное на мелкие клочки и сжигал в пепельнице, но в конце концов махнул рукой и уже не останавливался до конца. Вся история заняла меньше трех листочков, которые Эчеверриа запечатал в конверт и заклеил липкой лентой.

Надписал имена командира и комиссара отряда и во время обхода вручил конверт доктору:

— Очень прошу, брат Аугусто, если со мной что-нибудь случится, передай эти бумаги в штаб. Там разыщут моих товарищей и переправят письмо им. Обещай сделать это...

Врач расшумелся так, словно его оскорбили в самых святых чувствах:

— Ты что, совсем сошел с ума, — кричал он на Камило. — Тебя уже выписывать можно, ты совсем здоров, а туда же — «если что случится». Какая муха тебя укусила?! Я сейчас же сожгу этот конверт и пепел тебе на голову высыплю...

Его еле удалось успокоить. В конце концов доктор плюнул и пообещал, но, уходя, даже не попрощался, всем своим видом выражая неодобрение и даже презрение к человеку, способному на идиотские слова и дурацкие поступки.

Камило терпеливо ждал, в сотый раз прокручивая в уме схему разговора. Севилья появился в палате лишь на следующий день, радостный и оживленный, с немного загадочным выражением на лице.

— Ни за что не угадаешь, какую отличную новость я для тебя приготовил, — начал он прямо с порога. — Удалось договориться с доктором Баррильете и получить согласие главного врача. Ты сейчас же собираешься и переезжаешь ко мне. Отныне вместо больничной палаты у тебя будет собственная комната, нормальная еда, постоянные собеседники в лице родителей и сестры и возможность нам видеться чаще и дольше. Ну что, здо́рово?!

Камило смотрел на друга молча и серьезно, так, что тот забеспокоился:

— Да что случилось? Что с тобой? Нехорошие вести? Говори же...

— Сядь, пожалуйста, рядом, — не отвечая, попросил Камило. — Не перебивая, выслушай все, что я тебе скажу, а потом, если сможешь, ответь подробно на мои вопросы. Очень тебя прошу, не перебивай и слушай...

Это был тяжелый разговор для обоих. Мауро довольно быстро понял суть разговора и вопросов, которые задавал ему Эчеверриа, и в свою очередь мучительно думал: что делать? К тому времени, когда Камило закончил, Севилья уже знал, что сделает. Был, конечно, риск: по головке его за это не погладят, может обернуться совсем плохо. Однако Камило не только друг, но и человек цельный, честный, настоящий. С такими необходима полная открытость. Он взял друга под руку, помог ему подняться и сказал лишь: «Пойдем». Они вышли в коридор, подошли к столику сестры, и Мауро ласково попросил:

— Сеньорита Хосефина, сестричка, умоляю ради твоих прекрасных, черных, как ночи в горах, глазок: дай нам возможность ровно одну минуту пообщаться с телефоном наедине. Поверь, это очень важно.

Молоденькая сестра вспыхнула, потом кокетливо улыб-

нулась и, не сказав ни слова, поднялась со стула и направилась к палатам в дальнем конце коридора.

— Слушай, — сказал Мауро и набрал номер.

— Дежурный по МВД, — раздался голос из трубки.

— «Альфа-22», — раздельно произнес Мауро. — Мне нужен «один-двенадцать».

— Соединяю.

— Да, — раздался через несколько секунд сочный баритон.

— Здесь Мауро Севилья. Прошу извинить, товарищ полковник, но мне необходимо пятнадцать минут для разговора. Тема — лично-служебная. Когда позволите прибыть?

— Ладно, Севилья, давай к 21.40, раньше ничего не выйдет. Дело может ждать?

— Так точно! В 21.40 буду. Спасибо.

Он повесил трубку и, серьезно глядя в глаза Камило, сказал:

— Думаю, то, что ты слушал, должно успокоить тебя на ближайшие несколько часов. Пока молчи, жди, после одиннадцати я приеду...

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Никарагуанский народ вслух возмущается тем, что в стране не хватает некоторых товаров, но в то же время никарагуанцы отлично знают, что у них есть: у них есть права и надежда на будущее, которые появились впервые за всю историю этой страны и за которые они подставляют свою грудь под пули. Они сражаются потому, что имеют законное право на оборону, а не из-за денег, не из желания присвоить чужую территорию или из стремления к власти.

«Нас вынуждают умирать и убивать», — сказал Томас Борхе, один из основателей Сандинистского фронта национального освобождения. И если верно, что закон войны обязывает соблюдать строгую субординацию и в окопах вместо объяснений в ход идут приказы, то также

верно и то, что вооружение всего народа является доказательством демократии. Тот факт, что имеются 300 тысяч никарагуанцев, военнослужащих и милиционеров, которые взяли в руки оружие (кто за скромное жалованье, а большинство — просто так), свидетельствует о том, что эта странная «сандинистская тирания» не боится вооружать народ, который, по заявлениям врага, мечтает о том, чтобы свергнуть ее.

Никарагуа не возводит стен, чтобы спрятаться за ними, однако ей нужен щит для защиты...»

Из статьи уругвайского писателя Эдуардо Галеано «Словами боли и надежды» — (газета «Паис»)

Мауро появился лишь около полуночи. Зато вошел снова оживленный, энергично потирая руки. Поставил на тумбочку большой термос.

— Черный кофе. Думаю, он нам обоим пригодится — разговор предстоит длинный. Ты начал с некоторых вопросов, теперь я смогу тебе на них ответить. И еще на некоторые, которые заданы не были, но сейчас, без сомнения, возникнут.

...Уже были выпиты все полтора литра крепчайшего кофе, уже несколько раз в палату заглядывала ночная сиделка, и Мауро выходил с ней на минуту в коридор, что-то втолковывая и сыпя комплиментами, уже черное ночное небо словно напряглось, чтобы неожиданно вспыхнуть мгновенным рассветом, столь же быстрым, сколь вечером ложатся здесь непроницаемые сумерки, а они все говорили. Наконец разговор подошел к концу, и Севилья сказал, точно подводя итог:

— Таким образом, мне не только разрешено рассказать тебе все это, но и даны полномочия совершенно официально предложить тебе, не демобилизовываясь, продолжить службу в нашем ведомстве.

Камило немного помолчал, закурил новую сигарету и произнес осторожно, тщательно подбирая слова и глядя куда-то в окно:

— Пойми, брат, меня правильно. Я нисколько не сомневаюсь в необходимости этой работы, особенно сегодня, когда ведем войну — объявленную или необъявленную, называй как хочешь, но суть от этого не меняется, — за само существование нашей родины, суверенной и независимой. Может быть, слова звучат несколько казенно, но я думаю именно так. Однако, извини меня, ради бога, что-то во мне мешает воспринять твою профессию правильно. С детства питал отвращение к шпикам, соглядатаям, а служба безопасности, хочешь того или нет, близка к этим занятиям. Нет-нет, — заторопился он, — я не то хотел сказать: я не думаю так, но ничего не могу поделать со своими чувствами. Когда враг впереди, вооружен не хуже, чем ты, а чаще — значительно лучше, когда ты схватываешься с ним лицом к лицу, это дело мужчины, защитника, воина. Но постоянно хитрить, притворяться, выдавать себя за другого, носить маску — боюсь, не по мне. Извини, если сможешь...

Мауро внимательно посмотрел в глаза друга. Потом пожал плечами и спокойно произнес:

— Не буду спорить с тобой, верю, что это не от непонимания, а от незнания и следования сложившемуся стереотипу. Вероятно, не следует предупреждать тебя, что все сегодня сказанное должно умереть в тебе, не просясь на кончик языка даже намеком. Конечно, наша профессия требует и хитрости, и маскировки, и выдавать себя за другого порой приходится. Но вот насчет мужского и не мужского занятий должен сказать буквально пару слов: ни один солдат не рискует, поднимаясь в атаку, настолько, насколько наши люди, особенно работающие в тылу врага. Я не о смерти: бог миловал меня, но знаю хорошо, что наши разведчики, разоблаченные и попавшие в руки «контрас», хорошо обученных американскими, аргентинскими или израильскими мастерами пы-

точных дел, не день и не два, каждую минуту мечтают о смерти — это избавление от мучений действительно нечеловеческих. Но на то и готовят садистов и профессионалов, чтобы не дать пленному умереть, пока они не получат нужную информацию, а усилием воли убивать себя мы пока не научились. И это самое страшное. Человек в их руках зачастую теряет свой облик, перестает контролировать себя и нередко начинает говорить. А потом у него еще остается достаточно времени, чтобы осознать, что обрек он на ту же участь своих товарищей, и, думаю, это еще более жестокая пытка. Потому и решиться работать в госбезопасности, разведке может далеко не каждый даже очень мужественный человек...

Эчеверриа, несмотря на свой мягкий характер, довольно уравновешенную и спокойную натуру, обладал серьезным недостатком: он вспыхивал мгновенно и яростно, если считал, что задета его честь или достоинство близких. Сейчас ему показалось, что Мауро упрекнул его в трусости, потому он побелел и свистящим полушепотом, не помня себя от ярости, выпалил:

— Это ты мне будешь говорить об опасности, мужестве?! Ты?! Сидя здесь, в Манагуа?! А ты гонялся когда-нибудь за бандитами по скалам и ущельям Кордильеры-де-Дарьен, где стреляли сами горы, а мы были вынуждены оставлять истекающих кровью раненых, чтобы бежать дальше, вперед? А вернувшись, находить ребят умершими от болевого шока, потери крови или застрелившимися, потому что «контрас» были рядом, а они уже начинали терять сознание. Или ты смотрел смерти в глаза, когда с моря на тебя несутся «пираньи», поливая огнем, с тыла «контрас» бьют из минометов и базук в спину, а среди этого разгула смерти ты, вооруженный лишь автоматом, должен сохранять ясную голову и, сберегая боеприпасы, тщательно целиться, забыв обо всем? Из 25 ребят, с которыми я пришел в отряд, в живых осталось лишь одиннадцать, из них пятеро — калеки. Исключая меня — я хоть ходить могу. Тем же ребятам

осталось лишь ползти к паперти у церкви, чтобы не умереть с голоду...

Мауро, хотя он тоже кипел от гнева, пришлось использовать все свои «дипломатические» способности, весь такт и терпение, чтобы унять разбушевавшегося друга. С трудом тот успокоился, и разговор удалось перевести на возможность переезда Камило в дом Севилья. Больше о работе не было сказано ни слова: Эчеверриа предстояло еще встать на ноги, а о своих планах он пока никому не рассказывал. Тем более что события вдруг начали развиваться отнюдь не так, как ожидал того он сам.

Утром Мауро завозил друга в госпиталь на перевязку и осмотр, затем уезжал на работу, а Камило добирался обратно самостоятельно — на автобусе, иногда брал такси, но с каждым днем проходил пешком до транспорта на несколько десятков метров больше, чем накануне. Дома позволял себе полчаса отдыха, лежа с искаженным от страдания лицом, но никогда не принимая выданные ему обезболивающие таблетки. Ближе к вечеру он начинал готовиться к встрече с Мауро, который приходил иногда в восемь, иногда в полночь, а порой не появлялся дома по нескольку дней.

Однако с некоторых пор Эчеверриа, не признаваясь себе, начал ожидать Мауро с гораздо меньшим нетерпением, чем его сестру Марию Луизу. Случилось именно то, что нередко происходит в подобных ситуациях: он по уши влюбился в сестру своего друга. Прогуливался с нею, стараясь не хромать и следя, чтобы не исчезала с губ улыбка, обсуждал все возможные и самые невероятные темы: от экономического положения страны до существования духов и призраков, и — основной признак его сумасшедшего состояния — все, что бы она ни говорила, казалось ему необыкновенно глубоким, умным, оригинальным. Ну да вряд ли это стоит и описывать — большинство испытало на себе, что это такое; тех же, кто никогда не влюблялся до беспамятства, остается лишь пожалеть.

Вернувшись однажды с прогулки, Камило обнаружил,

что Мауро уже дома — редко случалось, чтобы он приходил так рано. Перед этим он не ночевал пять дней, и Эчеверриа устыдился, что почти не вспоминал и не скучал о нем. Устроившись в кресле, он стал ждать, пока Мауро переоденется и выйдет из своей комнаты. Прождал минут сорок — тот не появлялся. «Устал, вероятно, как собака, и заснул сразу же», — подумал было Камило, но в это время в комнате что-то тяжело упало на пол. И снова наступила тишина. На цыпочках Камило подошел к комнате и тихонько приоткрыл ее. То, что он увидел, было невероятно.

Севилья сидел на стуле, слегка покачиваясь, в руках у него был стакан, другой — разбитый — валялся на полу среди лужиц и пустых прозрачных пластиковых пакетов с одинаковыми узелками. Камило знал, что друг его никогда не пьет дома, лишь изредка позволяет себе рюмку-другую в кафе или ресторане. А в мешочках, испытывая острый дефицит стеклянных бутылок, частенько продают различные напитки: ананасовый, банановый, пинолильо, фанадильо и даже ром. Наливают граммов двести пятьдесят, накрепко завязывают сверху узлом, а потом, для того чтобы добраться до содержимого, покупатель отгрызает один из нижних уголков.

Судя по запаху, плотно висевшему в воздухе, пластики были наполнены именно ромом. Но больше Камило поразило лицо Мауро: почерневшее от усталости и горя, с почти красными белками глаз, изуродованное трудно сказать что выражавшей гримасой. Эчеверриа сориентировался мгновенно: шумно вошел и захлопнул за собой дверь.

— Вот уж не знал, что ты тайный пьяница — накачиваешься ромом в одиночку, — жизнерадостно воскликнул он. — Хорош друг! А ну-ка налей, если что-нибудь еще осталось...

Севилья поднял голову и невидяще посмотрел на него. В его глазах была такая боль, что Камило даже испугался. А Мауро пошевелил губами, словно пытаясь что-то

произнести, и вдруг — совершенно невероятно — разрыдался.

Как его успокоить, Камило не знал, да и не представлял, возможно ли это вообще — слишком сильным было потрясение, вызвавшее этот взрыв эмоций. Он обнимал Мауро за плечи, гладил его голову, наливал в стакан рома и подносил к губам друга, а потом уложил его в кровать, как ребенка, дождался, пока тот уснет, и улегся на полу рядом.

Лишь тогда стал осмысливать, что удалось узнать из малосвязанных фраз Севилья. Выходило, что у них произошел крупный провал: один из разведчиков, внедренных в контрреволюционное руководство, оказался или предателем, или нестойким человеком, но так или иначе от него довольно длительное время поступала не информация, а дезинформация. Поняли это слишком поздно: он провалил двух разведчиков, нескольких связных, которых пытали страшно, и до сих пор неизвестно, что удалось вытянуть из них. Два отряда попали в ловушку и потеряли почти весь личный состав, в нескольких селениях разгромлены кооперативы и вырезаны все активисты СФНО и сочувствующие, взорвано несколько важных объектов. И это все из-за предательства или слабости одного человека! Он погубил не меньше жизней, чем мог бы спасти, выполняя задание. Эти выкладки потрясли Камило — одно дело читать о подобном в газетах, причем в сглаженной форме и с массой недоговоренностей, другое — услышать от своего друга и видеть его состояние. Ведь Мауро не столько оплакивал судьбу погибших, сколько казнил себя — неважно, что он не был виноват в трагедии, главное оказалось в том, что он принадлежал к службе, заботой которой была безопасность мирных граждан страны...

Чувствительная совесть этих людей, избравших своей судьбой роль живого щита для защиты соотечественников, готовых принять на себя предназначенные их братьям и сестрам — гражданам республики — пули и снаря-

ды, болела всегда, когда не удавалось спасти хотя бы одного человека. Их не удовлетворяли и не могли удовлетворить успехи, действительно немалые, сотни и тысячи предотвращенных, благодаря их работе, убийств и взрывов, но одна ошибка или промашка ложилась на сердце тяжелым грузом. В то время как в Никарагуа с гордостью и восторгом произносили имена Марелиус Серрано и Марлен Монкады — отважных разведчиц, вернувшихся «с той стороны», подавляющее большинство этих бойцов, как говорят, невидимого фронта, среди героев не числилось.

Лейтенант госбезопасности Марлен Монкада о работе в разведке поначалу и не помышляла: в октябре 1979 года она начала свою службу секретаршей консульского отдела посольства Республики Никарагуа в Гондурасе. Веселая и общительная, она имела много друзей и знакомых в Тегусигальпе. Однако не все знакомые были просто компанейскими людьми, и искали они общения на приемах и вечеринках далеко не только для приятного времяпрепровождения. Один из таких деловых после долгих и издалека разговоров как-то, пригласив Монкаду в кафе, взял да и отрекомендовался резидентом ЦРУ. Суля все мыслимые блага, он предложил ей работать на него. Марлен отказалась наотрез и ушла, хлопнув дверью.

Конечно же, рассказала об этом послу, тот сообщил в Манагуа. Шел 1982 год, республика была в опасности, разведка и контрразведка находились, можно считать, в зачаточном состоянии, и девушке предложили подумать. Если она готова на риск и согласна помочь, а к ней снова решатся обратиться, она может соглашаться на вербовку и попытаться выведать планы врага.

Самоуверенность «парней из Лэнгли» границ не имела: они не могли поверить, что молодая, красивая девушка, наверняка мечтающая хорошо одеваться, иметь машину и возможность жить, не стесняя себя ни в чем, удачно выйти замуж и до конца дней своих иметь обеспеченное существование, отказалась по каким-то там

«идейным» соображениям. Они решили, что Монкада кривляется, набивает себе цену. С ней встретились еще раз, и разговор носил сугубо деловой характер: были названы суммы, банк, где они будут храниться, даны гарантии переправки в любую страну мира после выполнения задания.

Началась ее «работа» на ЦРУ. Марлен обучали, опекали, давали задания — в Тегусигальпе агенты, действовавшие под «крышей» посольства США в Гондурасе, после возвращения — шефы непосредственно из Лэнгли при помощи писем, содержавших инструкции тайнописью, шифровок по радио, которые можно было принимать обычным портативным приемником. Изредка ее вызывали для личных контактов «дипломаты» из посольства США. Этих, предъявив неопровержимые доказательства шпионской деятельности, выставили из республики, когда операция никарагуанской контрразведки была завершена, а планы ЦРУ по устранению руководителей СФНО сорваны. Сорваны именно благодаря мужеству этой хрупкой, кажущейся совсем девочкой, разведчицы.

«Контрас» нападали из Гондураса с северных границ, «пираньи» обрушивались на западное и восточное побережья со стороны Тихого и Атлантического океанов, а довершали окружение республики бандитские формирования на юге, на территории Коста-Рики. Но и там у никарагуанской контрразведки были свои глаза и уши. Именно в Коста-Рике, в штабе «контрас», в течение двух лет работала другая разведчица — Марелиус Серрано. Документы, которые она смогла получить, долго еще помогали службе госбезопасности страны, а разоблачения, сделанные при их помощи, до сих пор приводят в трепет некоторых главарей «контрас» и их хозяев.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Я — аргентинец, до недавнего времени в качестве советника находился в Коста-Рике, где занимался разведывательной деятельностью, целью которой было свержение революционного правительства Никарагуа.

Примерно два года тому назад был завербован в 601-й разведывательный батальон и в специальной школе получил подготовку по следующим предметам: сбор и обработка разведывательных данных, организация слежки и обнаружение слежки, техника допроса и порядок поведения, если тебя допрашивают, фотодело, тайнопись, перлюстрация, мнемотехника. Знание этих дисциплин должно было обеспечить успешное решение мною задач в Центральной Америке, в частности в Коста-Рике, где я должен был изучать обстановку и содействовать созданию военно-политических условий, благоприятствующих действиям контрреволюционных сил с территории этой страны против Никарагуа. Для выполнения поставленных задач я прибыл в Коста-Рику под видом туриста и начал заводить нужные знакомства в различных кругах.

Создание единой организации было бы невозможно, если бы Вашингтон не предоставлял огромную финансовую помощь. Миллионы и миллионы долларов тратятся на организацию многочисленных военных лагерей, на вооружение тысяч людей, их содержание и пищевое довольствие, на оплату их услуг и правительственных чиновников, выплату жалованья иностранным советникам. Советники, как это было, например, в моем случае, получают по две с половиной — три тысячи долларов в месяц. Немалые деньги нужны также на содержание антиправительственной «Радиостанции имени 15 сентября» — оплату сотрудников, аренду помещения, обеспечение охраны и т. п.

Нужны деньги и для обеспечения ежедневной заброски людей на территорию Никарагуа, а также для организации и поддержания связи с комитетами «контрас» в Майами, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Вашингтоне, Гватемале, Гондурасе и Коста-Рике и их материального обеспечения. Доллары имеются в изобилии. С их помощью создается сложная боевая сеть...

Важное значение Вашингтон придает и Коста-Рике.

В свое время из эмигрантов мы сформировали там местный комитет «никарагуанских вооруженных сил». Из этих же людей создали разведывательную сеть. Для формирования отдельных элементов этой сети в Коста-Рике мною были специально подготовлены несколько высших офицеров бывшей Национальной гвардии Сомосы. Ячейки, как элементы разведывательной сети, имели различные задачи, но непременно должны были вербовать людей с соответствующим военным или техническим образованием, выражающих желание пройти переподготовку в Гондурасе. Для того чтобы лица, не имеющие документов, могли беспрепятственно проехать в Гондурас, посол Израиля предложил Антонио Моргану, юрисконсульту наших формирований в Коста-Рике, израильские паспорта. Ячейки занимаются также вербовкой костариканцев для последующей заброски на территорию Никарагуа.

Им вменяется в обязанность создание атмосферы террора, запугивание или уничтожение руководителей производства с целью дезорганизации хозяйственной жизни страны, убийства активистов и членов комитетов защиты Сандинистской революции. Перед ними ставится также задача по мере возможности уничтожать сотрудников государственной безопасности, совершать диверсии на экономических и военных объектах.

Соединенные Штаты передали в распоряжение контрреволюционеров винтовки, пулеметы, минометы, осколочные гранаты, мощные ракеты, вертолеты «хьюз» и самолеты, находящиеся в военном секторе гондурасского аэродрома Тонконтин. «Контрас» имеют в своем распоряжении новейшие американские портативные взрывные устройства для организации диверсий. Террористы, устроившие взрывы мостов в Окотале и Сомотилье, были снабжены также изготовленными по заказу Пентагона никарагуанскими топографическими картами крупного масштаба, макетами объектов диверсии и фотографиями этих объектов, сделанными со спутников.

Я не сразу смог осознать парадоксальность ситуации

и серьезность обстановки в регионе вообще: террористы-контрреволюционеры в борьбе против новой Никарагуа имеют централизованное управление в Гондурасе, которое обеспечивает им получение разведывательных данных с американских спутников. Я надеюсь, что мои показания-разоблачения хотя бы частично снизят степень моей вины, помогут мировой общественности лучше понять всю опасность политических авантюр Вашингтона. Необходимо, чтобы мировая общественность положила конец готовящемуся новому кровопролитию».

Из показаний связника ЦРУ Эктора Франсева,
разоблаченного никарагуанскими
органами госбезопасности

...Вряд ли кто возьмется рассказать о том, что передумал Эчеверриа в последующие дни, по каким неведомым путям бродили его мысли и что творилось в душе, думал ли он о подвиге девушек-разведчиц и десятках других «солдат невидимого фронта», вспоминал ли разоблаченных агентов ЦРУ или мучился своим положением бойца без оружия. Кто знает? Но в один из вечеров, когда усталый и раздраженный Мауро явился домой, Камило вошел в его комнату следом.

— Я готов, — прямо с порога выпалил он.

— Готов? К чему готов? — не понял Мауро.

— Ну мы же говорили, — уже нетерпеливо заговорил Камило. — Готов работать на вашу контрразведку. Готов выполнять любые задания. Готов снабжать вас той информацией, которую удастся получить, если она способна спасти жизни мирных жителей...

— Стоп-стоп, не горячись. Я действительно предлагал тебе перейти работать в наше управление, а ты долго рассуждал на тему «Интеллигенция и шпионаж», хотя, говоря откровенно, ни ты, ни я к интеллигенции близкого отношения не имеем.

— Что ты цепляешься к словам! Я же тебе человече-

ским языком говорю: я все продумал и решил, что буду работать. Тебе что-нибудь не нравится?

— Выслушай и не перебивай, — уже строго, почти холодным тоном заговорил Мауро. — Мне многое не нравится. Ты видел меня в момент, когда я расслабился, находясь наедине сам с собой. Я виноват, и то, что находился один у себя дома, не умаляет вины. И мне почему-то кажется, что твое решение навеяно снисходительной жалостью, что ли, ко мне...

Эчеверриа сделал резкое движение и открыл рот, чтобы ответить, но Мауро резко прикрикнул:

— Не перебивай, я же просил. Возможно, это и не совсем так, но есть еще кое-что, что мне не нравится гораздо больше. А именно твои выраженьица типа: «вашу контрразведку», «снабжать вас информацией». Ты что, действительно пришел наниматься в шпионы? Так мог бы хоть поинтересоваться, сколько платить будем. Молчи! Ты не захотел или не смог понять самого главного: так же как армия — это наша, народная, никарагуанская армия; так же, как во время битвы с бандитами, есть лишь одна сторона, которую занимает каждый. Так и госбезопасность — это наша, народная, никарагуанская служба, существующая лишь для защиты родины, каждого ее члена.

Ну да ладно, — сам себя перебил Мауро. — Я, возможно, был излишне резок. Теперь о твоем предложении или ответе на наше предложение. Во-первых, ты еще далеко не выздоровел. Во-вторых, теперь уже нашему руководству, вероятно, нужно будет поразмышлять. В-третьих, я хочу, чтобы ты еще раз все хорошенько обдумал. Подожди, дай договорить. Я тебя знаю и убежден, что ты и так думал немало и решение принял не сгоряча. Но лишний раз взвесить все «за» и «против» будет совсем нелишне, извини за каламбур. К тому же, — тут Мауро взглянул на друга так хитро, что Камило пот прошиб: неужели он все видит и все знает? — К тому же надо подумать и о твоих близких. Я знаю, что родных у

тебя не осталось, но мало ли людей могут быть ближе, чем кровные родственники. Я говорил уже: никто из нас не знает, на каком участке ему придется работать завтра. У нас случается и так, что человек исчезает из поля зрения родных и знакомых на долгие месяцы, а то и годы. Бывает, — подчеркнул Севилья жестко, — что и навсегда, да так, что и имени его нигде не будет названо, и где похоронен, неизвестно.

Во время этого монолога Эчеверриа бросало то в жар, то в холод. Он проклинал свое самолюбование, когда начал гордиться собственным решением пойти работать в госбезопасность, считая, что этим окажет революции огромную услугу. А Мауро добил его, делая это неосознанно и из самых лучших побуждений:

— Но это я так, на всякий случай, — заключил он разговор. — Если решение о твоем зачислении к нам на работу состоится, скорее всего тебе не придется заниматься делом, которое ты считаешь недостаточно чистым для себя. Подавляющее большинство наших сотрудников масок не носят и шпионажем, как ты выражаешься, не занимаются. Чаще им приходится срывать эти маски с врагов, предотвращать убийства и диверсии, защищать свой народ, чем, собственно, ты и занимался в особом отряде. Поверь, это благородное дело и даже не столь опасное, сколь выслеживание «контрас» в горах и оборона побережья от «пираний».

Камило пристыженно молчал: несмотря на свою горячность и вспыльчивость, он умел быстро отходить и давать самую критическую и строгую оценку своим словам и действиям. Потому ему было крайне неловко, так что он даже избегал смотреть другу в глаза.

...Одному лишь начальству известно, что послужило основанием для такого решения, хотя можно догадываться, что решение это было предварительно не раз и не два обсуждено, отработаны все варианты и последствия, но Камило (тогда-то он и получил свое новое имя, под которым мы познакомили его с читателем) в конце

концов было решено готовить для работы «на той стороне». И, несмотря на то, что ситуация не давала возможности для промедления, подготовка его не была ни скорой, ни поверхностной, а «легенда» разрабатывалась тщательно — у профессионалов были свои основания полагать, что Эчеверриа сможет сделать неплохую карьеру, «работая» на «контрас».

Некоторая заминка произошла лишь почти в самом начале подготовки Камило. Инструктор, работавший с ним, попросился на прием к руководителю разведки, известному всем как «майор Карденас». Мало кто знал его богатое приключениями и подвигами прошлое, но в вопросах разведки и контрразведки он был общепризнанным авторитетом.

— Товарищ майор, — начал инструктор без предисловий, — меня крайне беспокоит курсант Эчеверриа. Ничего не могу сказать о нем плохого, напротив: умен, сообразителен, смел, внимателен и склонен к глубокому анализу. Горяч. Это неплохо, но, кипя внутри, он всему свету показывает свой норов. Все эмоции без труда читаются на лице. Боюсь я за него — вы же знаете, чем это чревато на нашей работе. Расколят его — не на первый, так на второй день...

— Спасибо, Салинас, — коротко проговорил майор. — Продолжай занятия, я подумаю и постараюсь что-нибудь предпринять.

В тот же день он пришел к Камило. Разговор был, что называется, о том о сем: о жизни вообще и о положении в стране, о ходе обучения и новых книгах, и Камило, вначале чувствовавший некоторое напряжение, вызванное приходом большого начальника и кумира всех сотрудников, несколько расслабился, почувствовал себя раскованнее и легче. И сам не заметил, как Карденас постепенно перевел разговор на качества как необходимые в профессии разведчика, так и смертельно для него опасные.

— Слушай меня внимательно, сынок, — наконец

приступил майор к главному. — Слушай и не обижайся и пойми, что все дальнейшее зависит от тебя, только от тебя, ни от кого больше. Ты — честный и искренний парень, и это самое замечательное в человеке. Но если по выражению твоего лица или глаз враг сможет узнать все, что ты о нем думаешь, — это будет сокрушительным провалом. Концом тебе, заданию, гибелью всех, с кем ты связан на «той стороне». Против нас работают не дураки, к сожалению, иначе бы проблем у нас не существовало. Малейшее подозрение, и их специалисты возьмут человека в такой оборот, что света белого не взвидит. И уж добьются своего. — Карденас перевел дух, глотнув из чашки черного кофе. А Камило боялся пошевельнуться — он уже понял, к чему этот разговор.

— Подожди отчаиваться, — предупредил майор. — Видишь, я без труда прочел твои мысли. Но ведь только что я сказал, что все зависит лишь от тебя. Лично я в тебя верю, поэтому, не прекращая занятий, ты параллельно займешься работой над собой. Понял, сынок, над собой?

— Товарищ майор, — сдавленным голосом проговорил Камило, но Карденас не дал ему закончить:

— Так и договорились, — уверенно произнес он, словно они уже о чем-то договаривались. — Я пришлю человека, который преподаст тебе самые азы, а уж от тебя зависит, насколько ты освоишь всю систему. Но я в тебя верю, — повторил еще раз майор Карденас и, вдруг улыбнувшись, добавил: — Ты должен стать, как вулкан Момотомбо: бушуя внутри, переполняясь кипящей лавой, внешне выглядеть мирным и спокойным, и псевдонимом твоим будет «Момотомбо»...

С тех пор ежедневно Камило, как бы ни был утомлен, проводил час-полтора перед зеркалом. Он думал и грустил, внушал себе безудержное веселье и непомерное горе, вспоминал близких и врагов, но постоянно контролировал выражение своего лица. Он оказался способным учеником и самыми простенькими упражнениями

из системы йоги овладел так, что уже мог контролировать себя почти полностью. Тренировался: думая о самом забавном, придавал лицу такое выражение, словно присутствовал на похоронах, и наоборот. Приучился всегда носить маску (да-да, все-таки маску!) спокойного безразличия, и, чтобы выразить другие — искренние или нет — чувства, должен был сам себе отдать соответствующую команду.

Одновременно с этим учился и внутреннему контролю. К счастью для Камило, у него оказалась поразительная способность к самовнушению. К счастью потому, что для закрепления навыков и тщательной шлифовки времени просто не было. Его ждала работа: день «выпускных экзаменов» приближался, а с ним и время перехода «на ту сторону».

А майор Карденас, несмотря на свою веру в Эчеверриа, был поражен результатами тренировок и сказал инструктору:

— Помяни мое слово — этот парень станет «звездой» разведки.

...Начало получилось не совсем таким, на которое рассчитывали: кое-что не сработало, и Момотомбо оказался в «фильтровочном» лагере. Сюда собирали насильно угнанных с родной земли крестьян и пацанов, украденных в деревнях, бедолаг, ушедших на чужбину в наивных поисках лучшей и более спокойной жизни, и уголовников, разыскиваемых за убийства и грабежи, наемников-профессионалов и завербованный в разных латиноамериканских странах сброд, которому сулили баснословные заработки, если они согласятся взять в руки оружие для борьбы с «мировым коммунизмом».

Все они подлежали строгой проверке, а затем — сортировке на предмет дальнейшего использования. 30—40-летних обманутых и угнанных крестьян использовали как рабочую скотину: гоняли за границу с грузом

оружия и снаряжения, заставляли совершать изнурительные марши, доверяли и автоматы, стараясь крепче привязать к себе. И вчерашние крестьяне вынуждены были открывать огонь по преследующим группу сандинистам или расстреливать своих же товарищей в захваченных деревнях — а в спину им смотрели стволы американских М-16 или израильских «галиль» в твердых руках «инструкторов». Попробуй откажись или промахнись — тут же сам получишь пулю. А уж коль выстрелил, нет тебе дороги назад, тоже стал преступником против собственного народа: система, испытанная неоднократно в разные годы и в различных странах.

Кое-кто уже не покидал лагеря никогда: стоило открыто высказать недовольство или неповиновение, задумать побег, о котором стало известно, или попасть под подозрение в работе на никарагуанскую службу безопасности, как ими тут же начинала заниматься собственная контрразведка «контрас». Как правило, итогом было подключение спецкоманды, и виновный или подозреваемый становился «шахтером». То есть — пуля в лоб, нож в сердце, удавка на шею, и человек исчезал где-то глубоко под землей.

Проверку наемников осуществляли просто и без затей: предлагали принять участие в пытках кого-либо из провинившихся, а затем — в «акции». В сомосовской контрразведке были и психологи, наблюдавшие в этот момент за кандидатом, они и давали рекомендации для его дальнейшего использования.

Страшнее всего была судьба украденных из родных домов мальчишек. Они попадали в специальные лагеря, носившие название «школы Бермудеса». Дрессировка проходила интенсивная и постоянная, сроки ее варьировались в зависимости от характера ребенка. Выходили из «школы» почти всегда законченные наркоманы и садисты. Камило потом видел этих подростков «в деле» и каждый раз внутренне содрогался от горя, ужасаясь тому, что можно сделать из обычного паренька.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«...Энрике Бермудес, любимчик Сомосы, командовал войсками «контрас» в Гондурасе. Индалесио Родригес занимался никарагуанскими беженцами. Четыре других директора работали в Майами или Вашингтоне, в основном обрабатывая конгрессменов. Они получали по пять тысяч долларов ежемесячно и тратили их без какой-либо отчетности. Ни для кого — и меньше всего для ЦРУ — не было тайной, что большинство членов совета директоров предаются пьянству и разврату.

Беседуя с офицерами «контрас» в их лагерях вдоль гондурасской границы, я часто слышал высказывания типа: «О, я перерезал ему горло». Люди для них значат не больше, чем тараканы. Поэтому я признавал в беседах с журналистами, что казни имели место. ЦРУ и Бермудесу не нравилась моя откровенность.

Уже через несколько недель после падения диктатуры Сомосы люди из ЦРУ принялись разыскивать по всем латиноамериканским задворкам, а также по притонам Майами бежавших сомосовцев и — вместе с кубинскими «гусанос» — вербовать их в ряды «борцов за свободу». Обученные американскими «советниками», отряды «контрас» действуют не только против сандинистов. Исполняя «особые поручения», они уничтожают прогрессивных деятелей и в Гондурасе, особенно тех, кто выступает против присутствия «контрас» на этой территории.

Они — страшные люди, но Бермудес большинству даст сто очков вперед. Под его началом находились не только сомосовские национальные гвардейцы и никарагуанские уголовники, но и южнокорейские и бывшие кубинские наемники, ему были приданы, кроме американских, израильские и аргентинские «советники». Бывалые «контрас» свое дело знали и так, а новичков воспитывали под непосредственным наблюдением полковника Бермудеса. У него богатый опыт, особенно что касается работы с ребятишками.

Откуда? Да ведь Бермудес командовал раньше спе-

циальной отборной частью Сомосы, а эта часть содержала и школу пыток. В ней дети в возрасте 14—15 лет, похищенные в горах и подвергнутые специальной психологической обработке, собственноручно вырывали у пленных глаза и получали за каждый вырванный глаз в качестве вознаграждения деньги или сладости. Из них и вырастали самые жестокие гвардейцы и самые непримиримые «контрас». И в послереволюционное время, находясь на территории Гондураса, Вермудес использовал все ту же «систему воспитания похищенных в Никарагуа мальчишек».

Из показаний Эдгара Чаморро, бывшего члена так называемого «совета директоров» контрреволюционных банд

И все-таки «легенда» у Момотомбо оказалась отличной, а рекомендации — солидными и надежными, и он действительно начал делать карьеру, да такими темпами, что в вылазке на территорию Никарагуа участвовал лишь раз, и то в самом начале. Потом же работа его была ответственной, требовавшей интеллекта, умения разрабатывать операции и просчитывать все возможные варианты, что, естественно, предполагало знакомство с документами все большей степени секретности.

Работать приходилось постоянно на людях, и напряжение, с которым нужно было выполнять сразу несколько дел — как минимум работать, не допуская ошибок и просчетов, и одновременно запоминать огромное количество цифр и фактов, составлять словесные портреты агентов, на которых никарагуанской контрразведке следовало обратить особое внимание, тоже постоянно возрастало. Короткие пометки, которые Камило делал в туалете, помогали мало — ведь нельзя беспрерывно бегать туда, не следовало забывать, где он работал и кто его окружал. «Контрас», например в штабе, имели достаточно высокую профессиональную подготовку, но американ-

цы и израильтяне оказались несравненно опаснее: они здесь не верили никому, поэтому за каждым следили с гипертрофированным подозрением.

Не меньшего напряжения требовала и такая простая вроде бы операция, как выкраивание времени для составления и шифровки разведдонесений, не говоря уже о закладке их в тайники и о иных способах передачи связным. «Коллеги» подающего большие надежды и находящегося в фаворе у руководства Камило Эчеверриа, как правило, привязывались к молодому, веселому, разбитному сотруднику, знавшему бесчисленное множество анекдотов и веселых историй, и после работы старались обязательно затащить его в свои компании. Беспрерывные попойки, затягивавшиеся далеко за полночь, кутежи с девицами, карты — манкировать этими обычными здесь развлечениями было не просто неразумно, но и небезопасно.

Время от времени делали вылазки в столицу Гондураса — Тегусигальпу. Хотя американцы в принципе сторонились своих «союзников» и «подопечных», контакты и совместные гулянки все-таки случались. И именно там, особенно если пьянка становилась неуправляемой и безудержной, при достаточных навыках общения можно было получить, хотя бы косвенно, ценнейшие сведения.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Само название Тегусигальпа по-прежнему известно далеко не всем. Столица Гондураса все еще напоминает мирный провинциальный городок. Приятно прогуляться пешком по узким, вымощенным булыжником улицам Тегусигальпы, выходящим на большие тенистые площади, где часто высятся белые соборы колониальной эпохи. Даже приземляющиеся и взлетающие с ревом самолеты не нарушают покоя и непривычного очарования гондурасской столицы. Хотя что-то уж слишком много самолетов пропускает аэропорт этого малоизвестного окружающему миру городка.

Прожив здесь несколько дней, начинаешь понимать, что первые впечатления были ошибочными и что Тегусигальпа не такой уж спокойный город. Можно было бы, пожалуй, назвать «Сайгоном Латинской Америки» этот мирок, кишащий людьми, которые, впрочем, не очень-то любят бывать на виду в связи с загадочными причинами своего присутствия здесь. В Тегусигальпе есть все факторы, которые в свое время привели к разложению Сайгона: продажная местная армия, американское посольство, которое дает указания стране пребывания, доллары, проститутки, наркотики, много заезжих североамериканцев, а также их местных или региональных агентов, например никарагуанских или кубинских контрреволюционеров, совершающих челночные поездки между Майами и Тегусигальпой.

Разумеется, американцев здесь не так много, и они не так бросаются в глаза, как это было в Сайгоне. Им приказано держаться в тени: не собираться группами больше двух человек, не посещать постоянно одни и те же рестораны, не носить военную форму.

Тегусигальпа еще не так разложилась, как бывший Сайгон перед своим падением, но все же в ее ресторанах можно услышать разговоры о сбитых вертолетах, о полученных партиях оружия, об отправленных партиях наркотиков. А в ее гостиницах можно познакомиться со странными «бизнесменами», которые живут там месяцами и, вопреки всем их утверждениям, занимаются далеко не торговлей.

Действительно, «деловые люди» в Тегусигальпе не совсем обычные, и увлечены они несколько специфичной деятельностью: организацией диверсий на территории соседней Никарагуа, шпионажем по ту сторону границы, сбором информации, координацией провокационных действий против сандинистского правительства, переправкой оружия и наркотиков».

Из репортажа Нура Долея «Заноза в ноге»
(журнал «Жён Африк»)

Много давали и командировки в «лагеря беженцев», которые как-то вдруг с невероятной быстротой стали появляться близ северных границ Никарагуа в последние месяцы 1981 года. И прошло достаточно много времени, прежде чем никарагуанские органы госбезопасности получили четкое представление о том, что скрывается за этим названием. Хотя догадываться стали раньше: «беженцы» все как на подбор оказывались бывшими национальными гвардейцами, которые после победы революции разбежались по разным странам, а теперь отыскивались неизвестными эмиссарами и неведомыми путями попадали в лагеря.

Все они построены по образцу тренировочных лагерей американской армии и похожи один на другой, впрочем, так же как и на аналогичные военно-учебные базы в Сальвадоре и Гватемале. Их обитатели ходят в форме, а внутри соблюдается довольно строгая дисциплина, которую поддерживают инструкторы из бывших офицеров сомосовской Национальной гвардии. Прошедшие проверку и зачисленные в подразделения «контрас» имеют возможность вызвать к себе семью, получают фиксированную «зарплату» и продукты по талонам.

За рейд в Никарагуа назначается дополнительное вознаграждение, которое, естественно, зависит от результатов вылазки — количества проведенных диверсий, сожженных кооперативов и грузовиков с продовольствием, плантаций кофе, убитых активистов СФНО, бойцов Сандинистской армии и милиции, угнанных в Гондурас подростков. Если наемника настигла пуля пограничников или солдат особых отрядов по борьбе с бандитизмом, их семьи получают что-то вроде пенсии. Но горе родным и близким того, кто струсил в бою или того хуже — перешел на сторону сандинистов: расправа не замедлит себя ждать.

Короче говоря, в организации «лагерей беженцев» и порядков, установленных в них, чувствуется строгая продуманность и система, удерживающая наемников от «не-

верного» шага и даже производящая впечатление заботы о рядовых «контрас» и справедливого распределения благ и наказаний.

Когда Момотомбо туда попадал, у него тоскливо сжималось сердце при виде этой уже сложившейся армии — прекрасно вооруженной, обученной по системе американских «зеленых беретов», у которой были штабы и школы для младшего командного состава, госпитали и средства связи. Командовали там представители американских и чилийских, аргентинских и израильских вооруженных сил, в почете были и кубинские «гусанос», которые, похоже, поняли всю иллюзорность планов по «освобождению от марксистской тирании» Острова свободы и решили заработать на войне против Никарагуа.

Это действительно была настоящая армия, в распоряжение которой щедрым потоком поступали ящики с новенькими автоматами, гранатами, базуками, минометами, патронами, взрывчаткой. Чаще всего маркировка свидетельствовала: «Сделано в США» и «Сделано в Израиле».

Камило прекрасно знал, что пограничники и отряды специального назначения спуску наемникам не дают, но он знал также, до чего трудна с ними борьба и далеко не всех никарагуанцев удается защитить от бандитов во время их кровавых вылазок. Он помнит чувство стыда от беспомощности, слепящие гнев и ярость, когда его подразделение приходило в село или деревню слишком поздно. Но эмоции во сто крат большие потрясали его, когда он слышал похвальбы своими «подвигами» вернувшихся в лагеря головорезов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Прежде всего мятежники (и их американские советники) допускают, что одной из главных причин поддержки, оказываемой сандинистам в сельских районах, является претворение в жизнь таких программ, как аграрная реформа, система образования и здравоохранения, которых не было во времена диктатуры Сомосы. Поэтому объекта-

ми нападений стали 50 медицинских центров, 239 школ и многочисленные кооперативы и коллективные фермы (по данным на июнь 1986 г. — *Авт.*). Кроме того, мишенью «контрас» стали непосредственные исполнители социальных программ: учителя, служащие, занятые в области здравоохранения и аграрной реформы, которых они убивают. Самые зверские убийства совершаются не только для того, чтобы устранить руководящих работников, но и для того, чтобы терроризировать местное население.

Так, например, в районе Пайвас «контрас» силой вывели из церкви Эмилиано Переса — миссионера и местного судью, занимавшегося вопросами здравоохранения и образования. Его изрешеченный пулями труп они бросили на ближайшей дороге.

На севере Эль-Хикаро мятежники проникли в отдельно стоящий дом Рикардо Бландона, старого светского миссионера, который организовал подготовку кадров. Они увели его и четырех его сыновей. Их изуродованные тела с отрезанными конечностями, носом и ушами были найдены на следующий день. Американский священник Альфредо Гандрам, с которым работал Рикардо, сказал тогда: «Теперь я знаю, кто такие мученики: это люди, которые ежедневно отдают себя своей общине и которых за это убивают».

А индейцы мискито, которые «сотрудничают» с сандинистами, подвергаются особенно гнусному обращению. Орландо Вайланд, преподаватель из племени мискито, был схвачен, избит, подвергался пытке водой в течение полутора месяцев и был брошен на муравейник. Врач Мирна Каннингэм была прежде изнасилована своими похитителями.

Другая тактика «контрас» состоит в том, чтобы совершать непрерывные нападения на объекты (как правило, небольшие и неохраняемые — зерносклады, плантации кофе, лесопилки, грузовики, перевозящие продовольствие), а также в похищении крестьян — часто совсем

детей, — которых они встречают во время своих вылазок. Этих заложников уводят на базы в Гондурас и заставляют вступать в ряды «контрас».

Из статьи Рида Броди «Стратегия террора и саботажа» (журнал «Монд дипломатик»)

«Момотомбо» — эта подпись появлялась под донесениями, содержащими все более ценную информацию. Те, кто был связан с рождением Момотомбо, имели основание для глубокого удовлетворения. Не зря Мауро Севилья, рискуя нарваться на крупные служебные неприятности, испросил свое руководство разрешения довериться другу детства и рекомендовал его для работы в госбезопасности. Не напрасно полковник, которому он позвонил из госпиталя, понял его и поверил, и даже выговор за разговор по «закрытому» телефону при посторонних не сделал. Оправданными были выводы специалистов из госбезопасности, считавших, что Камило не только сможет работать на «той стороне», но и добиться там редкостных по эффективности результатов. И сто тысяч раз был прав майор Карденас, поверивший в молодого сотрудника и сделавший ставку на него.

Камило Эчеверриа оправдал все надежды и все ожидания: его работа в штабе «контрас» заслуживала самой высокой оценки. Но о ней он не расскажет. А легендарный «майор Карденас», в конце концов согласившийся на разговор, отбивался от моих вопросов так энергично и держался так стойко, словно его допрашивали агенты ЦРУ. Правда, не до конца, потому и удалось хоть что-то услышать. Вот это «что-то»:

«В Камило очень глубоко сидело воспоминание о службе в особом отряде по борьбе с бандитизмом, и именно поэтому он прилагал колоссальные усилия, чтобы собрать максимум информации и передать ее в возможно более короткие сроки о маршрутах и целях групп, готовящихся к переходу гондурасско-никарагуанской границы.

Надо было, конечно, попридержать его в этом, максимально нацелить на стратегически более важные задачи, но скажу откровенно: мы ведь тоже люди, и язык не поворачивался отдать приказ об этом.

А нужно было, тем более что сплошь и рядом «контрас» меняли маршруты и отказывались от нападения на заданные цели, если видели, что они охраняются войсками и даже ополченцами. Трусливы они донельзя...»

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Они рвались показать себя в большом наступлении. В случае успеха призом им могла бы стать новая порция денег от скептически настроенного к «контрас» конгресса США. Поэтому верховное командование разрешило двум американским журналистам сопровождать отряд, которому предстояло проникнуть далеко в глубь никарагуанской территории, чтобы мы могли воочию увидеть эту войну.

Как вскоре мы смогли убедиться, они и впрямь проникают в глубь страны в неслыханном количестве. Их новехонькие вещмешки буквально трещали по швам от самого современного оборудования, а небо над их головами сотрясалось от рева моторов грузовых самолетов, сбрасывавших боеприпасы и провизию — любезность нашего ЦРУ.

Все «контрас» имеют кличку — чтобы скрыть свое подлинное имя. Тот, что шагал впереди меня, взял себе кличку «Рональд Рейган», когда услышал известную фразу президента «Я тоже — «контра». Правда, у моего спутника на одно пулевое ранение больше, чем у его кумира, и намного меньше зубов.

28-летний командир нашего спецотряда — бывший студенческий вожак, взявший себе кличку «Аттила», бахвалился, что в этом году они непременно победят — их обычная песня. «Аттила» и его заместитель «Черный орел» получили приказ: соединиться с другими группами для нападения на артиллерийскую базу сандинистов возле Сан-Хосе-де-Бокай. У «Аттилы» были копии карт американской авиаразведки, на которых позиции сандинистов

помечены даже с указанием сортиров. С помощью портативного компьютера «Дейтотек» радист расшифровывал приказы из штаба: «Всем боевым единицам полным ходом следовать в направлении указанных им объектов».

Но, как мы узнали, сандинисты укрепили оборону Сан-Хосе-де-Бокай, поэтому вместо артбазы было решено атаковать второстепенную дорогу на Васлалу. Потом выяснилось, что и на той дороге слишком много сандинистских патрулей, и офицеры без приказа, на свой страх и риск решили напасть на дорогу, ведущую в Сан-Хосе-де-Бокай.

Но мы безнадежно заблудились. Офицеры кляли на чем свет стоит проводника — местного крестьянина, которого силой заставили показывать дорогу. Но вот угомонились и они, забыв от усталости даже выставить часовых или боевое охранение. Вскоре то тут, то там началась болтовня, да такая громкая, что ее могли услышать и в Манагуа. Тьма озарилась вспышками спичек и карманных фонариков. Троица потаскушек, которых отряд прихватил с собой, стала безудержно хохотать, когда одна из них решила вслух порассуждать о том, с кем ей выпал черед переспать эту ночь.

Так мы и коротали время до рассвета, являя собой скорее шайку беглых преступников, нежели партизан в тылу противника.

— Наша задача — выйти на цель, а не ввязываться в случайные стычки, — объяснил «Черный орел».

Возможно, от безысходности предприятия, а может, от усталости, дисциплина и дух товарищества в отряде стали падать. Стремление набить живот возобладало над охотой воевать. Теперь если и атаковали что-нибудь, то крестьянские хижины — не пропускали ни одной. Как правило, они оказывались выметенными подчистую нашими предшественниками. Не было яиц, так как куры еще до нас испустили дух на сковородках «контрас», ни молока, так как коровы давно были превращены в говядину и съедены «контрас». Часто не было даже бобов.

Запуганные крестьяне по первому требованию (хотя и

на время) становились «нашими помощниками», когда шайка до зубов вооруженных и голодных субъектов вваливалась к ним в дом в поисках пищи. Люди были готовы отдать все, что угодно, при одном виде «контрас» с черепами и скрещенными костями, вытатуированными на руках или нарисованными на майках, и с устрашающими кличками вроде «Дракон» или «Истребитель».

Отходя от преследования наседавших сандинистов, «контрас» заставляют крестьян идти в разведку или, что еще опаснее, двигаться впереди колонны, высматривая засады. «Контрас» называют их «помощниками», но, когда мы поговорили с некоторыми крестьянами с глазу на глаз, выяснилось, что сами они считают себя «живыми миноискателями».

«Контрас» показали себя непревзойденными мастерами отступления; что же до атак, то тут им нечем похвастаться. Мы оставляли в стороне один за другим указанные командованием объекты, так и не осмелившись на них напасть.

— Сожалею, что вы не можете больше оставаться с нами, — сказал «Черный орел», когда мы сообщили, что собираемся покинуть отряд. — Но, смею вас уверить, если бы вы пошли с нами дальше, то стали бы свидетелями величайшего успеха.

Почти месяц фоторепортер журнала «Ньюсуик» Билл Джентайл и я перебирались вброд через реки, лезли в горы, продирались сквозь заросли вместе с отрядом, и сейчас чувствовалось, что наш уход был для «Черного орла» большим облегчением».

Из репортажа Рода Нордленда «На войне, которую ведут «контрас»: почему они не побеждают» — (журнал «Ньюсуик»)

«Но это совсем не означает, что сведения эти были нам не нужны, я просто имею в виду, они не стоили того страшного физического напряжения, той цены в виде

нервных клеток, которую платил за них Момотомбо, — продолжает рассказ «майор Карденас» — тем более что у него пока хватало сил и энергии и на все остальное.

Примеры? Понимаю, камарада, но и ты меня пойми: наша профессия чуточку отличается от жизни, которую ведут киноактеры — популярными и знаменитыми мы не становимся никогда. Ну да ладно, один-два найду. Вот, скажем, снабжение баз «контрас», обосновавшихся на нашей территории. Дело в том, что с некоторых пор для большей эффективности антисандинистской деятельности было решено чаще оставлять банды на длительное время у нас в горах. Американцы справедливо заметили, что повторять рейды желающих мало. Разгул, которому предаются уцелевшие и вернувшиеся в Гондурас, полностью выбивает их из формы. Да так, что некоторые, получив вознаграждение, решаются даже на дезертирство. Вот и решили отправлять группы на долгую «отсидку», чтобы влее, значит, были.

Однако базы эти надо снабжать: боеприпасы имеют свойство заканчиваться, а набеги дают не так много продовольствия, чтобы не голодать, — крестьяне ведь народ небогатый. ЦРУ наладило регулярные переброски продуктов и снаряжения в эти лагеря, сбрасывая грузы с транспортных самолетов С-123. Летают они ночью, по неизвестным маршрутам, и, должен признаться, наши средства противовоздушной обороны против них все равно что дробовик против черного медведя. Это, кстати, об утверждениях американцев, что Советский Союз и Куба снабжают нас самым совершенным оружием — и чуть ли не баллистическими ракетами.

Так вот, когда Момотомбо получил возможность заранее узнавать о маршруте этих «летающих снабженцев», выгода для нас получилась двойная. Благодаря тщательной разработке операций мы перехватывали грузы, предназначенные для «контрас». Нередко при этом удавалось взять в плен группу, посланную для приема посылки, или уничтожить ее. Бывали случаи, когда вместе с грузом

к нам прилетали «гости» — этих мы тоже встречали с удовольствием, поскольку, как правило, они охотно делились с нами информацией, которой располагали. Но в любом случае мы, во-первых, лишали банду подкрепления в виде боеприпасов, оружия, медикаментов, продуктов и, во-вторых, все, что захватывали, для нас было далеко не лишним.

Особенно приятно было получить партию зенитных ракет, которые предназначались в основном для террористических действий. Ведь мы почти не имеем военной авиации — истребителей и бомбардировщиков, для борьбы с которыми предназначены «стингеры» и «редай», так что ясно: в руках «контрас» они стали бы постоянной угрозой гражданской авиации, в том числе и самолетам иностранных авиакомпаний. А у нас послужили неплохо: один С-123 был сбит ракетой именно из этой партии. После этого американцы уже не были столь уверены в безнаказанности полетов и безопасности своих пилотов.

Можно еще добавить, что, к сожалению, мы не злоупотребляли «американскими подарками» и вообще обставляли все так, чтобы никоим образом не подставить Камило.

Еще одной весьма ценной информацией оказались подробности о вербовке наемников для войны против Никарагуа. Документы об этом были столь подробными, что, осторожно используя их, мы смогли добиться интереса к этому вопросу со стороны зарубежной печати. Журналисты, в том числе и из изданий, далеко не симпатизирующих нам, ухватились за ниточки, данные им нашими газетами. Короче говоря, получилось так, что основное расследование провели именно они. В результате скандальных разоблачений были перекрыты некоторые каналы вербовки и финансирования наемников, часть иностранных граждан, уже готовых было прибыть в Центральную Америку и взять в руки оружие, от своих планов отказались. Да ты, наверное, и сам помнишь эту волну разоблачений».

Ну, еще бы...

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Как нам стало известно, около 40 бывших английских военнослужащих находятся в готовности полететь в Центральную Америку, чтобы там влиться в ряды наемников из США, которые ведут борьбу с марксистским правительством Никарагуа. Вербовка «псов войны» в Англии проходит в рамках международной кампании, развернутой американскими влиятельными деятелями, в том числе миллионерами, правыми генералами, добившимися известности наемниками и двумя лидерами действующих в Центральной Америке партизан, которые тайно посетили Лондон.

Профессиональные «солдаты удачи» в Англии из осторожности отвергли такое предложение, а те, кто подписал контракт, — люди неподготовленные, без достаточного опыта.

Среди тех, кто дал согласие поехать туда, — 38-летний Терри Купер, бывший член «Национального фронта» и «Национального социалистического движения», а ныне охранник в представительстве американской корпорации ИБМ в Париже. «Эта работа ничем не хуже другой, — сказал он. — Я всегда был антикоммунистом».

Как заявил Купер, он рассчитывает в следующем месяце вылететь в Майами, а затем отправиться в Центральную Америку. «Вряд ли это будет особенно опасно. Я знаю, когда не следует лезть на рожон».

Его завербовал 27-летний Алан Эшиз, носильщик на рынке из Ливерпуля, активный сторонник нацизма. В 1982 году его сфотографировали в военизированном лагере в Уэльсе, где он готовил членов организации «Ольстерские лоялисты», а также фашистов из Англии и континентальной Европы. Как стало известно, Эшиз связался с несколькими правыми экстремистскими группировками в Англии в поисках новых кандидатов, предлагая тем еженедельное содержание в размере до 400 фунтов стерлингов и страховку. Он установил контакты с двумя бывшими военнослужащими Питером Глиббери и Джоном

Дэвисом, которые уехали из ЮАР, чтобы принять участие в боях в Никарагуа.

Глибберн и Дэвиса его предложение не впечатлило, и они отправились в Центральную Америку самостоятельно. Так они установили связь с партизанами-антимарксистами и вознамерились перебраться через Коста-Рику в Никарагуа с грузом взрывчатки и наличных денег для мятежников. Но коста-риканские власти арестовали их.

Находясь в тюрьме, они предупредили других англичан, чтобы те не ехали за ними в Никарагуа. Глибберн заявил:

— Здесь необходимо владеть навыками, которым не обучают в английской армии, например обращаться с зенитными ракетами или импровизировать со взрывчаткой и зажигательными веществами. А такого рода информацию не прочтешь на обратной стороне пакетиков с кукурузными хлопьями; это приходит лишь с опытом. Хотелось бы предупредить будущих рекрутов, что Эшиз скорее всего пошлет вас на смерть. Ведь война не игрушка, а эта — особенно жестока.

Человек, отправивший их в Коста-Рику, — Том Поузи, мелкий торговец из Алабамы, в прошлом американский национальный гвардеец, член правого экстремистского «Общества Джона Бэрча». По некоторым сведениям, он входит в группу влиятельных людей, которые стоят за Эшизом и Купером.

Поузи руководит организацией под названием «Гражданская помощь военным», которая была создана для отправки американских граждан в Центральную Америку в целях борьбы с коммунистами. Он является одним из представителей целой группы влиятельных американцев, которые, действуя на частной основе, пытаются обойти конгресс США, не желающий финансировать войну в Центральной Америке.

Их главный сборщик средств и военный стратег — генерал-майор Джон Синглауб, которого Джимми Картер отправил в отставку за открытую критику в адрес прези-

дентской политики. Как заявил на прошлой неделе генерал Синглауб корреспонденту газеты «Обсервер», он отправил также в Центральную Америку оружие и боеприпасы. Генерал Синглауб признал также, что он установил контакты с организацией «Солдат удачи», которую возглавляет ветеран антикоммунистического движения в Америке Роберт Браун».

Из статьи Н. Дэвиса и Дж. Фостера «Вербовка английских «псов войны» для борьбы в Никарагуа» — (газета «Обсервер»)

«В нашей службе второстепенных участков не бывает, — на всякий случай предупреждает майор. — Но одну область мы все же считаем важнейшей — борьба с диверсионными группами и отрядами коммандос, засылаемых с целью развязать кровавый террор, посеять панику среди населения крупных городов — Манагуа, Леона, Матагальпы, Гранады, Хинотеги. Любой просчет на этом фронте, любая ошибка могут привести — и приводят — к трагическим последствиям. Тот же итог будет и в случае, если мы не сможем получить нужную информацию или она придет слишком поздно.

Могу с гордостью сказать: гостиницу «Интерконтиненталь», например, эту девятиэтажную трапециевидную громаду, напоминающую своей формой ацтекские пирамиды, хотя и пытались взорвать свыше десяти раз, но, как видишь, все попытки оказались для них неудачными. Из-за четкой работы наших людей. Представь себе, какая это могла бы быть трагедия: огромные разрушения, большое количество погибших, в том числе иностранные гости — политики, бизнесмены, поверившие нам и приехавшие для установления контактов и начала сотрудничества.

Предпринимались попытки подложить мины в ресторане на озере Тискапа, в кинотеатрах, в городских автобусах, служебных офисах. Пока — тьфу-тьфу-тьфу — у них удалась лишь одна диверсия, да и то второстепен-

ная: в 1987 году взрывом была повреждена металлическая опора линии электропередачи. К счастью, обошлось без человеческих жертв, а неисправность наши специалисты быстро устранили.

Но самое любопытное, что нам почти не приходилось заниматься разминированием. Да-да, большинство групп террористов, пересекавших границу и направлявшихся на выполнение задания, сразу же попадали под контроль госбезопасности — наши люди знали о них, ждали и провожали. Попутно мы выясняли то, что не было известно: расположение тайников, глубоко законспирированные явки, частóты радиосвязи и позывные, даже шифры удавалось таким образом раскрывать.

Ну конечно, информация поступала с «той стороны» от Момотомбо, но и не от него одного. Но вот конкретно с его помощью мы разоблачили весьма опасного типа. Американцам удалось завербовать старшего лейтенанта МВД, который работал крайне осторожно, а потому, когда мы обнаружили утечку информации и занялись проверкой, он особого внимания не привлек. Да и там, понимая ценность агента, принимали все меры безопасности: даже руководству «контрас» не было известно его имя и где он работает, ЦРУ замыкало его лишь на себя.

И все-таки Момотомбо «вычислил» его и передал нам его звание, словесный портрет и некоторые другие зацепки, по которым мы нашли предателя менее чем за сутки. Установили за ним наблюдение, убедились, что ошибки не произошло, и потом еще некоторое время, оставив его на свободе, пользовались его «подсказками».

Узнали, к примеру, систему, по которой резидентура и связники ЦРУ договариваются о контакте с агентами, указывая время и место встреч. Сейчас об этом можно рассказать: в конце концов они сообразили, что нам известен их хитроумный метод, и были вынуждены отказаться от него. Но нам хватило полученной форы для нанесения серьезного удара по шпионской сети.

А способ был оригинальный — простой и надежный.

Через отверстие в днище автомобиля, принадлежавшего компаниям Соединенных Штатов в Манагуа, на ходу выливалась краска, превращавшаяся в черточки различной длины. Они были хорошо заметны, и вместе с тем мало кто обращал на них внимание. А уж засечь автомобили, занимающиеся этими «художествами» в непрерывном потоке машин на переполненных улицах, сам понимаешь, было практически невозможно.

Так вот, цвет краски, количество черточек вообще, сочетание коротких и длинных на манер азбуки Морзе — все это несло колоссальное при необходимости количество информации. Я не завидую оперативникам ЦРУ — придумать еще раз что-то столь же несложное и вместе с тем эффективное — будет далеко не просто. Так что они должны крепко не любить нашу службу. Ну все, камарада, хватит о разведке».

...В жизни каждого разведчика бывают взлеты и падения, бывают моменты моральной надломленности, срывов. Все это опасно, но не смертельно: необходимо лишь сделать перерыв, переключиться на что-либо иное. И в Центре, получив просьбу об отпуске, поймут, что произошло, и не осудят, даже если как раз в этот момент информация необходима как никогда. Бывали такие моменты и в работе Эчеверриа. Во время одного из них, особенно тяжелого, его поняли и свои, и «контрас», и он получил действительную возможность отдохнуть, проведя две недели на одном из американских фешенебельных курортов, бездумно плавая и загорая, хотя, конечно же, его мозг продолжал работать. Но вернулся он отлично отдохнувшим, с массой интересных планов и разработок. И снова были довольны как свои, так и чужие.

Но самая страшная опасность поджидает разведчика, когда он сживется с хождением по лезвию, уверует — не умом, рассудком, а внутренне, почти незаметно для себя — в собственную неуязвимость и непогрешимость. Именно на этой стадии, как правило, происходят провалы у наиболее опытных, глубоко внедрившихся и отлич-

но себя зарекомендовавших сотрудников. Вот такая беда, о которой не предвещало ничего, подстерегла и Камило.

...С некоторых пор Эчеверриа чувствовал к себе повышенное внимание одного из недавно прибывших в штаб сотрудников внутренней контрразведки «контрас» Виктора Риверы. Говорили, что их группа проходила обучение где-то в Штатах под руководством не только американских инструкторов, но и специалистов с многолетним стажем из западногерманской БНД и израильского «Моссад».

Ривера был действительно неглупым и довольно способным парнем. И то, как он буквально через неделю после своего прибытия набросился на Камило, не могло не насторожить разведчика. Что-то за этим крылось.

Но Виктор не уставал повторять всем и каждому, что Эчеверриа — лучший из людей на земле, самый цельный, честный, умный. Он всеми силами набивался к нему в друзья, старался всегда быть в той же компании, где проводил время Камило, даже, несмотря на свое отвращение к женскому полу (но гомосексуалистом он, между прочим, тоже не был), участвовал в их набегах на полулегальные бордели матушки Магдалины. Если же случалось так, что к середине ночи вся компания расходилась со своими дамами по комнатам, он оставался беседовать с перезрелой бандершей, а затем, когда она тоже уходила отдохнуть, тихо дремал в кресле гостиной. Наутро он встречал выходящих помятых и грустных собутыльников веселым смехом и бокалом заранее приготовленного коктейля «Доброе утро, малыш» — ром, вермут, лимонный сок и лед.

Камило, конечно же, нельзя было купить дешевой лестью или постоянным обращением за советами, во время которых контрразведчик старался рассказать больше, чем это было положено знать посторонним. Но вот эта бесхитростность или принципиальность в борделях, некоторая навязчивость, чего в принципе не может позволить себе охотник, выслеживающий дичь, даже несколько рас-

полагали его к Ривере. И опять-таки во всем этом не было ничего особо страшного, если бы как раз в это время у Эчеверриа не наступил тот самый «синдром неуязвимости», о котором мы говорили выше. И он не подметил тех мелочей, которые бы без труда увидел в обычное время, хотя и не расслабился, но и не насторожился, просто работал, как обычно...

В тот вечер Камило получил через связника важное послание из Центра. Тщательно заперев дверь и закрыв жалюзи, разведчик открыл заднюю крышку массивных настольных часов, достал оттуда крохотный шифровальный блокнот и положил его перед собой. Потом распечатал пачку своих любимых сигарет «Кэмел», купленных сегодня у мальчишки-лоточника, «пасшегося» целыми днями недалеко от лагеря, достал, выбрав по одному ему известным признакам нужную, и осторожно оторвал фильтр. Это был плотно свернутый длинный листок папиросной бумаги, с внешней стороны прикрытый кружочком настоящего фильтра, развернул его, осторожно разгладил и приступил к расшифровке очередного сообщения из Центра. Речь шла о вещах достаточно срочных и, как обычно, столь важных, что их нельзя было доверить эфиру. Впрочем, радиосообщениям вообще не доверяли — в Центре были не столь наивны, чтобы не понимать: найти ключ можно к любому шифру — вопрос лишь времени. Тем более когда к этому подключаются многоопытные американские криптографы во всеоружии своей хитрой техники. Так что на свой приемник Камило принимал разве что благодарности за проделанную работу, да и то составленные в самых общих выражениях.

Но не прошло и пары минут, как в дверь забарабанили. Эчеверриа в сердцах выругался, отправил обратно в тайник все так заботливо только что разложенное на столе хозяйство, бросил быстрый, но внимательный взгляд на комнату и, удовлетворенный осмотром, пошел открывать, громко ворча: «Кого там черти несут на ночь глядя».

Повернул ключ, громко звякнул щеколдой и широко распахнул дверь. Радостно улыбаясь и щурясь от хлынувшего из комнаты яркого света настольной лампы, намеренно направленной на дверь, стоял Ривера. Он был немного навеселе и держал на руках, баюкая наподобие младенца, бутылку черного стекла с золотыми буквами.

— Камило, дружище, ты посмотри, какого бэби мне удалось выродить, — буквально кричал он. — Это же настоящий «Наполеон», прибывший в нашу дыру прямо из благословенной Франции. Десятилетия назад под жарким, но ласковым солнцем вызрел замечательный виноград, который растет только там. Над ним долго колдовали лучшие мастера своего дела, потом сок из него томился в дубовых бочках, лежащих в тиши, темноте и полной неподвижности глубоких подвалов, а настало время — не менее искусные мастера изготовили безупречные по вкусу черные сосуды, куда и разлили волшебный напиток, поставив на каждую бутылку свой номер. И вот теперь это чудо природы и человеческого гения, преодолев тысячи километров водных просторов или воздушного океана, оказалось в моих объятиях, чтобы согреть наши сердца и развеять дурные мысли. Ну посуди сам, мог ли я утаить этакое чудо от Камило, моего лучшего друга, который...

Виктор, вероятно, долго бы упражнялся в красноречии, разбуженном уже выпитым ромом и подхлестнутом предвкушением предстоящего священнодействия с «Наполеоном», если бы Эчеверриа не схватил его за руку и не втянул в комнату. Захлопнув дверь, он, притворно сердясь, стал выговаривать Ривере:

— Труба иерихонская, мало того, что разбудил своим ревом всех, кто уже успел уснуть после многотрудного дня, так ты еще и открываешь величайшую военную тайну приобретения ценнейшего трофея! Хочешь, чтобы через минуту у меня перед дверью появилась толпа из десятка жаждущих глоток, спешащих залить их божествен-

ным нектаром? Устраивайся поудобнее, а я разыщу бокалы, достойные этого дорогого гостя из дальних краев.

Полушутливая и легкая болтовня прерывалась благоговейным молчанием после очередного глотка. После еще одной довольно скабрезной шутки Виктор первым разразился хохотом над своим рассказом и протянул Камило пустой бокальчик в форме тюльпана:

— Наполни, дружище, этот сосуд в третий раз. Это очень важно: видишь ли, я весьма суеверен, и тройка с семеркой — крайне важные в моей жизни числа. Так что плесни, дружище, и сейчас ты услышишь один из лучших тостов, которые я когда-либо произносил. — И Эчеверриа вновь поймал в его странно протрезвевших глазах непонятное, нервно-возбужденное, но цепкое и одновременно ускользающее выражение. Тревожный звоночек затренькал в мозгу, и разведчик насторожился, внутренне собираясь и готовясь к опасному разговору. По всему выходило, что его не миновать, что именно для этого явился Ривера к нему в этот поздний час с бутылкой действительно дивного коньяка. Ох и непрост был этот парень из службы безопасности, ох непрост — какой спектакль разыгрывал здесь.

Эчеверриа повернулся, достал бутылку, стоявшую под настольной лампой и все еще больше чем до половины полную, а когда снова оказался лицом к лицу с Риверой, держа в одной руке бокал, в другой — «Наполеон», прямо в глаза ему глядел черный зрачок длинноствольного «магнума».

— Вот и поймал я тебя, камарада сандиниста, — неожиданно спокойным и немного усталым голосом сказал контрразведчик. — Ты человек очень неглупый, меня оценить, вероятно, смог, так что, полагаю, дурацких движений делать не будешь. Поставь медленно и осторожно бутылку с бокалом на стол. Так, хорошо. А теперь лучше для нас обоих будет, если ты сам пристегнешь свою правую руку к левой ноге — тогда мы сможем допить бутылку и откровенно поболтать напоследок. Мне, видишь ли,

не хотелось бы торопить события и вести тебя сразу в свою контору — боюсь, после работы наших спецов мы уже никогда разговаривать не сможем. Разве способен будет на серьезную и умную беседу визжащий от боли и ужаса кусок окровавленного мяса? Лови...

Он достал из заднего кармана брюк наручники и швырнул их Эчеверриа на колени. Сердце Камило колотилось как бешеное, изнутри накатывались волны тоскливой черноты — вот тебе и подготовился к разговору. Но внешне ему удавалось казаться спокойным. Он защелкнул наручник на лодыжке, потом — на кисти правой руки: Виктор внимательно следил за его манипуляциями, и по напрягшемуся на спусковом крючке пальцу было видно, что в случае чего он выстрелит мгновенно и не колеблясь.

Эчеверриа положил левую ногу на колено правой, руку со вторым концом наручников пристроил сверху и немного подвигался в кресле, примеряясь. Пока особых физических неудобств он не ощущал. А Ривера, бросая быстрые и настороженные взгляды на него и не выпуская «магнум» из рук, встал, подошел к часам, немного повозился с ними и наконец открыл тайник. Удовлетворенно вздохнул и, бросив бумаги на стол, уже более непринужденно развалился в кресле. Дуло, впрочем, постоянно смотрело в лицо Камило.

— Теперь все в комплекте: и твоя сандинистская светлость, и любовная записочка от твоего руководства, и способ прочесть ее, не спутав, где любовь, а где просто дружба, — вполголоса и весьма задушевно распространялся контрразведчик, разливая коньяк по бокалам. — Если бы ты знал, hermanito (по-испански — «братишка». Так часто обращаются друг к другу молодые никарагуанцы, работающие вместе на сборе кофе, постройке дома и т. п. — *Авт.*), скольких трудов стоило мне проделать «глазок» вон в той стене твоего дома, а потом часами торчать возле него. Все тело затекало, сводило судо-

рогами, а ты все никак себя не выдавал. Вел дома как любой из нас — чертовски осторожный ты парень.

Ривера, прижав правую руку с «магнумом» к бедру, левой взял со стола бокал Камило и протянул ему. Они молча выпили, глядя друг другу прямо в глаза. Ривера первым отвел взгляд, откинулся на спинку кресла и так же задушевно продолжал:

— Причем ты должен учесть, hermanito, чего мне все это стоило; ведь приходилось таиться не только от тебя, но и от всех остальных. Ни во время работы над «глазком», ни во время многочасовых бдений меня никто не должен был заметить. Во-первых, если бы я ошибался, а о слежке за тобой стало известно, то ты занимаешь достаточно высокий пост и имеешь многих покровителей, чтобы доставить мне кучу неприятностей. Во-вторых, здесь достаточно двуногих крокодилов: глазом не успеешь моргнуть, как уже выяснится, что разоблачение опасного шпиона — это заслуга их блестящей и кропотливой деятельности, а вот то, что тебе удалось так долго вредить нам, передавая из штаба ценнейшую информацию сандинистам, — мои неразворотливость, тупость, потеря бдительности и вообще поведение мое достаточно подозрительно. Могут даже в твои сообщники записать. А сейчас всю работу сделал я один, об этом еще никто не знает, так что я успею отправить шифровку в Майами, подробно обрисовав ход моей, понимаешь, лично моей операции. Когда сдам тебя тепленького своему начальству, оно засуетится, но уже будет поздно: боссы будут иметь мою докладную на своем столе...

Словоохотливый по натуре, но вынужденный постоянно контролировать себя и сдерживаться, лишенный возможности с кем-либо побеседовать откровенно, Виктор Ривера сейчас позволил себе полностью расслабиться и говорил, говорил, говорил. Его распирала гордость за проделанную работу, сознание, что переиграл опасного противника, выиграл и «внутреннюю войну» против компании карьеристов, хапуг и любителей присваивать чужие за-

слуги. Его можно было понять: большинство коллег по контрразведке были действительно ничтожествами, однако почестей и долларов им перепадало куда больше, нежели Ривере, не умевшему или не желавшему интриговать, наушничать или пресмыкаться. В нем было то, что можно бы назвать щепетильностью, однако сказать, что Виктор служит по чисто идейным соображениям, было бы более чем натяжкой. Волей случая или судьбы он попал в нынешнюю ситуацию, оказался по эту сторону баррикад, поэтому считал необходимым выполнять свою работу как можно лучше. Ну а естественное тщеславие помогало это делать с удвоенной энергией.

Обо всем этом думал Эчеверриа, сидя перед своим врагом. Точнее сказать, даже не думал, а просто мгновенно вычленил эти соображения в отдельную группу и занялся просчетом других вариантов, как имеющих хоть какой-то процент реальности, так и совершенно фантастических. Он прекрасно осознавал свое положение: живой Камило в руках «специалистов» — это страшно. Если не зверские и изощренные пытки, так психотропные препараты, действие которых он хорошо знал, выбьют из него те сведения, которые могут нанести непоправимый вред делу и родине. Почему же он не бросился на Риверу сразу и не заставил его пристрелить себя на месте? Однозначно ответить трудно. Тут и момент неожиданности, и мгновенной растерянности. И то, о чем говорят: человек пока жив — надеется. Возможно, он даже успел сообразить, что мертвый Эчеверриа в руках врагов, располагающих шифром и, вполне вероятно, имеющих доступ к тайникам, в которые поступают сообщения из Центра, или даже уже схвативших кого-то из связников, нанесет ущерба для зарубежной разведсети ненамного меньше. Оставалось третье — искать выход.

И к тому времени, когда Ривера высказал все, что хотел, и теперь захотел послушать своего поверженного противника, которого он, впрочем, как профессионал достаточно уважал, Камило тоже завершил свои невеселые

расчеты. Если и был шанс на спасение, то он заключался лишь в одном: логике, примененной к тому положению, в котором находился Ривера здесь, в лагере «контрас». Причем свои мысли и аргументы следует высказать достаточно откровенно — Виктор фальшь или игру почувствует сразу. Но, учитывая психологический его портрет, который Камило нарисовал для себя, это было единственным, что могло сработать. Потому Эчеверриа заговорил в свою очередь так же негромко и доверительно, но с некоторым напором:

— Сделаю тебе комплимент: ты и на самом деле на три (твое число?) головы выше тех человекоподобных игуан, у которых в голове лишь одна извилина, но которые тем не менее поставлены командовать тобой. И с шифрограммой в Майами ты придумал умно. Однако поможет ли она? Здешние шефы окажутся вынужденными, состроив кислые рожи, хвалить тебя, приводить всем в пример твою блестящую аналитическую и оперативную хватку, ты получишь какое-то количество почестей и наград. Что же будет дальше? Кто-то обгрызет ногти до локтей от зависти. Кто-то не простит своего унижения, потому что твой успех — это его поражение. Кто-то сочтет тебя опасным конкурентом на высокий пост или — того хуже — служаку, подсиживающего его и готового занять его собственное кресло. И вся эта команда объединится против тебя и уж постарается при первой же возможности, а не появится ее — подстроить, но размазать тебя по стене, утопить в дерьме. А возможностей у них — хоть отбавляй.

В глазах Риверы промелькнула досада, хотя он попрежнему развалился с удовлетворенным видом и неторопливо потягивал свой коньяк. Камило понял, что пока попадает в точку, и уже более уверенно продолжал:

— Но дело даже не совсем в этом. Подумай, чем ты здесь занимаешься и место ли тебе среди этих тупоголовых крокодилов, как ты их сам назвал? Ты ведь и сам прекрасно видишь: ваши «идейные» руководители —

просто кучка подлецов. Они все время кричали, что выступают за родину, за народ, за освобождение от, как они выражаются, «кровавой марксистской диктатуры сандинистов». И что же? Состоялись первые, по-настоящему свободные выборы, на них победила группа оппозиционных партий, мы, сандинисты, не ушли с оружием в горы, чтобы продолжать братоубийственную войну, а призвали поскорее покончить с ней, чтобы вместе строить новую Никарагуа. А что же ваши лидеры? Ведь произошло, казалось бы, то, за что они боролись: мы лишились власти. Но они не хотят разоружения «контрас» и возвращения на родину: тогда ведь придется что-то делать, работать. Больше не будет дармовщинки, иссякнет долларовый ручеек, придется или возвращаться в Никарагуа, или оставаться в Майами или где-то еще, но уже не рассчитывая на щедрое содержание. Однако они, кроме демагогии, ни на что не способны, работать они не умеют, мыслить не могут.

Виктор Ривера иронически ухмылялся, мол, попался в силки, так хоть почирикай вволю. Однако в глазах его все сильнее разгорался огонек тревоги.

— Ты — другое дело. Надеюсь, не принимаешь меня за наивного мальчика и не держишь за полного идиота, который попытается тебя завербовать в нашу разведку? Очень хорошо. Так вот я продолжаю: шансов получить по заслугам, выбраться, что называется, наверх, обеспечить если не роскошное, то хотя бы безбедное существование у тебя, пока ты связываешь жизнь с этой компанией, нет никаких. Вернуться в Никарагуа, получить место в команде победившей сеньоры Виолеты Барриос де Чаморро, заняться политикой или бизнесом — не знаю, это уже тебе самому решать. Но мне кажется, что на родину ты не очень рвешься. Я ошибаюсь?

— К чему ты ведешь, — не выдержал все-таки Ривера. — Наших лидеров называешь демагогами, а чем сейчас занимаешься сам?

— Логическими построениями, — абсолютно честно

ответил Эчеверриа. — А к чему веду, слушай. Учти, говорю прямо, без эвфемизмов, времени у нас действительно осталось совсем мало. Я тебе предлагаю заключить временный союз, в результате которого я получаю свободу и помогаю тебе вместе с семьей выбраться из этой клоаки и попасть туда, куда пожелаешь. Где тебя не найдут эти «крокодилы», никто не будет задавать лишних вопросов и где, кстати, со своими умом и способностями — я не имею в виду талант контрразведчика, хотя и он никогда не помешает, — сможешь открыть свое дело в любой практически области, сделать хороший бизнес и занять подобающее тебе место в обществе. Если есть возражения, говори сразу.

Ривера зло, издевательски захохотал:

— У меня что, миллионы в швейцарских банках? Или ты настолько важная птица, что сандинисты дадут за твой выкуп пару тонн кордоб (никарагуанская валюта, которая в результате постоянной инфляции практически ничего не стоит. — *Авт.*). Да стоит мне сейчас равомкнуть наручники и убрать оружие, как ты постараешься при первой же возможности прихлопнуть меня, как москита. Возражения! Возражать можно лишь разумным доводам, а не басням обделавшегося со страха перед предстоящими допросами горе-шпиона. Неужто, несмотря на свои комплименты, за дурака меня держишь?

— Не держу, потому и не валяй дурака, — спокойно и серьезно произнес Эчеверриа. — Прежде забери мой бокал и плесни туда еще немного божественного напитка, с которым ты охотился на меня, как с козленком, привязанным к дереву, ходят на крокодила. Кое-какие денежки у тебя водятся, не прибедняйся. Да и то, что я располагаю некоторой суммой и могу располагать еще большей далеко не в кордобах, — ты тоже прекрасно знаешь. Судя по твоей последней тираде, принципиальных возражений против моих аргументов и делового предложения не имеется. Можешь пока не открывать наручников и не убирать за пояс «магнум»: вопросы о сумме и гарантиях

с моей стороны мы можем обсудить достаточно быстро.

— А каких ты потребуешь от меня? — мгновенно «выстрелил» Ривера. Камило был готов к этому вопросу.

— Посмотри. — Он кивком головы указал на лежащую на столе газету, где он еще раньше приметил любопытную заметку, но уж никак не предполагал, что воспользуется ею подобным образом. В неподписанной статье говорилось о гибели одного из бывших деятелей «контрас», который порвал с движением и уехал в одну из стран Западной Европы. Не прошло и полугода, как он там погиб в автомобильной катастрофе. Эчеверриа немного рисковал: а вдруг это дело рук «контрас», решивших покарать «предателя»? Но решил, что вряд ли — не настолько они сильны, не такая у них разветвленная сеть своих людей, да и забот у них достаточно более серьезных, нежели выслеживание и убийство бывшего соратника. Потому Эчеверриа и сблефовал впервые за весь нынешний разговор.

— С этим парнем было заключено соглашение, в чем-то напоминающее то, что предложил тебе я. Он согласился, но обманул нас, выдав нашего человека. Результат, как видишь, для него плачевный. Ты же понимаешь, что за границей из наших работаю не только я один. И здесь, и в других странах, и даже, как видишь, на других континентах...

Нельзя сказать, чтобы эта сделка, насквозь проникнутая взаимным недоверием, была заключена и реализована без сучка и задоринки. Но о ее подробностях сотрудники никарагуанской госбезопасности, рассказывавшие об Эчеверриа и его работе, и так достаточно немногословные, предпочли не говорить вообще ничего. Главное заключалось в том, что она состоялась, а Виктор Ривера больше не напоминал о себе ни Камило, ни своим бывшим дружкам.

...Вот и говори после этого, что предчувствий не бывает: когда Эчеверриа вызвали в штаб, он, несмотря на обыденность неотложных заданий и на обычность срочных вызовов, волновался так, как это случалось с ним

редко. Что-то подсказывало, что на сей раз предстоит что-то из ряда вон выходящее. В горле запершило, пальцы рук похолодели.

И точно: во время беседы и совещания, как говорится, на высшем уровне, в котором приняли участие два американца, прибывшие прямиком из Лэнгли (там расположена штаб-квартира ЦРУ США. — *Авт.*), и судя по тому, как их обхаживали бывшие птицами высокого полета, Эчеверриа не оставляло впечатление, что он это видит в дурном сне или фантастическом голливудском боевике. Поначалу ему просто показалось странным, что лиц высокопоставленных цэрэушников он не видел на множестве фотографий, с которыми знакомился во время подготовки к заброске, хотя досье на эту организацию в разведшколе было изрядным.

План, в разработке которого основную роль сыграли американцы, в общих чертах выглядел так. Отборный отряд, включающий полсотни головорезов, переходит на территорию Никарагуа и совершает форсированный и максимально скрытый бросок в установленный квадрат. Он находится, как определил Эчеверриа, в районе VI особого, военного региона, то есть Матагальпы — Хинотеги. Более точно цель отряда названа не была: в условном, уточняющемся пункте их разыщет доверенный посланец штаба и вручит пакет.

Отряду предстоит совершить налет на один из никарагуанских городов, находящихся в этом районе, какой именно, и будет указано в секретном пакете. Задача: захват города, уничтожение всех сандинистов и тех лидеров оппозиции, имена которых будут указаны и которые, как понял Камило, не устраивают главарей «контрас».

Для успеха этой на первый взгляд фантастической операции предусмотрено, казалось, все. Во время марш-броска группа ни в коем случае не должна нападать на деревушки и селения, не говоря уже о том, чтобы ввязываться в стычки. Ей предстоит неукоснительно и максимально точно и быстро выполнять все указания, переда-

ваемые из штаба по рации. Это предупреждение подчеркнули особо и несколько раз, ибо случаи своевольничанья диверсионных групп достаточно часты. Здесь же скрытность продвижения, безопасность отряда, равно как и окончательный выбор города-цели, будут обеспечиваться данными американских спутниковой, воздушной и агентурной разведок.

Далее. Основной отряд будет сопровождать, двигаясь на некотором расстоянии, группа прикрытия. В случае его обнаружения именно она должна вступить в бой, отвлекая противника на себя, и, уничтоженная (хотя ее члены об этом, разумеется, не подозревают), продемонстрировать, что это было единственное подразделение «контрас» в этом районе Никарагуа.

За 12 часов до времени начала атаки на город-цель на противоположном конце страны — в районе так хорошо знакомого Эчеверриа Москитового берега — границу перейдут крупные соединения «контрас» и нападут на несколько шахтерских городков в районе Пуэрто-Кабесаса. С моря их поддержат «пираньи», которые попытаются высадить десант. Короче говоря, будет сделано все, чтобы отвлечь внимание властей и никарагуанской армии от района Матагальпа — Хинотега, где будет действовать специальный отряд.

Но и это еще не все. За несколько минут до начала в городе, намеченном для атаки, раздастся серия взрывов. Одновременно с отрядом по деморализованным взрывом милисианос, воинским подразделениям и активистам из числа сандинистов нанесут удар бойцы «внутреннего фронта», которых можно будет опознать по белым лентам, которыми они повяжут волосы. Как пояснил начальник штаба, такие отряды созданы в добром десятке городов намеченного района и, судя по донесениям оттуда, все они готовы к действиям и везде заложены мины.

Сразу же после захвата города организуется его круговая оборона, минируются подходы и помещаются под надежную стражу заложники из числа наиболее автори-

тетных жителей города, не подлежащих уничтожению на месте. Затем специальный представитель штаба «контрас», который будет находиться в отряде под усиленной охраной и станет в захваченном городе временной «фигурой номер один», по своим средствам связи, а если удастся захватить неповрежденной, то и по городской радиостанции выступит с обращением к Организации Объединенных Наций, Совету Безопасности ООН, «всему демократическому миру и свободолюбивому человечеству». Суть его выступления будет сведена к тому, что в результате народного восстания никарагуанцы, недовольные ходом передачи власти от сандинистов оппозиционным партиям, свергли до сих пор существующий диктаторский режим и установили демократическое правление. Но власти бросили на подавление восставших, среди которых основную часть составляет Сандинистская народная армия и бойцы МВД, своих карателей. Они ведут жестокий и непрерывный обстрел города, проводят массированные бомбардировки самолетами ВВС. В результате гибнут мирные жители — старики, женщины, дети.

Одновременно до Манагуа будет доведена информация о минировании города и взятии практически всех его жителей в качестве заложников. Там поймут, что в случае штурма все жертвы будут отнесены на счет сандинистов. А это уже станет их полным политическим крахом, после которого от их поддержки вынуждены будут отказаться вообще все. Сознавая это, а также встретив сопротивление ничего не понявшей, победившей на выборах оппозиции, от освобождения города придется отказаться. А призывы о помощи из него будут продолжать звучать на весь мир.

Помощь эта подоспеет почти сразу же. Вначале в город подойдут все находящиеся поблизости банды «контрас», затем — высажены подразделения американской 82-й воздушно-десантной дивизии, которые отличились при налетах на Гренаду и Панаму и имеют достаточный опыт подобных действий. И, наконец, прибудут объединен-

ные силы, куда войдут коммандос некоторых центрально- и латиноамериканских стран.

План, надо признаться, дьявольский, тщательно разработанный, с целой кучей подстраховочных вариантов. И он, пожалуй, имел бы все шансы на успех, если бы в качестве этой самой «фигуры номер один» — полномочного представителя штаба «контрас», практически на какое-то время «президента» «восставшей республики» — не был избран Камило Эчеверриа. Главари «контрас» рисковать своей шкурой не захотели, а его сочли достаточно ловким и сообразительным и вместе с тем недостаточно честолюбивым для задуманной операции. Массовое убийство было запланировано на первую субботу апреля 1990 года. ...Правда, Эчеверриа пока полностью свою задачу, то есть задачу как разведчика, выполнить не удалось. Было в его распоряжении слишком мало времени, да и информацией он обладал явно недостаточной. Так что в Центр передал лишь краткое сообщение: план в общих чертах и еще более расплывчатое обозначение района, где будет сделана попытка штурмовать город. И лишь теперь, когда посланец штаба «контрас» встретился с ними в условленном месте, вручил секретный пакет и стало известно, что целью избрана Хинотега, можно было дополнить свою информацию.

Однако возможности пока не представлялось. Они совершили еще один марш-бросок по горам под Хинотегу и расположились здесь лагерем. До часа «Ч» оставалось около четверти суток, и за это время так или иначе нужно было найти возможность связаться со своими. Они в принципе готовы, так что им и пары часов будет достаточно, чтобы принять необходимые меры.

Курьера, прибывшего с пакетом, Камило видел лишь мельком, но успел перехватить его острый взгляд, брошенный исподлобья. Странно знакомым был этот взгляд: вероятно, встречал его обладателя в штабе, а возможно, и в лагерях «контрас», которые довелось посетить. Эчеверриа себя успокоил — не стоит отвлекаться на подоб-

ные пустяки, однако червячок беспокойства засел глубоко.

Отряд расположился в местечке, густо заросшем невысокими кустами и зарослями диких бананов. Были выставлены дозорные по всему периметру временного лагеря, кто-то дремал, другие резались в карты, третьи беспокойно бродили взад и вперед. Разговаривать, удаляться, разводить костры было строжайше запрещено. Курить разрешалось лишь по одному. Камило уже наметил местечко с удобной выбоинкой: и недалеко, и видно его не будет, когда он, как-нибудь исхитрившись, за минуту-другую отстучит на ключе десятка полтора групп своей шифровки. И все, дело будет сделано.

А пока все шло по намеченному плану. Эчеверриа поглядывал на стоящую неподалеку палатку командира отряда — изрядного негодяя и законченного садиста, избравшего себе кличку «Бесшумная змея». «Змея» эта очень любила комфорт, из-за чего, в душе проклиная своего командира-сибарита, рядовым «контрас» постоянно приходилось таскать для него лишний груз: персональную палатку, надувные матрац и кресло, запас рома и деликатесов и даже фен, приводимый в движение от аккумуляторов. Как раз сейчас он сидел, развалясь в кресле возле палатки, а фен над ним гонял воздух. Командир отряда был доволен: удалось пройти весь маршрут, не встретив ни единого человека. О «змее» среди «контрас» ходили легенды: совершив десятки рейдов на территорию Никарагуа и имея солидный личный счет жертв, он не раз попадал в окружения, из которых умудрялся выходить без единой царапины, бывал в самых безнадежных ситуациях, когда, казалось бы, уже не вывернуться, и все же, подобно пресмыкающемуся, имя которого он носил, выкручивался, словно растворяясь в траве или исчезая в норах. Ему завидовали, его боялись, его даже тайком подозревали в службе на сандинистскую госбезопасность — иначе как же он до сих пор оставался в живых?

Но на сей раз он не уйдет: Момотомбо твердо решил,

что если «Бесшумная змея» сразу же не сдастся окружающим их подразделениям МВД и особым отрядам по борьбе с бандитизмом, он, не колеблясь, всадит в него пулю. Благо они всегда на стоянках располагаются рядом, и сейчас «Бесшумная змея» в десятке метров от него. А пока есть несколько часов, после которых они должны выдвинуться на исходные для атаки позиции, но Камило знал, что уже не выдвинутся, потому как минут за сорок до этого им предложат сдаться. Веским особенно предложение окажется потому, что приказ бросить оружие прозвучит сразу со всех сторон. Ну а в случае эксцессов свое слово скажут снайперы, которых, надо полагать, устроят на самых удобных позициях.

Однако так случится, если, конечно, удастся передать координаты отряда и сообщить, что для нападения намечена Хинотега. И из-за этого «если» предстартовая лихорадка давала себя знать: Камило испытывал неудержимую потребность что-то сделать, то ли встать и пройтись, то ли проверить оружие, то ли сменить позицию. Успокоить себя можно было лишь одним испытанным не раз средством: «совершить прогулку» по столице, которой он не видел столько времени. А любил ее безумно и считал самым прекрасным городом во Вселенной. Как, впрочем, и всю свою родину: где еще найдешь такую красоту и разнообразие.

Иностранцы называют Никарагуа страной гор и вулканов. Это верно, но лишь на первый взгляд. Действительно, нагорье, занимающее около половины площади страны, вулканами, потухшими и действующими, так и кишит. Да и озер в избытке: едешь ты или летишь, обязательно то и дело видишь то крохотные зеркальца, слепящие глаза отраженным солнцем, то огромные голубые разливы, соблазняющие прохладой своих глубин.

Однако и Никарагуа, и ее столица столь же многообразны и сложны, сколь мозаика из разноцветных камешков: красных, как земля на Атлантическом побережье, ослепительно белоснежных, словно улыбка никарагуан-

ки, нежно-зеленых, будто молодые побеги банана, черных, напоминающих угольки сожженных сомосовцами крестьянских хижин, бордовых, похожих на не убранные вовремя ягоды кофе.

Манагуа... Раскинувшись на огромной площади, столица не устает удивлять парадоксами даже того, кто в ней родился и вырос. Почти невозможно определить, где ее центр, где проходит граница города, и вообще Манагуа больше всего напоминает мини-государство с городками-кварталами, каждый из которых разительно отличается друг от друга. Они отделены километрами пустырей, то заросших дикой травой, то покрытых огородами и плантациями овощей или маиса.

У каждого свое лицо, свои обычаи и порядки, своя идеология. Скажем, Камино-де-Ориенте вечером напоминает увеселительный район какой-нибудь западноевропейской столицы: повсюду неоновые огни, зазывающие в кафе, рестораны, дискотеки. Прыгает и подмигивает нестрашный волк — приглашает к себе «Лобо Джек», где вкусно кормят и сладко поят. Чуть не сбивают с ног вырывающиеся из приоткрытых дверей жесткие удары «тяжелого рока» — танцуйте в дискотеке «Ника»! Змейками носятся огоньки всех цветов радуги — это роскошный «Топ-Капи» предлагает итальянскую пиццу.

Здесь веселятся те, кого в сегодняшней Никарагуа называют презрительно «хувентуд пластика» — пластиковая, эрзац-молодежь.

Но только — стоп! Резким диссонансом в этом раю владельцев толстого кошелька бросаются в глаза надписи, выведенные углем на стене, столь не соответствующие атмосфере этого веселого квартала. В последний свой день в Манагуа Камило видел такую озорно-вызывающую: «Эй, гринго! Добро пожаловать в Никарагуа! О нашем гостеприимстве расскажут вам Юджин Хазенфенус и Джеймс Денби». А рядом той же мальчишеской рукой выведены два игрушечных самолетика. В именах, прав-

да, сделаны ошибки, но это не мешает понять: речь идет о двух агентах ЦРУ — не «контрас», а «чистокровных» американцах, самолеты которых были сбиты над территорией республики, а эти пираты, спасшиеся с парашютами, взяты в плен.

СВИДЕТЕЛЬСТВО:

«Совершенно очевидно, что отсутствие тесной политической связи между «контрас» и крестьянством, неспособность первых создать «внутренний фронт» в городах, историческая слабость оппозиционных партий, а также политическая изоляция тех епископов, которые открыто выступили на стороне «контрас», объясняют, почему вооруженные нападения на границах Никарагуа не приобрели характера «гражданской войны» и почему не было беспорядков на улицах, даже в самые тяжелые моменты для населения.

И в то время как многие вполголоса выражают убеждение, что в ближайшее время каким-то образом будет решена «проблема сандинистов», все возрастающая оппозиция американской общественности, ненадежное согласие в конгрессе и прежде всего «стратегический» упадок «контрас», лишенных социальной базы и не способных создать внутренние условия для регенерации контрреволюции, порождают новые сомнения в эффективности североамериканской стратегии овладения «сердцами и умами». После того как был сбит американский самолет и захвачен в плен Хазенфус, даже решение типа «Рэмбо» уже не кажется таким легким».

Из статьи Марко Кантарелли «США и Никарагуа: Рэмбо, неудобный для Белого дома» (журнал «Ринашита»)

Тихо, никакой громкой музыки и броской рекламы в квартале Лос-Роблес. Это строгий, чинный бастион аристократии, где не потерпят сорванцов-мальчишек или

«толпы черни». У подъездов вилл, в глубине двора замерли новенькие «датсуны», «тойоты», «мазды», состязающиеся между собой в цене и новизне модели. А приглядеться внимательнее — увидишь в тени, под кустами, огромных псов, разлегшихся на траве, но бдительно следящих, чтобы не появился посторонний. И тоже валяющихся и не менее бдительных, но еще более опасных из-за оружия, с которым не расстаются, охранников-телохранителей.

Вот уж кого по-настоящему ненавидел Камило, так это обитателей этих кварталов. Даже больше, чем «контрас». Среди тех хоть были и заблуждающиеся, и силой загнанные в отряды. А эта лоснящаяся, отъевшаяся, ухоженная, разодетая, высокомерная сволочь, лояльная на словах, спит и видит возврат старого режима. Их не касается ни война, ни лишения, ни инфляция — у всех золото и драгоценности, доллары. Даже перебои с электричеством не трогают — каждый имеет во дворе собственный движок — этакую миниатюрную электростанцию. Страна должна существовать для них, а не они для страны. А народ — это быдло, чье предназначение — быть рабочим скотом, рабами, слугами...

А вот в Сьюдад Сандино весело. Это не то бездумное ночное веселье, что в Камино-де-Ориенте, а простое, искреннее, народное. На пыльных извилистых улочках вкривь и вкось разбросаны фанерные или из кровельного железа хижины, в окнах большинства которых нет и намеков на стекло. По мостовой вместе носятся чумазые малыши и худые собаки, здесь же стирают и готовят пищу, отдыхают и играют в карты. Соседи переговариваются громко между собой — им нечего скрывать от улицы, а смех звучит едва ли не постоянно, несмотря на то, что большинство обитателей квартала с трудом сможет ответить на вопрос, когда они в последний раз ели мясо.

Много различных городков-кварталов в Манагуа. Есть и районы совсем новые, с ровными рядами аккуратных домиков — это заслуга народной власти. В других, как грибы, растут нагромождения жалких лачуг: это наскоро

обосновываются крестьяне, покидающие районы, в которых особенно бесчинствуют «контрас». Холодным официозом веет от деловых кварталов, где расположилось большинство правительственных учреждений — там Момотомбо бывать старался как можно реже.

О столичном транспорте разговор особый. Сколько раз проклинал его Камило, сколько весело смеялся над своими же злоключениями, и сейчас, лежа на голой земле, ясно видел, как рано утром, оставляя за собой шлейфы черного дыма, еле-еле тащатся автобусы, марку которых невозможно разглядеть из-за облепивших их со всех сторон пассажиров, неизвестно как и за что держащихся. Иногда замирают, и тогда все, кто пристроился снаружи, дружно подталкивают застрявшую машину. Легковушки, отчаянно сигналя, объезжают вынужденное препятствие. Но при всех этих кажущихся неразберихе и беспорядке правила движения соблюдаются довольно аккуратно, особенно неуклонно выполняются сигналы светофоров. И это несмотря на то, что дорожной полиции почти не видно — редко мелькнет их фуражка с красным околышем.

Едва немного спадает транспортная лихорадка, на улицы выходят строители — немного «подштопать» дорожное покрытие, отремонтировать или заменить коммуникации. Недолго длится их работа: с наступлением невыносимой дневной жары ритм жизни замедляется до предела, все живое старается скрыться от лучей жестоко палящего с зенита тропического солнца. И даже замершая от счастья в случайно найденной тени игуана, перебарывая инстинкт самосохранения, подпускает совсем близко и дает возможность хорошенько себя рассмотреть. Удивительное создание! Величиной чуть более полуметра, она настолько напоминает рисунок доисторического ящера из школьного учебника, что Камило частенько ловил себя на мысли: не игуана ли «позировала» художнику?

Момотомбо улыбнулся, вспомнив, как, затаившись,

мог часами наблюдать за этими забавными существами. И тут же погрустнел, ибо «прогулка», которая — он это знал — обязательно закончится на берегу Ксолотлана, завела его в недалекую страшную историю Манагуа.

Наш век обошелся жестоко с Никарагуа вообще, а с Манагуа в особенности.

Землетрясение 1931 года полностью разрушило город. Потому, видно, что свидетелей бедствия практически не осталось, никарагуанцы редко вспоминают о нем. Зато другое, расколовшее землю ранним утром 23 декабря 1972 года, стало одной из исторических вех. Камило часто слышал, как его земляки постарше говорят: «Это было еще до землетрясения» или: «Случилось это после землетрясения, но при Сомосе». Тогда, накануне Рождества, за несколько минут, словно игрушечные кубики, рассыпались 60 тысяч из 70 тысяч домов.

Во всем мире стихийно вспыхнула кампания помощи Никарагуа, в страну непрерывным потоком шли медикаменты и продовольствие, строительные материалы и денежные средства. И все эти миллионы долларов, поступившие в виде международной помощи, осели в карманах сомосовской семейки. Ведь убийства и воровство — это традиция клана Сомосы. Папаша хорошо погрел руки на первом землетрясении. Он уже был шеф-директором национальной гвардии и быстренько сообразил, как заработать на трагедии. А может быть, ему этот ход подсказали друзья-американцы. Сомоса приказал своим молодчикам поджечь руины якобы во избежание эпидемий. Потом его агенты застолбили еще дымившиеся развалины, превратив центр города в его личную собственность. Затем он продал землю своим дружкам, и те понастроили доходных домов для сдачи квартир внаем. Бедняки же двинулись за окраину и стали там строить свои лачуги. Так город раздался вширь. Сомоса-сын не забыл этой аферы и повторил ее после второго землетрясения: народ нищал, у диктатора счет увеличился еще на какое-то число миллионов, а Манагуа расползалась еще больше.

А в 1979 году, когда в городе вспыхнуло восстание, диктатор отдал приказ стереть Манагуа с лица земли, пустив в ход пушки и бомбы. Но у него оставалось слишком мало времени — на его логово со всех сторон наступали отряды сандинистов.

...Вот Момотомбо и «оказался» здесь, куда он столько раз зарекался ездить, но не выдерживал и снова оказывался на берегу озера, превратившегося в скорбный памятник природе и людям. Насколько хватает глаз, раскинулась здесь водная гладь, не голубая, а темно-серая, мрачная, покрытая какой-то слизью. И нет на ней лодок, не плескаются в прохладной воде ребятишки, а воздух от воды спертый, зловонный. Город выжил, а озеро Сомоса все-таки убил.

Старики говорили, что озеро было раньше очень красивым. Индейцы называли его Ксолотлан. Еще после первого землетрясения новые владельцы городских земель не пожелали тратить ни гроша на восстановление канализационной сети — пусть нечистоты стекают в озеро. Потом туда же стали спускать промышленные отходы предприятий, принадлежавших Сомосе, сбрасывать мусор. А по ночам Национальная гвардия и служба безопасности диктатора привозили к озеру тела замученных патриотов, чтобы крокодилы скрыли следы их преступлений. Так погиб Ксолотлан.

Самое интересное, что Камило действительно видел все это, чувствовал, переживал, — у него была замечательная сила воображения, и он действительно славно расслаблялся во время таких «прогулок» и чувствовал себя так, как будто отдыхал по меньшей мере неделю. Он уже «вышел» на дорогу, когда вдруг почувствовал забеспокоившее его движение.

К развалившемуся в надувном кресле-матрасе «Бесшумной змее», пригнувшись, бежал его заместитель «Кровавый дьявол». За глаза над этой кличкой, которую он придумал себе сам, посмеивались все, кому не лень: менее ему подходящую трудно было сыскать. Верно, он

тоже был садистом, но трусливым до безобразия. Любил пытать, но всегда крепко связанных, и требовал, чтобы на всякий случай страховали двое с оружием наготове. Даже расстреливая, опасался подходить к жертве близко и стрелял издалека, не тратя, правда, лишних пуль.

Но вряд ли даже снайперская меткость помогла бы ему, если бы не истовая, собачья преданность «змее». Причем чувствовалось, что это не показное, а настоящее, что-то сродни неизлечимой болезни. Если главарю грозила опасность, преданность хозяину пересиливала даже его патологический страх. И «Кровавому дьяволу» «Бесшумная змея» доверял как себе и не имел от него никаких секретов.

Все это молниеносно промелькнуло в голове Камило, и лишь через секунду он понял почему: лицо «дьявола» было искажено, и должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы он осмелился будить спящего хозяина.

И не просто разбудил — растолкал и буквально за руку потащил за собой, огибая палатку, к ее выходу, не переставая что-то бубнить на ухо.

«А что, если тут случайно оказался отряд по борьбе с бандитизмом и дозорные заметили его? — почти в панике подумал Момотомбо. — Сорвется операция «контрас», но сорвется и то, что задумала контрразведка. Отряд вряд ли многочислен, а здесь отборные головорезы, так что исход боя, к сожалению, ясен. Банда просто уйдет, а то еще хуже: отсидится до назначения нового срока или нового города-цели. Хотя нет, «Бесшумная змея» обязан тут же сообщить об этом Эчеверриа: даже подобные случаи были специально оговорены, и особая группа должна была бы тут же выводить из-под удара штаб, в первую очередь — Камило и «Бесшумную змею». И все-таки неплохо узнать, что их так всполошило и даже напугало, судя по виду «дьявола».

Момотомбо совсем было решил пойти прогуляться с той стороны палатки, поближе к ее входу — глядишь,

удастся что-либо увидеть или услышать, но новое движение, сопровождающееся еле усиливающимся шумом, привлекло его внимание. Шепотом передавалось какое-то сообщение, и члены отряда, вскочив, чуть ли не бегом торопились в одну и ту же сторону. К Эчеверриа на ходу тоже наклонился торопившийся мимо боевик и свистящим шепотом произнес:

— «Ночной комплект» раздают...

Камило все понял. «Ночным комплектом» называли американские саморазогревающиеся мясные консервы и 150 граммов рома. Отряд, конечно, не замерзал, но для бодрости духа это было то, что надо: люди стосковались по горячей пище и спиртному. И он возликовал, поскольку лучше времени подобрать было трудно. «Бесшумная змея» со своим «дьяволом» в палатке, остальные же столпились возле раздачи. Самое время скользнуть в выбоинку и, выдвинув совсем короткий штырек антенны, быстренько отработать на ключе.

Эчеверриа неторопливо поднялся — рядом никого не было. Он достал пачку сигарет, в которой заранее уложил листочек с группами цифр — ох, как много скажут они майору Карденасу! Сделал несколько приседаний, разминая ноги и чутко приглядываясь и прислушиваясь, еще раз проверяя себя. Абсолютно точно — никого поблизости не было, из палатки не доносилось ни звука. Неторопливо сделал несколько шагов в сторону выбоины и тут услышал шорох приминаемой травы за спиной. Через мгновение его осторожно тронули за плечо, останавливая. Он обернулся и увидел «Кровавого дьявола».

— Дон Камило, — почтительным шепотом произнес тот прямо в ухо. — «Бесшумная змея» просит заглянуть к нему в палатку, если не возражаете.

Эчеверриа пожал плечами и, осыпая в душе эту омерзительную парочку самыми отборными ругательствами и проклятиями, направился вслед за «дьяволом». Тот остановился у входа в палатку и слегка отступил, пропуская вперед. Камило вошел и в полумраке не сразу разглядел,

где «Бесшумная змея». Но голос, прозвучавший через несколько секунд, не принадлежал командиру отряда:

— Я не ошибся — это он. Ну что, камарада сандиниста, узнаешь старого друга? Давай представимся еще раз: Я — Мигель.

Это не было провокацией: Эчеверриа мгновенно осознал и принял ситуацию. Как и то, что у него при себе и передатчик, и шифровка, а потому терять ему нечего. Рванулся в сторону, мгновенно выхватывая «вальтер» из-за пояса, но стоявший позади «Кровавый дьявол» оказался быстрее: резкий удар ребром ладони под ухо взорвал мир миллионами искр, и тут же наступил полный мрак...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРИ ЧАСА БОЛЬШОЙ ОХОТЫ

10. ...Если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его.

12. И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, не скоро порвется.

Ветхий завет, Книга Экклезиаста или Проповедника

Капитан Селая и Маурисио Альтамирано.

Капитан шел неторопливо и спокойно, глядя прямо перед собой, а Маурисио, хотя и продолжал слегка вести стволом автомата так, чтобы грудь Селаи постоянно была в прицеле, на спусковой крючок почему-то не нажимал, хотя их разделяло уже не больше десяти метров. Альтамирано был удивлен и немного растерян: он совершенно не ожидал, что все будет происходить именно так. Капитан шел один, на нем были бежевые брюки и голубая рубашка, и ясно было, что оружия при нем не было. Да и на улице ни машин, ни людей не появлялось.

Ром не настолько затуманил мозги хирургу, чтобы он не сделал вывод: капитан хочет с ним поговорить, он догадывается, что Маурисио ожидает ареста, а потому специально оставил дома свою неизменную форму и подчеркивает, что он безоружен, а следовательно, пока абсолютно безопасен. Ничем иным объяснить такое поведение было нельзя.

Хотя... О чем им еще разговаривать в сложившейся ситуации? Возможно, Селая знает, что Альтамирано вооружен и способен оказать жестокое и отчаянное сопротивление, а потому подготовил какую-то хитроумную ловушку. Маурисио расслабится, размякнет, тут-то его и

возьмут, как разморенного сытной едой тапира. И ради этого идти безоружным на пулю, соваться с голыми руками в логово ягуара? Если это действительно так, то капитан еще более мужественный и безрассудный человек, чем о нем думал Маурисио. Что ж, в любом случае поговорить они могут — честно говоря, врач совсем не хотел кого-либо убивать, а его жизнь так или иначе кончена.

Примерно такие, но менее четко сформулированные мысли мгновенно и беспорядочно проносились в сознании Альтамирано в те секунды, за которые Марио Селая преодолел этот десяток шагов. Он был уже у двери и поднял руку, чтобы постучать. И увидел в окне рядом с дверью глаза Маурисио и черный зрачок ствола. Капитан очень медленно опустил руку, не сводя глаз с окна, стиснул зубы так, что резко обозначились желваки, от виска у него быстро поползла струйка пота. Эта чисто человеческая реакция чуть не до слез растрогала Маурисио. Они долго смотрели, не двигаясь, друг другу в глаза, а потом врач облизнул пересохшие губы и напряженно, хрипло сказал:

— Уходи, капитан. Я не буду в тебя стрелять, честное слово. Я, наверное, ни в кого из вас стрелять не буду, а потому уходи с миром.

— Мне бы хотелось зайти к тебе, Маурисио. Очень надо поговорить. Нам никто не помешает, ты знаешь, что я имею в виду — я тоже даю честное слово. После того, что я тебе скажу, решать будешь ты сам, и если скажешь «уходи!» — я уйду. Но сказать мне надо обязательно, хотя бы потому, что ты — это ты.

— Я верю тебе, капитан. А потому заходи, как обычно — дверь, ты знаешь, не заперта.

И капитан Селая вошел, как обычно, аккуратно прикрыл за собой дверь, подошел к своему любимому креслу возле журнального столика, не оборачиваясь, протянул руку назад к бару и достал чистый стакан. Маурисио, положив автомат на подоконник, направился к холодильнику, вынул новую бутылку рома «Negrita» — белого,

очень сухого и выдержанного — и пару банок кока-колы — он знал, что Марио предпочитает именно такую смесь. Заполнил оба стакана до половины тертым льдом, плеснул немного рома в каждый и долил «кокой». Все это делалось сосредоточенно, в полном молчании — священный ритуал первых минут приема гостя был выполнен.

Они молча отсалютовали друг другу стаканами и сделали по хорошему глотку. Маурисио закурил, капитан стал жевать соленые орешки. Все было, как всегда, и оба чувствовали нелепость происходящего. Марио Селая сделал первый шаг, чтобы поскорее разрушить напряженную неловкость:

— Ладно, ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что мне все известно, — произнес он. Это была их любимая присказка при игре в покер. Но оба даже не улыбнулись, Маурисио, загасив сигарету, тут же прикурил новую.

— Поэтому мы сейчас поговорим откровенно — я уже объяснил, что мне надо многое сказать. Буду выкладывать, ничего не скрывая, но и не особенно беспокоясь о корректности выражений, словом, так, как будто мы попрежнему остались добрыми приятелями, а не стоим по разные стороны баррикады с заряженным и готовым к стрельбе оружием.

Альтамирано взглянул на свой автомат, потом на Марио и попытался что-то сказать, но тот жестом остановил его:

— Потом, пожалуйста. Я буду говорить — ты думать, я закончу — ты примешь решение и ответишь. Я знаю, ты серьезно запутался, попал в историю грязнее некуда, ты и сам уже думал над ситуацией, поскольку принадлежишь к людям, знающим, что реки текут в океан, а не наоборот. И я даже догадываюсь, почему ты считаешь свое положение безнадежным и не видишь никакого приемлемого для себя выхода. Тебе сейчас очень нужно выслушать трезвое слово, узнать, как все это выглядит со стороны, получить не совет — я знаю, ты их не принима-

ешь, но анализ. Вот его-то я и попытаюсь сделать для тебя. И надеюсь, ты достаточно умен и доверяешь мне, что не будешь искать в моих словах второго дна...

Он хорошо говорил, капитан Марио Ногейра Селая, этот почти сорокалетний человек, отец двух дочерей и теперь ожидающий сына, откровенно и спокойно, жестко, иногда жестоко, но честно. Он говорил, и Маурисио еще раз убеждался, что с ним беседует не чиновник от госбезопасности, радеющий лишь еще об одной звездочке на погонах, не холодный, рассудительный и равнодушный деятель-функционер и даже не просто доброжелательно настроенный приятель и партнер по картам и выпивке. Это были слова человека, слова, рожденные синтезом ума и сердца, слова гуманиста, чья беспредельная любовь к своей родине, народу, людям дает ему мужество, силу и право для подобного разговора, редкостного в своей обнаженной откровенности.

Он не мог не выиграть этот поединок, капитан Селая, но это взгляд человека стороннего, да к тому же и знающего уже результат. А для Марио, хотя и трижды убежденного в своей правоте, то была схватка не на жизнь, а на смерть. Рисковал он жизнью своей, но вряд ли о ней думал, потому что дрался за других. Он прикрывал собой друзей, братьев, сограждан, и в числе тех, за кого дрался и кого прикрывал, был и Маурисио Альтамирано. А потому переиграл он сейчас не самого Альтамирано, а всю ту сволочную банду, которая того скрутила.

И это тоже понял потомок гордого рода, а потому капитан Селая проиграть не мог...

Мануэль Агилар, убийца.

Сводка новостей «Голоса Америки» закончилась, и он тяжело вздохнул: долгожданного сообщения снова не было. А пора бы — дело надо делать, а не психовать тут, валяясь на кровати. Нервы действительно стали ни к черту.

Мануэль с надеждой взглянул на стоящую рядом с

кроватью на полу бутылку. Мутило, есть не хотелось, а вот глоток бы не помешал. Или дождаться трех часов, и, если опять сигнала не будет, можно и расслабиться, а пока перетерпеть, чтобы быть в форме? В какой там форме! Он сейчас ни на что не годится, голова почти не соображает, руки трясутся, и еще шесть часов в духоте, со спертым и кислым воздухом, без движения он не выдержит. Надо глотнуть, взбодриться и выйти на улицу, немного подвигаться, чтобы кровь побежала быстрее и разогнала дурь — верное средство в таком состоянии.

Сказано — сделано. Облегчение наступило довольно быстро. Так, еще глоток, и напряжение отпустит совсем, он будет в полном порядке. Так. Теперь для полного блаженства не хватает еще чуть-чуть. Ну, последнюю капельку, и Агилар забылся в беспокойном сне.

Стук в дверь был негромким, но он буквально сорвал Агилара с койки. Он рванул из-за пояса пистолет, дрожащей левой потянул из-под кровати автомат, потом бросил все на одеяло и стал судорожно искать веревку, соединяющую его с предохранителем мины. Лишь через несколько секунд начал немного соображать.

Снова постучали — стук был условный: два удара быстрых, три медленных, а потом дробь. Свои. Он сунул пистолет за пояс, медленно поднялся на ватных ногах и, оттерев холодный пот с лица и шеи, подошел к двери.

— Кто? — спросил на всякий случай.

— «Мститель», это я, «Благородный». Открой, срочное сообщение от «Непокорного».

— А почему это через тебя? — недоверчиво и неприязненно спросил Агилар.

— С ума сошел? Мы что, так и будем переговариваться через дверь, чтобы соседи заинтересовались?

Сапожник отодвинул оба мощных засова, пропустил Маурисио и вновь запер дверь. Этого Альтамирано не ожидал: они рассчитывали, что, пока он будет занимать Агилара изложением сообщения от «Непокорного», капитан Селая и старший лейтенант Рамирес подберутся к

двери и неожиданно ворвутся и в тот же момент Маурисио схватит «Мстителя» за руки так, чтобы блокировать на несколько мгновений его действия. Теперь приходилось придумывать что-то другое.

— Он что, сам приходил к тебе или прислал связного? — допрашивал Агилар, не сводя настороженного взгляда с гостя и весь подобравшись. — Почему они связались с тобой, а не со мной напрямую? И что за нарушение всех правил конспирации, чем это вызвано? Говори, быстро!

— Мне принес домой записку мальчишка, — начал с ходу импровизировать Маурисио. — Не знаю, почему мне — возможно, паренек просто не знал, где ты живешь...

— Где записка? — перебил «Мститель».

Альтамирано гневно и презрительно взглянул на него. И это вышло настолько естественно, что наглый Агилар даже несколько смутился.

— Ты в своем уме?! Естественно, я ее тут же сжег. Не ты ли только что употребил слово, которое, видно, долго учил, чтобы запомнить, — «конспирация»? Так вот, «Непокорный» безо всяких объяснений требует, чтобы мы встретились с ним в бамбуковой роще возле развилки шоссе и грунтовки. Я сейчас зайду домой, ты оставайся здесь. Понаблюдаем минут десять, не засек ли кто мой приход — ты ведь заставил ждать перед дверью целую вечность. А потом отправимся на место. Я пойду по дороге мимо дома Хосе Кордеро, а ты отправляйся в обход, по той улочке, где у старика Пинеля дом сгорел. И давай успокоимся: не время сейчас злиться друг на друга...

Сапожник, ставший убийцей, настолько оторопел от неожиданного напора, что не огрызнулся в ответ, а только молча кивнул.

Они подошли к двери, Агилар отодвинул один за другим оба засова и, выпуская Маурисио, цепким звериным взглядом окинул улочку и дворы вокруг. И встретился

глазами с приподнявшим на секунду голову из травы одним из бойцов. Он отшатнулся назад, но тут же заметил чуть виднеющийся из-за ствола в десятке метров край защитной ткани.

Все дальнейшее заняло считанные секунды. Агилар резко развернулся и бросился в комнату. Маурисио среагировал так же мгновенно и рванулся за ним. Еще не зная, что тот собирается сделать, Альтамирано в отчаянном прыжке, словно вратарь, берущий мяч, пролетел комнату и вцепился в лодыжки Агилара, больно ударившись головой об пол. Но сапожник-убийца тоже упал, а в комнату уже огромными скачками врывался капитан Марио Селая.

Извернувшись и тонко взвизгнув, Агилар успел вытянуть из-за пояса крупнокалиберный «магнум» и выстрелить. Раз, другой, третий... Кованый ботинок капитана, ударивший его в висок, остановил выстрелы. На Мануэля Агилара всем своим весом навалился старший лейтенант Луис Рамирес, не понимающий еще, что это бесполезно. А Марио Селая стоял, беспомощно опустив руки, и смотрел на судорожно дергающиеся волшебные пальцы хирурга, не в силах перевести взгляд на кровавое месиво, которое мгновения назад было его головой...

Камило Эчеверриа, разоблаченный разведчик, жить которому осталось не более четырех часов.

Потому что сейчас полдень, а группа «Бесшумной змеи» должна обрушиться на город в 17.00, но для того, чтобы пройти пару километров до Хинотеги достаточно скрытно и занять удобные для атаки позиции, необходим час. Вот эти 240 минут и отведены специалистам по технике пыток для того, чтобы заставить Камило Эчеверриа заговорить. Если же учесть, что их жизни, можно сказать, висят на кончике его языка, можно представить себе, до какой степени увеличится их изобретательность.

Для Момотомбо же это будут 14 400 очень длинных секунд, и не только длинных и мучительных физически,

но и главным, вероятно, испытанием воли — испытанием за пределами возможного. Если он выдержит и ничего не скажет, бандиты скорее всего в растерянности замечутся, перегрызутся между собой, решая, нападать в таких условиях на город или нет. Может, появится возможность ликвидировать эту крайне опасную группировку «контрас» с минимальными потерями.

...Грубые руки хватают Камило за шиворот и рывком поднимают с пола. Пощечина, другая.

— Хорош, ты уже пришел в себя, не притворяйся. Открой глаза, смотри на меня. Узнаешь, сволочь?

Камило послушно открывает глаза. Перед ним незнакомое лицо со знакомыми глазами. Теперь, когда он вспомнил его, это кажется естественным: женщины деревни, где тот с дружками мародерствовал, отлупили его так, что лишь глаза таращились из опухшей от побоев и пьянки физиономии. А сейчас она просто расплылась от улыбки, а маленькие глазки дикого кабана излучали пронзительное злорадство.

— О, кажется, наш глубокоуважаемый дон Камило начинает припоминать своего случайного знакомца, — ерничал перед связанным Эчеверриа щуплый индеец. — Как же я рад встрече! Позволь мне взять у тебя на память маленький сувенир. — Он ухватился за массивное серебряное распятие, висевшее у Камило на шее, и вопросительно оглянулся на «Бесшумную змею». Тот молча кивнул.

— Ой, вот незадача, цепочка заперта. Ну ничего. — Он с силой рванул крест, и тот оказался в его руке. — Хорошенький талисманчик — добрых триста граммов весит. — Человечек качал распятие на руке, а потом с силой взмахнул им...

«Талисман» — это же слово произнес и майор Карденас, провожая Камило «на ту сторону». Прощаясь, он надел ему на шею это распятие на короткой цепочке, застегнул замочек и сказал:

— Считай это моим талисманом, сынок. Очень прошу

тебя, не снимай его никогда. А вот вернешься, я сам расстегну замок ключом, который буду все это время хранить на груди, и ты заменишь его амулетом, который подарит любимая...

Индеец снова взмахнул рукой, и тяжелый крест рассек вторую щеку, а Эчеверриа думал свою отчаянную думу. Да, он знал, что такое пытки «контрас», не раз содрогался, видя тела товарищей, несколько раз видел «специалистов» за их кровавой работой во время первой вылазки с отрядом бандитов на никарагуанскую территорию и позже, уже в камере тюрьмы при штабе в Гондурасе. Он не мог допустить и мысли, что и ему предстоит пройти через это, но думал сейчас о другом.

Майор Карденас, все друзья так верили в Камило, так надеялись на него, такие теплые присылали поздравления на праздники, с каждой удачно завершенной операцией, с каждой новой наградой. А он вот оказался недостаточно осторожным на последнем этапе, возможно, важнейшей операции, сорвал ее, и теперь еще неизвестно, какую цену придется заплатить за этот провал. Вот это, да еще невыразимый страх, что во время истязаний он может потерять себя и невольно заговорить, назвать имена товарищей, продолжающих работать у «контрас» (а некоторых он знал), своих связников, явки, было гораздо ужаснее, чем то, что ему предстоит пережить в течение ближайших 14 400 секунд...

Майор Карденас, руководитель никарагуанской военной разведки. Город Матагальпа.

Точного его возраста никто не знал — вряд ли ему было больше сорока, но все относились к нему как к многоопытному, но уже пожилому и чуть ворчливому родителю. И имя у него было другое, и уж, конечно, он был далеко не майором. Но вот это имя в сочетании со званием, данное неизвестно кем и неизвестно когда, так и осталось при нем. Тем более что он никого не поправлял.

Сейчас он сидел у себя в кабинете в компании с пол-

ковником, начальником оперативного отдела, и несколькими его заместителями. Они говорили — вернее, говорил майор Карденас — о сложившейся на этот час ситуации.

— То, что он не вышел на связь во время марша, вполне понятно: вряд ли удалось получить какую-либо новую ценную информацию, а рисковать лишний раз на решающем этапе, естественно, было нецелесообразно. По сведениям, которые мы имеем, их группа шла все время по графику, следовательно, вчера вечером уже должны были оказаться в квадрате. Передать пакет с указанием города-цели и дополнительными инструкциями им должен был доверенный связной — наш человек, сообщивший об этом, не знает ни его имени, ни примет, ни даже клички, знает лишь, что его намечалось сбросить с парашютом. Действительно, позавчера ночью наши станции засекли самолет, пересекший границу и после входа в этот квадрат развернувшийся и ушедший обратно.

— Ни его, ни группу мы принять в квадрате не смогли, — огорченно пробормотал начальник оперативного отдела.

— Думаю, вины здесь ничьей нет, — тут же отозвался майор Карденас. — Квадратик-то добрых две сотни квадратных километров — даже на равнине площадь немалая. Пойдем дальше. Курьера с пакетом они встретили — или он нашел их. В противном случае они послали бы запрос по радио, а мы радиообмена не зарегистрировали. Значит, вчера же они и вышли к цели, и Камило ее знает. Но до сих пор на связь не вышел.

— Кстати, ты не допускаешь мысли, что с ним что-нибудь могло произойти? — спросил начальник оперативного отдела.

— Нет! И в этом случае они связались бы со штабом. И даже — я понимаю, что ты имеешь в виду — им вдогонку телеграмма, в которой по каким-либо причинам приказывалось его уничтожить, тоже не пошла.

— У них могут быть десятки передатчиков, о которых

мы не знаем. Могли направить распоряжение из Майами, Коста-Рики, откуда угодно.

— Еще раз нет. Пока с Момотомбо все в порядке. Это я знаю твердо. Поверьте, здесь дело не в предчувствиях или в этом роде, а в *знании*.

Начальник разведки действительно знал это абсолютно точно. Дело в том, что серебряное распятие, которое он повесил на шею Камило, было не чем иным, как мощным радиомаяком, который автоматически начинал работать при обрыве цепи. Где он достал два экземпляра подобного чуда, сколько он за них заплатил и как отчитался перед финансистами, считавшими каждый доллар, известно одному Богу. Так же, как и то, кто сработал это чудо инженерно-технической мысли. Одно известно, родились распятия не в лабораториях, далеко опережающих мировой прогресс, где трудятся технические гении, работающие на сверхслужбы великих держав — американское ЦРУ, западногерманскую БНД или советский КГБ. Эти портативные, надежные, долговечные приборы сработаны умельцами, служащими у воротил преступного бизнеса.

И майор Карденас отлично разбирался в человеческой психологии: он знал, что у разоблаченного или мертвого разведчика эту изящную вещицу должны сорвать в первую очередь. На территории Гондураса Камило Эчеверриа регулярно прослушивали свои люди, во время марша над местом, где по предположениям должна была находиться группа, время от времени пролетали самолеты. Летчики чертыхались из-за бесцельного перевода драгоценного горючего — ведь пассажиров было всего двое. Они сидели в просторном салоне, разложив какие-то приборы, напялив наушники и не отрывались от своего занятия ни на секунду.

Сейчас такой же самолет барражировал постоянно в воздухе, четко очерчивая указанные ему стороны квадрата. А для руководства разведкой наступило время быть поближе к месту предполагаемых событий, а потому май-

ор Карденас с группой сотрудников вылетел в крупнейший город, расположенный в «опасном квадрате», — Матагальпу.

Камило Эчеверриа.

Он даже удивлялся, но как-то равнодушно и вяло, глядя словно со стороны на свое истерзанное тело: «Смотри-ка, я еще жив и даже привыкаю терять сознание и снова приходить в него. Даже к боли, к которой привыкнуть невозможно, начинаю приспосабливаться, хотя эти подонки делают так, что она накатывает волнами, неожиданными и потому особенно страшными».

Он припоминал свои хрипы сквозь кляп, нечленораздельное бормотание и проклятия, когда его вынимали, и сознавал, что пока так и не сказал ничего. Грязную, окровавленную тряпку снова вынули, но держали наготове, чтобы в любой момент, если начнет кричать, снова вбить ее в разорванный, с выбитыми зубами рот. По голове тяжелым молотом били размеренно повторяемые заклинания:

— Говори... Подохнешь... Скажи — вылечим... Будешь богатым, уедешь в Европу... Никто не узнает... Говори, скотина... Говори... Говори... — вся эта каша из слов с трудом доносилась сквозь высокий, непрекращающийся звон, сквозь вязкую губку, которой словно залепили уши.

И снова кляп в рот, и тут же разрывающее все клетки мозга ожидание новой волны нечеловеческой боли, пот, заливающий лицо, а палачи не слишком торопятся причинять ему эту новую боль, выжидают, чтобы сломить его волю предчувствием муки, выбирают новое, еще более чувствительное место на его теле...

Он не знал, что творилось за пределами этой поляны; не чувствовал, как серебряное распятие, которое индеец, обернув тряпкой, засунул в суму на своем поясе, отчаянно взывало: «Помогите!»; не видел, как от этого сигнала, в ту же минуту переправленного с борта далекого самолета в Матагальпу, все пришло в движение; не слышал

коротких, точных, на всякий случай еще с ночи продуманных распоряжений, которые отдавал майор Карденас; не ведал, что руководство республики, затаив дыхание и не выходя из шифровальной комнаты, следит за развитием событий...

Камило не слышал тяжелого нарастающего рокота, от которого вначале рядовые «контрас», а затем и палачи, оторвавшись от своего страшного занятия, подняли головы. А рокот продолжал нарастать, и люди распластывались на земле, отбегали и отползали под сень густых кустов и в заросли диких бананов. Но откуда-то с неба, заглушая все остальные звуки, раздался громоподобный, многократно усиленный динамиками голос:

— Здесь — народная армия. Мы знаем, что вас пятьдесят человек, знаем, что вы здесь, знаем, зачем вы пришли сюда. Бросайте оружие и сдавайтесь! Мы гарантируем жизнь всем, воевавшим против нас, всем, кто стрелял в наших солдат. Суду подлежат лишь те, кто глумился над пленными и беззащитными крестьянами. Одумайтесь, это же ваша родина! Сдавайтесь, и будем вместе строить ее. Поймите, что через десять минут мы начнем артобстрел и бомбардировку всего этого района. У вас еще есть время спасти свою жизнь, но через 10 минут амнистию будете выпрашивать уже у господа Бога. Сдавайтесь!..

Майор Карденас повторял и повторял эти фразы. Он отчаянно блефовал — как ни торопились группы захвата, они были еще далеко, и за время до их подхода многое могло произойти. Он даже не знал, жив ли еще Эчеверриа. Но этот неожиданный напор с воздуха ошеломил бандитов, даже сам «Бесшумная змея» поверил, что группа окружена сандинистскими войсками, что на их пятачок нацелились стволы орудий, а самолеты с бомбами уже поднялись с аэродромов. Он в бешенстве вскочил и выпустил в сторону вертолета, откуда гремел голос майора Карденаса, всю обойму пистолета. Взгляд его остановился на распластанном и привязанном за руки и за ноги к вбитым в землю колышкам Камило. Он выхватил из

5*

ножен тесак и, прохрипев: «Но эту падаль я прикончить успею собственноручно», бросился к Эчеверриа.

Его отделял от разведчика лишь шаг, когда над поляной сверкнула молния, которую почти никто не заметил. Но зато все увидели, как легендарный, неуловимый и неуязвимый главарь судорожно схватился за рукоять длинного ножа, вонзившегося в горло, и, хрипя, повалился на землю. Молодой мулат, так искусно воспользовавшись смертельным клинком, еще не успел опустить руку, как его буквально швырнула на кусты очередь из автомата, выпущенная практически в упор адъютантом «Бесшумной змеи». Но «Кровавый дьявол» ненадолго пережил своего хозяина: какие ни были отборные «контрас» собраны в отряд, жить им хотелось, а в создавшейся ситуации сдаться — это было единственной возможностью уцелеть. Кое-кто даже бросился отвязывать Камило, желая получить лишний шанс на милость победителей.

...Камило Эчеверриа пришел в себя, когда его бережно несли к вертолету. Вряд ли он что-либо понимал, а отсутствие страданий, отступившую боль принял, вероятно, за полную потерю чувствительности или вообще смерть. Он снова закрыл глаза, но на этот раз уйдя в забытье не от мук, а от слабости. А майор Карденас шел рядом, глядя на проступающую из-под бинтов кровь; она постепенно темнела и цветом становилась похожей на ягоды перезревшего кофе. Тяжелое серебряное распятие мерно покачивалось в такт его усталым шагам...

КУРЬЕР ИЗ ЧИАНГМАЯ

ЧАСТЬ I

ТИГР, ПОПАВШИЙ В КАПКАН, ОТГРЫЗАЕТ ЛАПУ

Сержант Ми Сон

Тревога поселилась в его взводе сразу после того, как бригаду перебросили из Мандалая в бирманскую часть «золотого треугольника». Особенно не повезло роте, в которую входил взвод Ми Сона, поскольку ее загнали в самую отдаленную дыру — поселок Чёнгтун — один из контрольных пунктов на стратегическом шоссе № 4. Штаб бригады расположился в Таунджи — бывшем курортном местечке, где так любили отдыхать англичане. Жить в Таунджи было совсем неплохо. Хотя этот стотысячный городок и является столицей Шанской национальной области, крупнейшей и самой небезопасной в Бирме *, тем не менее он процветает благодаря широкому потоку контрабанды, стекающейся сюда из соседних стран. Правительство смотрит на черный рынок в Таунджи сквозь пальцы, поскольку у него есть проблемы гораздо болезненнее — сепаратисты и наркотики.

Таунджи — это последняя точка, куда может в Бирме попасть иностранец, да и то с огромным трудом. Далее на восток путь для многих закрыт, впрочем, туда стараются и не соваться, ибо там начинаются неприступные владения повстанческих армий, «опиумных королей» и

* С июня 1989 года, после очередного правительственного переворота, в соответствии с решением Госсовета Бирма получила новое название Мьянма, а ее столица Рангун теперь называется Янгон. *(Здесь и далее примечания автора.)*

контрабандистов, действующих в самом суровом уголке Азии. Сотни повстанческих формирований контролируют этот обширный район в 156 квадратных километров, а также границы с Таиландом, Лаосом и Китаем. Эти группы сражаются якобы за автономию, но скорее всего за то, чтобы урвать свою долю доходов от опиума, нефрита, рубинов и транзитных налогов на контрабандную торговлю. Дремучие тиковые леса, бездорожные равнины и горы, поднимающиеся на высоту 2400 метров, представляют собой идеальную территорию для повстанцев и порождают массу проблем для базирующегося в Таунджи Восточного военного командования. Правительственным войскам, испытывающим подчас нехватку в вооружении и транспортных средствах, здесь противостоят такие грозные противники, как Шанская объединенная армия «опиумного короля» Кхун Са, Каренский национальный союз, левацкая Коммунистическая партия Бирмы, а также племенные формирования ва, пао и лаху. Наиболее влиятельной силой в этом беспокойном регионе является Шанская объединенная армия (ШОА), хотя шаны, которые переселились сюда несколько веков назад из Южного Китая, составляют меньше половины населения области.

В Таунджи существует могучий китайский анклав — «чайнатаун», в самом центре которого располагается большой рынок контрабандных товаров. Сюда очень часто приходят за многими покупками, которые невозможно найти в государственных магазинах, жители других кварталов города. Наведываются сюда и солдаты, которых через Таунджи перебрасывают на контрольные пункты стратегического шоссе. Хотя это и запрещено, но начальство обычно смотрит сквозь пальцы на подобные визиты своих подчиненных в «чайнатаун». Солдаты тоже люди, которым нужны мыло и зубная паста...

Беспокойство возникло, кажется, после одного из посещений солдатами «чайнатауна» в Таунджи. Сержант Ми Сон мучительно стремился понять причины этой тре-

воги, но ничего разумного в голову не приходило. Между тем он видел, как между первым и третьим отделениями возникла взаимная неприязнь, а это отражалось и на втором отделении, поскольку состояло оно в основном из новобранцев, часть из которых симпатизировала бойцам первого отделения, а другая, наоборот, тяготела к третьему.

Ми Сон в душе был на стороне Бо Мая, двадцатидвухлетнего капрала третьего отделения. Однако и Со Маун, капрал первого отделения, был опытным и бесстрашным бойцом, с которым Ми Сон провел не одну боевую операцию. Капралы были погодки, но если Бо Май был строен и тонок, как тростник, то Со Маун был крепко сбитым, коренастым малым с улыбчивой добродушной физиономией.

Говорят, внешность обманчива, и эта мудрость вполне применима к Со Мауну, поскольку характер у него был жесткий и требовательный. Тем не менее первое отделение боготворило своего капрала, считая его заговоренным от пуль. Бойцы переносили его «чудодейственную силу» на себя: вот уже два года отделение выходило целехоньким из множества стычек с противником. До того, как их перебросили из Мандалая в Таунджи, Бо Май и Со Маун были приятели не разлей водой. Что-то между ними произошло именно после последнего посещения «чайнатауна». Когда солдаты загружались в транспортный самолет, сержанта поразил настороженный взгляд добродушного Со Мауна, который он бросил на Бо Мая, замешкавшегося было возле сержанта.

— Что произошло? — спросил тогда сержант у своего любимца.

Бо Май неожиданно побледнел. Он внимательно посмотрел на сержанта, затем на люк транспортника, за которым скрылась коренастая фигура капрала первого отделения.

— Все в порядке, сержант! — Бо Май попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученная.

— Ну и ладно, — сказал Ми Сон, но сердце его сжалось от нехорошего предчувствия.

Капрал Со Маун

Свое боевое крещение Со Маун получил в начале 1984 года, когда в восточных и северо-восточных районах Бирмы правительство развернуло крупномасштабную операцию против наркомафии. Главные усилия этой операции, проводившейся под громким кодовым названием «Мо хейн» («Удар молнии»), были направлены на выявление с помощью местного населения базовых лагерей контрабандистов и подпольных лабораторий по первичной очистке опиума. После разведки правительственные войска наносят по ним сильные и внезапные удары — «мо хейн».

Подобные операции проводятся в Бирме начиная с 1974 года. По официальным данным, в ходе этих операций уничтожены сотни контрабандистов, еще сотни захвачены в плен. Среди трофеев правительственной армии тонны военного снаряжения — стрелкового оружия, мин и фугасов, полевых раций. За несколько лет в джунглях Шанской национальной области удалось обнаружить и уничтожить 22 лаборатории по очистке опиума и 97 подпольных складов наркотиков. У контрабандистов было конфисковано несколько десятков тонн наркотических веществ: сырого опиума, марихуаны, морфина и около полутонны героина. Однако, несмотря на столь впечатляющие успехи, окончательной победы в борьбе с наркобизнесом достигнуто не было. Подпольная мафия, пустившая в Бирме глубокие корни, умело использует сепаратистские настроения населения Шанской и Качинской национальных областей, с недоверием относящегося к решительным мерам центральных властей по ограничению их автономии.

Когда в 1947 году Бирма вступила на путь независимости, в Рангун, чтобы продемонстрировать поддержку

центральному правительству, явились и представители горных народностей с севера. За это правительственные органы будущего Бирманского Союза пообещали им широкую автономию. Однако уже через некоторое время центральные власти вступили в конфликт сначала с каренами, а затем и с другими этническими группами. Вслед за бунтом каренов, который показал, что центральное правительство не столь уж могущественно, вспыхнули еще четыре восстания. Десять народностей провозгласили независимость и создали собственные «правительства». Восемь «армий» расположились лагерем на территории Таиланда, еще пять—у самой бирманской границы. Кроме них, на севере действовали «личные армии» отдельных военачальников.

Эта война в джунглях порою кажется бесконечной. Она изматывает так и не сумевшую окрепнуть экономику Бирмы, которая и без того входит в десятку беднейших государств мира. А поскольку рангунские власти не в состоянии обеспечить экономическое развитие северных районов, традиционное выращивание горцами опиумного мака остается единственным источником их существования.

Переработкой и контрабандой наркотиков в Шанской и Качинской национальных областях занята известная в международном преступном мире подпольная мафия «опиумного короля» Кхун Са, а также банды Коканг и Лоймо, которые сотрудничают с сепаратистскими группировками местных племен.

Отряды контрабандистов хорошо вооружены и экипированы. В их распоряжении американские автоматические винтовки М-16 и карабины, взрывчатые устройства большой мощности, радиопереговорные устройства. У них есть подпольные химические лаборатории в джунглях, тайники для хранения опиумного сырья и готовой продукции и даже вертолеты, для которых оборудованы взлетные площадки.

Поисковая операция, в которой получил свое боевое

крещение молодой боец Со Маун, разворачивалась в нижнем течении реки Салуин в районе бирмано-таиландской границы. Накануне выхода на позиции командиры проходили подробнейший инструктаж, где им объяснили всю трудность поставленной перед ротой задачи. Командир их взвода, сжав губы трубочкой, долго соображал над картой местности, а потом вытащил из планшета блокнот и зачитал записанное на инструктаже у ротного наставление о том, что контрабандисты, действующие непосредственно на границе, имеют многочисленные пути для ухода за рубеж и контакты с высокопоставленными лицами в соседних странах.

— Полковник Тейн Хан говорил, что они получают помощь от коррумпированной тайской полиции, — добавил взводный.

По данным разведки, на правом, бирманском берегу реки Салуин в непосредственной близости друг от друга располагались три тайника с наркотиками и оружием. Задача роты состояла в том, чтобы внезапно захватить тайники, не позволив охране перейти через реку, и дать знать об этом «своим людям» на той стороне.

Взводный Бо Сенг, выбившийся в сержанты из крестьян, недостаток военного образования восполнял своей природной смекалкой. Гены, заложенные в нем его предками-охотниками, помогли провести взвод хитрыми тропами сквозь затянутые лианами джунгли, и после короткой, но ожесточенной перестрелки десять человек, охранявших тайник, плавали в лужах крови, а во всем взводе только двое получили легкие ранения. Часы показывали четыре утра, начинало светать, когда со стороны реки раздался шум винтов вертолета. Бо Сенг приказал всем скрыться в зарослях, оставив при себе только бойца Со Мауна с ручным пулеметом. Вертолет появился над ними неожиданно. Совершив небольшой круг над тайником, пилоты, вероятно, почувствовали неладное, поскольку машина развернулась по направлению к реке. Бо Сенг выпустил длинную очередь вслед вертолету, и неожиданно

огромная стальная стрекоза рухнула на землю. Через несколько минут раздался взрыв охваченных огнем баков с горючим.

...Неделю спустя после успешного сражения на берегу реки Салуин у сержанта Бо Сенга начались неприятности. Высокопоставленные деятели из соседней страны подняли крупный шум, заявив, что бирманские военнослужащие сбили вертолет над тайской территорией. К сожалению, бедняга сержант хотя и был потомком охотников, но понятия не имел о «черном ящике», который находится в любом воздухоплавательном средстве на случай аварии. А «черный ящик» пропал начисто и вместе с ним — все надежды опровергнуть заявления «коррумпированной тайской полиции».

Кончилось дело тем, что Бо Сенга уволили из армии.

Однажды на одном из мандалайских рынков, где в то время дислоцировалась легкая пехотная бригада, в которой служил Со Маун, раздался взрыв гранаты. Подоспевший на место происшествия армейский патруль выяснил, что бывший военный, доведенный нищетой до отчаяния, взорвал гранату возле лавки одного из китайских ювелиров. На месте взрыва пахло горелой тканью от сожженного навеса. В луже крови лежали обнявшись два человека. В человеке, заключившем в нерасторжимые объятия китайца, Со Маун узнал своего бывшего сержанта. Он был еще жив, хотя тело представляло собой сплошную рваную рану.

— Маун, — с трудом разлепил он губы, — позаботься о моей девочке. Она все зна...

Сержант умер. Начальник патруля недобро сощурился на Мауна.

— Ты знал эту тварь? — спросил он подозрительно.

Мауна словно в грудь ударило.

— Сам ты тварь поганая, лейтенант, — сказал он громко и медленно, удивляясь охватившему его спо-

койствию. — Тыловая крыса из Мандалая, — добавил он, вложив в эти слова все накопившееся в нем презрение к армейскому офицерству.

Капрал Бо Май

Он опять кричал во сне. От этого внутреннего крика он проснулся весь в холодном поту и со страхом огляделся по сторонам. Но казарма была погружена в тяжелый солдатский сон. Люди неподвижно лежали в своих гамаках, давая телу отдых после утомительных дневных занятий.

Бо Май бесшумно выскользнул из гамака и вышел наружу. Здесь на него обрушился звон цикад, издалека доносились крики разгулявшихся в джунглях обезьян. Часовой на вышке, освещенной неярким светом лампы, бросил на капрала безразличный взгляд и отвернулся в сторону. Бо Май закурил. До рассвета оставалось всего несколько часов, которые отделяли этот спящий мир от завтрашнего, вернее, сегодняшнего уже возможного боя. Накануне сержант отобрал группу для захвата каравана контрабандистов. Бо Май догадывался, что Ми Сона тяготит раздор между двумя капралами, но решение, принятое сержантом, показалось ему опасным. В группу захвата сержант, помимо шести солдат, включил также капралов Мая и Мауна.

А Мауну Бо Май в последнее время не доверял.

В армию Бо Май пришел со студенческой скамьи. Это был довольно непонятный шаг, поскольку между студентами и армией всегда существовали непримиримые противоречия. Армия олицетворяла закон, порою не всегда справедливый, студенчество фрондировало, порою не всегда оправданно. Студенты понимали, что сегодняшняя изоляция страны от внешнего мира тормозит ее развитие, порождает немало трудностей и способствует процветанию межнациональной розни, чем умело пользовались «опиумные» и прочие «короли» разных калибров, с которыми армия вела затяжную и почти безнадежную войну.

Отец Бо Мая, прогрессивный журналист из рангунской газеты «Уоркинг пиплз дейли», много лет занимался изучением проблемы наркобизнеса в Бирме. В своих статьях, посвященных этой теме, он отмечал, что зло, поразившее страну и разъедающее ее подобно раковой опухоли, своими истоками уходит в колониальный период. Англичане намеренно стали распространять в Бирме наркотики в целях увековечения своего господства, ликвидации сопротивления колонизаторам и разложения покоренной нации. Под контролем англичан на территории нынешних Шанской и Качинской национальных областей, благоприятных с точки зрения почвенно-климатических условий, началось возделывание опиумного мака. По всей стране стали открываться курильни, лицензии на содержание которых получали бенгальцы и китайцы.

В 1948 году Бирма восстановила свою независимость. Однако феодалы в сговоре с иностранными капиталистами продолжали извлекать доходы из производства наркотиков. К этому времени возделывание и обработка опиума стали рассматриваться уже как «традиционные занятия». В 1974 году был принят закон, поставивший их под запрет. В качестве альтернативы земледельцам предлагалось переходить на выращивание других культур. Были составлены планы поэтапного сокращения возделывания опиумного мака и других содержащих наркотики растений. Одновременно армия и полиция стали проводить регулярные операции по уничтожению плантаций мака.

Однако повстанцы, писал журналист Бо Ну в одной из своих последних статей, продолжают заниматься производством наркотиков, которые сначала доставляют на юг Шанской национальной области, а потом переправляют за кордон и в другие районы страны. Этим занимаются люди, вложившие крупные капиталы в бизнес на наркотиках и являющиеся, по определению Бо Ну, прислужниками мятежников. Хотя эти люди, с горечью писал журналист, претендуют на звание коренных жителей Бирмы, они не думают о национальной гордости, не счи-

тают зазорным продавать страну и ее народ ради собственного процветания.

Хотя журналист и не указал конкретных имен тех, кто, занимая высокое официальное положение, стоит за спиной дельцов от наркомафии, его намек был понят.

В один очень жаркий летний день 1984 года Бо Май, вернувшись с занятий домой, обнаружил в квартире нескольких полицейских, во главе которых находился пожилой капитан сил внутренней безопасности. В квартире царил настоящий разгром, полиция разыскивала какие-то бумаги отца. Бо Мая отвели в его комнату, где все уже было перевернуто вверх дном, и заперли дверь на ключ. Собирая разбросанные по полу учебники и конспекты лекций, юноша, обладавший острым слухом, уловил доносившиеся издали обрывки фраз: «...со щенком надо кончать на месте. Все должно выглядеть как ограбление. Тун, займись... стрельбы не надо... постарайся лезвием».

Гибкий и натренированный восточными видами борьбы, Бо Май высадил стекло в окне и, совершив прыжок, достойный обезьяны, очутился на ветвях огромного платана, поднявшегося вровень с шестым этажом его дома. В мгновение соскользнув вниз, он обнаружил во дворе армейский «джип», возле которого лениво покуривали четверо солдат с немолодым, но очень браво смотрящимся сержантом. Бо Май бросился к военным.

Выслушав парня, сержант велел солдатам поспешить в квартиру журналиста, задержать грабителей на месте преступления, а сам предложил Бо Маю немедленно отправиться вместе с ним в ближайший полицейский участок.

Когда они подъехали к отделению полиции, сержант замешкался в машине. В горячке Бо Май не обратил на это особого внимания. Пока он сбивчиво давал показания в полицейском участке, ему было не до сержанта. Однако тот явно задерживался.

— Так где же этот ваш спаситель? — спросил отчего-то раздраженный полицейский чин.

Бо Май вышел на улицу, но ни «джипа», ни сержанта нигде не было.

Бо Май в полицейское отделение не вернулся. Он понял, что кто-то начал большую охоту за отцом, а заодно и за ним самим. Добравшись до одного из своих университетских приятелей, он позвонил в редакцию «Уоркинг пиплз дейли» и попросил подозвать к телефону Бо Ну. На другом конце подозрительно долго молчали, а потом какой-то встревоженный голос спросил: кто звонит?

Бо Май повесил трубку и послал приятеля купить все выпуски вечерних газет.

Через несколько минут приятель вернулся с дрожащими губами. Он протянул Бо Маю лишь одну газету, свернутую последней полосой наружу. Заметка под названием «Авантюра с трагическим исходом» гласила, что «сегодня в одиннадцать часов утра на одном из рангунских рынков в пьяной драке был убит известный журналист Бо Ну. Занимаясь в последнее время проблемами наркобизнеса в нашей стране, Бо Ну, кажется, сумел проникнуть в преступную среду. Но в своем журналистском расследовании он чрезмерно увлекся, сам начал пить и употреблять наркотики. Бо Ну не пользовался законными каналами расследования, не сотрудничал с государственными органами, и его самодеятельность привела к столь печальным последствиям. Полиция занимается розыском возможных убийц журналиста». Подписи под заметкой не было, только инициалы К. С.

Бо Май некоторое время вертел в руках газету и никак не мог вникнуть в суть происходящего. Все в заметке было ложью, но кому-то она оказалась нужной, и кто-то эту ложь санкционировал. Приятель говорил что-то о разгуле вседозволенности в высших эшелонах власти, о коррупции, разъедающей армию и полицию, о том, что в стране преданы забвению революционные идеалы. Он придерживался радикально-левых взглядов и время от

времени поговаривал об уходе в горы, где находились повстанческие отряды Компартии Бирмы.

Однако Бо Май, которому отец поверял буквально все свои замыслы, с тех пор как в нелепой автомобильной катастрофе в перевернувшемся автобусе погибли мать юноши и две его сестры, не разделял взглядов своего приятеля по одной простой причине: Компартия Бирмы, говорил отец, так же, как и несколько других сепаратистских организаций на востоке страны, глубоко вовлечена в производство опиума и торговлю героином. Опираясь на мнение независимых экспертов по наркотикам, отец считал, что под контролем КПБ находятся более обширные по сравнению с владениями других групп районы, где выращивается опиум, и в «золотом треугольнике» Бирма производит опиума больше, чем Таиланд и Лаос.

— Все они, несмотря на красивые манифесты, повязаны одной веревочкой, — говорил Бо Ну сыну. — Возьми к примеру Каренский национальный союз. Его представители заявляют, что борются за создание независимого каренского государства. На деле же союз ведет подрывные действия против государства и собственного народа. Узколобый национализм, с помощью которого КНС пытается сеять разногласия между этническими группами бирманского союза, отвергнут населением в дельте Иравади. Когда армия в сотрудничестве с местным населением, а заметь — это случается у нас не так часто, — изгнала из этих густонаселенных мест банды КНС, то, пытаясь избежать окончательного разгрома, КНС неожиданно заключил тесный союз с КПБ. Но поскольку внутри КНС отдельные группировки отказались подчиняться КПБ, с ходу же начавшей навязывать каренским сепаратистам свою волю, КНС раскололся. Одна фракция, во главе с Бо Чжин Пе, была разгромлена армией в районе Пегу Йома. Другая присоединилась к группе Бо Мья, действующей на границе с Таиландом. Бо Мья компартию не приемлет, он официально ратует за независимость каренов, полагая, что коммунисты, так же как и прави-

тельство, хотят поставить все национальности под управление бирманцев. Бо Мья удалось в определенной степени возродить разгромленный было КНС. Сейчас они контролируют обширные пространства в тысячекилометровой зоне боевых действий по западному берегу петляющей реки Моей, образующей границу между Таиландом и Каренской областью в Бирме. Ему даже удалось стать лидером Национального демократического фронта, как громко именуют свой непрочный альянс девять повстанческих групп национальных меньшинств. Однако, несмотря на политические лозунги, Бо Мья в действительности является вождем контрабандистов и дельцов черного рынка. Главное занятие КНС, возглавляемого Бо Мья, — это контрабанда. Бо Мья облагает налогом деревни в контролируемом им районе. Он выделяет контрабандистам за соответствующую плату вооруженную охрану. Только из этого источника Бо Мья ежегодно получает 70 миллионов кьят. При этом вождь каренов утверждает, что на деньги, полученные от черного бизнеса, КНС закупает оружие для ведения подрывных действий. Кхун Са тоже выставляет себя защитником интересов шанского народа. На самом же деле все эти «защитнички» приносят неисчислимые страдания и бедствия нашему народу.

В тот день, а случился этот разговор за неделю до сегодняшних роковых событий, Бо Ну вернулся из редакции крайне взволнованным. Хотя встречи и разговоры с иностранцами в Рангуне не приветствовались, Бо Ну все же удавалось изредка побеседовать с журналистами из других стран, интересовавшимися проблемами наркобизнеса в Бирме. С одним из своих коллег из английской газеты «Обсервер» Бо Ну случайно встретился в небольшой кофейне в двух кварталах от редакции «Уоркинг пиплз дейли».

— Любопытные вещи пишет о вашей стране Ассошиэйтед Пресс, — сказал англичанин и протянул бирманцу толстую бандероль с последними номерами «Интернэшнл геральд трибюн». — Ознакомься на досуге.

Бо Ну положил газеты в портфель. Просматривая их вечером, он позвал сына. Выглядел журналист крайне расстроенным.

— Почитай, какую пакость для нашего народа готовят эти «опиумные короли», — сказал он сыну и протянул отчеркнутую красным фломастером газетную статью. В корреспонденции АП из Рангуна говорилось:

«Американские официальные лица уверяют, что проводимое в Бирме распыление с воздуха гербицидов над тысячами гектаров опиумных плантаций в «золотом треугольнике» — одна из наиболее эффективных антинаркотических программ в мире. Однако критики утверждают, что США снабжают, возможно, опасными химикатами правительство, которое использует их в военных целях против ничего не подозревающих племен.

Ставки в этом году высоки. Из-за отличных погодных условий ни много ни мало 900 тонн опиума может быть выращено в суровых горах Шанской национальной области Бирмы — одном из главных источников поступления наркотиков в мире. Эта гора опиума, переработанная в героин, принесет примерно 135 миллиардов долларов, если продавать его на улицах по нынешним нью-йоркским ценам. По оценкам американских официальных лиц, около 20 процентов героина переправляется в США и примерно столько же в страны Западной Европы. Остальное потребляется на месте или контрабандным путем уходит в другие азиатские государства.

Чтобы воспрепятствовать утечке, Вашингтон поставил Бирме пять одномоторных самолетов. В США также проходят подготовку 9 бирманских пилотов. Второй сезон американцы снабжают Бирму гербицидами для распыления их над полями. Помощь США, составившая в этом году 11 миллионов долларов, будет, по-видимому, расти.

Критики, такие, как американский политолог Дж. Сильверстейн, утверждают, что гербициды являются желанным оружием в продолжающейся десятилетия войне Рангуна против нацменьшинств, добивающихся авто-

номии. В Шанской области опиумные деньги используются для закупки оружия и сколачивания повстанческих армий. Однако Сильверстейн, автор нескольких книг о Бирме, подчеркнул в интервью, что обработка с воздуха наносит гораздо больший ущерб источникам пропитания неграмотных и бедных производителей, для которых опиум по традиции — главный источник средств, единица обмена и даже лекарство. Сильверстейн утверждает, что в отличие от Таиланда, который отказался от метода опыления посевов, бирманское правительство фактически не имеет проектов развития в охваченных повстанческим движением горах и не проявляет усилий для замены опиума другими доходными культурами в этих районах.

— До тех пор, пока горные племена Северной Бирмы не будут заинтересованы в выращивании других агрикультур, распыление гербицидов можно уподобить рейду бомбардировщика В-52, — подчеркивает американский исследователь в области прав человека Э. Миранте. — Это грязный путь борьбы с наркотиками.

Гербициды 2,4-д предназначены для уничтожения всех широколиственных растений. Американские официальные лица допускают, что при этом, возможно, будут уничтожены также бобовые, картофель, хлопок и другие культуры, выращиваемые племенами. В ответ на критику директор американского правительственного агентства по контролю за распространением наркотиков К. Тернер охарактеризовал бирманскую кампанию как «одну из наиболее успешных когда-либо предпринимавшихся акций по контролю за наркотиками». «Наш опыт показывает, что уничтожение наркотиков в местах их произрастания дает самые быстрые результаты», — указывал Тернер в письме Миранте.

Бирманское правительство, которое решает серьезную внутреннюю проблему потребления наркотиков, объявило, что в прошлом году на площади 9720 гектаров были уничтожены посевы мака распылением химикалиев с воздуха и еще на 3645 гектарах — более трудным и мед-

ленным способом вырубки плантаций опиумного мака. Ни американские официальные представители, ни независимые наблюдатели не могут наблюдать за процессом распыления или воздействием гербицидов на земле.

Правительство США утверждает, что гербициды безопасны, если их использовать должным образом. Однако в сентябре прошлого года фермерская служба в штате Канзас сообщила, что у тех, кто, по крайней мере, 20 дней в году имел дело с химикатами, в 6 раз чаще, чем у других фермеров, развивались опухоли в лимфатической системе. Фермеры, самолично смешивавшие химикаты, заболевали в 8 раз чаще.

Западные дипломаты в Бангкоке в целом скептически относятся к историям о том, что после распыления гербицидов на земле остаются трупы людей и животных. Они считают, что такие сведения распространяются повстанцами, стремящимися заручиться международной поддержкой.

Официальные лица в США обеспокоены связью между борьбой с наркотиками и операциями против повстанцев. На частном уровне они полагают, что в некоторых случаях американская помощь в борьбе с наркотиками — например, вертолеты, поставленные в середине 70-х годов, — могла быть использована в военных операциях».

— Мировая общественность, — сказал Бо Ну, когда сын закончил чтение, — осуждает Пол Пота за проводимый им геноцид в отношении кхмеров. А кто осудит наших сепаратистов за геноцид по отношению к собственным народам? Гербициды и дефолианты рано или поздно сделают бесплодными наши поля, а тогда...

Бо Ну нервно закурил.

— Впрочем, сепаратисты выгодны кое-кому наверху в нашем правительстве, — произнес он, понизив голос. — Я располагаю... — И тут же осекся. — Май, сыночек, а почему мы сегодня без ужина? — Бо Май понял, что отец не до конца открыл ему свое сердце. Но неволить его не стал. Очевидно, Бо Ну пока не готов рассказать ему о

своем очередном замысле. Ну что же, подождем... Теперь, сидя у приятеля, оглушенный и подавленный горем, Бо Май понимал — продолжения уже не последует. Отец смог узреть подводную часть айсберга, именуемого мафией. Тех, кто из Рангуна координирует и направляет наркобизнес сепаратистов. Юноша понял, что следующим на очереди в некролог о «таинственном» убийстве стоит он, Бо Май.

Решение родилось неожиданно и моментально.

— Срочно купи мне билет на ближайший самолет до Мандалая на свое имя, — попросил он своего радикально настроенного приятеля. — И ради всех святых ни о чем меня не спрашивай! Ни для кого меня больше не существует.

Бо Май знал, что его будут искать, но и он будет искать тоже. Поскольку к убийству отца была причастна армия, в армию он и отправился. С помощью знакомых ему удалось в Мандалае попасть в одну из легких пехотных дивизий, в подразделение специального назначения по борьбе с контрабандой наркотиков. Смышленый и физически крепкий юноша быстро делал успехи в нелегкой ратной службе, и присвоение ему капральского звания было встречено солдатами с пониманием, а сержантом Ми Соном с радостью.

Капрал Со Маун

— Арестовать негодяя! — отдал приказ лейтенант.

Маун схватился было за карабин, но трое солдат быстренько сбили его с ног, а от сильного удара ботинком по ребрам у парня зашлось дыхание. Он не помнил, как его тащили с рынка, как бросили в армейский «джип»... Маун очнулся от звука выстрелов. Приподняв окровавленную голову, разбитую о жесткое металлическое покрытие кузова, он увидел, что весь с ног до головы залит кровью. Три солдата, лейтенант и водитель были расстреляны в упор сидевшим рядом с водителем пожилым сержантом,

который со спокойным видом собирал с пола отстрелянные гильзы. «Джип» стоял на самом краю дамбы, и по обе стороны в рисовых чеках не было ни души. Разрезав стягивавшие руки и ноги Мауна веревки, сержант помог парню выбраться из машины, затем вытащил несколько гранат из подсумков солдат и соорудил приличный фугас.

Мощный взрыв прогремел в тот момент, когда сержант и Маун погрузились с головой в жидкую грязь рисовой делянки по ту сторону дамбы. Через пару минут они вылезли на дорогу, оглушенные и грязные, отплевываясь от набившейся в рот нечисти. Еще не совсем пришедший в себя после пережитого молодой солдат, разинув рот, смотрел на сержанта, которого никогда до этого не видел.

Сержант выдержал его недоуменный взгляд с насмешливой улыбкой, точно разыгравшиеся буквально на глазах Мауна события были невинной солдатской шуткой.

— А ты бы придумал что-нибудь поумнее?

Это были первые слова, которые сержант сказал совершенно незнакомому человеку.

— Теперь слушай меня внимательно. Мы налетели на засаду. Тебя и меня выбросило из машины взрывной волной. Когда пришли в сознание, увидели вот это...

Маун оглянулся в сторону развороченного взрывом «джипа» и вздрогнул от внезапно ожегшей правое ухо боли. Сержант острым, как лезвие, ножом отсек ему мочку. При этом на лице сержанта появилась блуждающая улыбка садиста.

— Ты не горячись, паренек, до свадьбы заживет. Опять же, скажем — отсекло осколком гранаты, а это... — сержант разжал ладонь, в которой была зажата окровавленная мочка, — будет твоей кровавой клятвой, что в нужный час ты поможешь старику Суану.

И тут же сержант умело и бережно принялся бинтовать парню окровавленную голову...

Через пару месяцев в одной из харчевен Мандалая, куда Маун зашел поесть рисовой лапши, к нему подсел

бедно одетый крестьянин. Развернув вытащенную из кармана штанов тряпицу, селянин словно невзначай наступил на ногу солдата, и Маун, оторвавшись от лапши, с ужасом увидел перед собой то, что когда-то было частью его уха. Тряпица тут же исчезла со стола.

— Суан передает тебе свои лучшие пожелания, — подобострастно улыбаясь, проговорил крестьянин. — Очень он полюбил вас, дорогой племянник, и шлет небольшой подарок. — Старик положил перед солдатом небольшой сверток, завернутый в лопуховый лист. — Ты не гнушайся дядюшкиными подарками, потому что он у нас хотя и добряк, но очень не любит ослушников. А потом, ведь вы еще не выполнили завещания покойного Бо Сенга и не отыскали его дочурку. Но дядюшка говорил, что и это не беда. Для такого славного парня невозможного нет, а потому, если вы будете чтить старших, вам помогут. Так что будь умницей, служивый.

Завершив этот престранный монолог, оборванец исчез, словно его и не было. А растерянный и подавленный навалившимися на него воспоминаниями Маун очнулся лишь тогда, когда его окликнули новые друзья по взводу, в который он попросил перевести его после той страшной истории с «джипом». Нужно отметить, что инцидент с расстрелянным патрулем не получил должного такому серьезному происшествию расследования, и это было странным. Однако пережитое накануне было еще более кошмарным наваждением. Маун, выйдя из лазарета, запросился в спецподразделение по борьбе с наркобизнесом. Там смерть сталкивалась с солдатами так часто, что встречи с ней искать не приходилось, а Мауну после случившегося хотелось умереть.

Сержант Ми Сон

Порою ему казалось, что всю свою жизнь он только и провел, что в бесконечных поисках врага и ожесточенных стычках с контрабандистами. Он не помнил своего дет-

ства, а может быть, просто постарался вычеркнуть его из памяти, потому что ничего другого, кроме неизбывного чувства голода, он из того времени не запомнил. Крошечный клочок земли, принадлежащий его семье, с трудом мог прокормить лишь половину его многочисленных братьев и сестер. По мере взросления они уходили в город, потому что в деревне места для них не было. Да и в городе жилось не сладко, хотя, казалось, возможности там есть.

Азиатский город, как метко заметил один европейский журналист, — это значит: сидеть на корточках, болтать с земляками, курить окурки, принести-подать, поклянчить, подивиться, спрятать в рукав. Чем крупнее город, тем больше этого ничегонеделания, тем легче нырнуть в темень узких улочек, в сладостный запах растительного масла, сточных канав, кухонных дворов.

Азиатский город — это господа чиновники в белых рубашках, ужасно важные полицейские, беспрерывное движение, шум, тысяча чудес для обозрения, миллион обещаний на каждом углу, вечная надежда, что что-то случится, что-то изменится. Можно жить, пока злые ветры не изогнут дугой спину, можно молодые свои годы проболтать, просидеть на корточках, пробродяжничать...

Но азиатский город был суров и неприветлив к неграмотным крестьянским подросткам, подрабатывавшим кто чем мог. Домочадцы завидовали Ми Сону, особенно после того, как он стал профессиональным военным. Они не думали о том, что в любой момент случайная или неслучайная пуля может оборвать жизнь их сына и брата, поскольку жизнь человека в Азии стоит очень недорого. Куда большую цену здесь имеет золото, которое многие предпочитают колеблющейся местной валюте, имеющей лишь одну устойчивую тенденцию — дешеветь.

В большом почете здесь и драгоценные камни, среди которых особо ценится одна из драгоценных разновидностей нефрита — жадеит.

Когда-то китайцы считали жадеит одним из символов лучших человеческих качеств. Но сейчас на путях, по которым жадеит доставляют из джунглей Бирмы на рынки Гонконга, из-за этого драгоценного камня разыгрываются настоящие бои, люди идут на контрабанду, заключают сделки, а иногда совершают самоубийства. Добываемый в самом центре «золотого треугольника», этот драгоценный камень, прежде чем попасть в руки гранильщиков и ювелиров, проходит через руки солдат множества частных армий, повстанческих сепаратистских группировок и китайцев из остатков гоминьдановских войск.

Лучшие жадеиты в мире добывают на приисках в Качинской национальной области. Об этом китайцы узнали около четырех тысяч лет назад и наладили непрерывную поставку этих камней ко двору императора, где из них создавали изысканнейшие произведения искусства.

Сегодня жадеит из Северной Бирмы уходит в трех направлениях, а основная его доля контрабандным путем перевозится в Таиланд.

Правительство Бирмы, которому крайне необходима иностранная валюта, попыталось после национализации горнодобывающей промышленности получить как можно больше добываемого в стране жадеита. Камни продаются с молотка европейским, американским и азиатским предпринимателям на ежегодном государственном аукционе в Рангуне.

С того момента, как в 1964 году начались аукционы, Бирма заработала на этом 75 с половиной миллионов американских долларов.

Те, кто занимается торговлей драгоценными камнями в Рангуне, подсчитали, что за границу нелегально вывозят в 10—20 раз больше драгоценных камней, чем продается на государственном аукционе.

Районы, где находятся прииски драгоценных камней, расположены в глубине джунглей, и здесь нашли себе

пристанище повстанцы из «Качинской армии независимости», одной из десяти группировок национальных меньшинств, борющихся за отделение.

До сих пор самое большое количество незаконно вывозимого жадеита попадает в Таиланд самыми различными путями: на лодках, караванами на мулах, на автомобилях и на носильщиках.

Другие повстанческие группировки взимают своего рода таксу за то, что контрабандный жадеит переправляют через контролируемую ими территорию, а затем используют эти деньги для финансирования небольших «освободительных армий».

Кхун Са, один из крупнейших контрабандистов, торгующих опиумом, является в то же время и одним из основных торговцев жадеитами, и периодически возникающие «опиумные войны» между группировками, враждующими из-за огромных барышей урожая опиума, можно считать и «жадеитовыми войнами».

Власти Таиланда утверждают, что торговлей жадеитом занимается один из родственников Кхун Са в городе Чиангмае.

Покупка жадеита может стать весьма рискованным процессом как в Рангуне, так и в других местах, таких, как Чиангмай, основной перевалочный пункт на пути в Гонконг, крупнейший в мире центр по торговле жадеитом. Его продают в необработанном виде, откалывая только небольшой кусок верхнего слоя, чтобы был виден цвет камня, обычно зеленый или беловатый. Один из старых торговцев в гранильной мастерской Чиангмая говорит, что при покупке практически невозможно определить качество камня.

Жадеиты лучшего качества могут стоить на рынке в Чиангмае, куда они, впрочем, редко попадают, до полумиллиона американских долларов за 500 граммов. Можно только представить, сколь высоки ставки в этой опасной торговле драгоценными камнями, путь которых с копей

до лавки ювелира зачастую очерчен кровью. По данным гонконгского еженедельника «Эйшауик», агенты Кхун Са ежегодно реализуют на рынке Гонконга только жадеитов на 20 миллионов долларов.

...Самой глубокой тайной в армии всегда бывает окружено имя осведомителя. Пока существует на земле армия, всегда будет существовать приданный ей институт шпионов, поскольку наука эта тонкая и древняя. Как отмечал китайский стратег Сунь-цзы, живший в конце VI века до нашей эры, «знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем умозаключений по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей. Поэтому пользование шпионами бывает пяти видов: бывают шпионы местные, бывают шпионы внутренние, бывают шпионы обратные, бывают шпионы смерти, бывают шпионы жизни.

Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной. Они — сокровище для государя».

Осведомители — глаза и уши противоборствующих сил в этой жестокой и беспощадной войне, уже десятки лет продолжающейся в бирманских джунглях. Они обычно умирают самой страшной смертью, какую не смог бы придумать и Создатель в минуту Страшного суда. Но неведомая сила все же толкает их на этот тернистый путь, где заработанное столь опасным ремеслом золото расплавленной струей вольется рано или поздно в горло выдавшего чужую тайну.

Ми Сон за двадцать долгих лет службы знал, что такое чужие тайны, и всегда старался держаться от них на почтительном расстоянии. Ему отдавали приказ, он его выполнял. Сержант знал то, что ему было положено знать, и не хотел знать того, что находилось за чертой положенного. Те, кто знал слишком много, нехорошо заканчивали свой жизненный путь, может быть страдая еще более в своем последующем перерождении, а Ми Сон,

следуя заветам Будды, стремился прервать в себе цепочку перерождений и достигнуть великой нирваны *.

Накануне он получил приказ подобрать специально подготовленную группу для захвата каравана, в котором возможны особо ценные грузы. То, что старшим этой группы должен был отправиться майор из дивизионной разведки, свидетельствовало о чрезвычайной важности предстоящей операции.

Капрал Со Маун

Суан напоминал о себе еще несколько раз, передавая с посланцами несколько сотен кьят ** и пожелания быть послушным «племянником». Со Маун понимал, что влип в нехорошую историю, однако ничего вразумительного в голову капрала не приходило. Да и мысли его были заняты другим. Все свободное от службы время он тратил на поиски дочери погибшего сержанта. Начал он с расследования причин гибели своего первого военного наставника, поскольку в версию самоубийства сержанта от отчаяния не верил. Бо Сенг был не из тех людей, что становились на колени под ударами судьбы. Что-то совершенно неумолимое толкнуло его на этот неожиданный шаг, но вот что? Капрал решил начать с выяснения личности китайца. Расспросы соседей ювелира на рынке результатов не принесли. Чжан Хао, так звали разорванного гранатой торговца, был, судя по всему, темной личностью, связанной с дельцами подпольного мира. Люди, которых капрал начинал расспрашивать о китайце, или испуганно уходили от ответов, или начинали проявлять резкую враждебность к капралу.

Со Маун решил зайти с другой стороны.

Вдали от сияющих позолотой и глазурью пагод Мандалая, там, где, собственно, кончается этот удивительно эк-

---

* Нирвана — по буддийскому учению состояние, когда уже невозможны дальнейшие перерождения души.

** Кьят — денежная единица Бирмы.

зотический даже в Восточной Азии город, там, где никогда не ступала нога редкого по нынешним временам иностранного туриста, вдоль берегов полноводной Иравади на несколько километров растянулись кварталы бедноты, бывших крестьян, согнанных со своих родных мест нуждой, войной и страхом, которые вот уже много лет поселились в этой измученной межнациональной рознью стране.

В этих кварталах городского дна Со Маун стал разыскивать жилище сержанта. Несколько месяцев подряд он обходил скопище лачуг, где его тут же окружали со всех сторон нищие старухи, увечные инвалиды и всегда голодные, со вздувшимися животами, рыжеволосые от нехватки белка, напоминающие притихших мышат ребятишки, которым капрал начинал раздавать полученные от Суана деньги. Он часами просиживал в убогих харчевнях, пытаясь хоть что-нибудь узнать о сержанте и его семье, но имя Бо Сенга было окружено завесой молчания. После того, как был получен приказ о передислокации их легкой пехотной дивизии в Восточный район, и до отправки частей в Тaунджи оставался один день, капрал решил в последний раз навестить задворки Мандалая. Следы Бо Сенга должны были, по рассказам немногих бывших сослуживцев сержанта, находиться именно в этих трущобах отчаяния.

Он сидел за низеньким столиком в очередной захудалой супной, где вместе с традиционным «шинуазом» вам могут приготовить рыбу, блюдо из креветок, сильно перченное свиное мясо с побегами молодого бамбука, которое сбегают и купят в лавке неподалеку, там же раздобудут рыбу и креветки, но только после того, как вы сделаете заказ. Капралу принесли китайского пива со льдом. Хозяин супной протер тряпицей колченогий столик, поставил на него высокий стакан из толстого кустарной выработки стекла, бросил в него несколько кусочков колотого льда и с величайшим наслаждением, точно самому себе, плеснул туда пенистого пива.

Маун пытался было заговорить с худым ресторатором, как неожиданно перед столиком возник монах с чашей для подаяния. Капрал вытащил из кармана несколько кьят и положил их в чашу. Монах поблагодарил его кивком головы и совершенно неожиданно сел на скамеечку напротив военного. Хозяин супной бесшумно отошел в свой угол. Капрал прихлебнул пива и посмотрел в сторону реки, лениво катившей мутные красноватые воды. Потом перевел взгляд на монаха. Что-то знакомое показалось ему в этом аскетическом лице последователя Будды. Маун почувствовал неясное беспокойство. Он молча продолжал пить пиво, в то время как монах пристально смотрел на молодого человека. Неожиданно бигкху * заговорил:

— Тебя снедают заботы, солдат. Но мне кажется, ты очень суетишься. Знаешь ли ты, что суета — один из грехов, осуждаемых нашим вероучением. Люди много суетятся, пожираемые изнутри своими желаниями, словно ненасытными крокодилами. Вот сейчас ты взглянул на реку, что несуетно несет свои воды, так же как тысячи лет назад. И воды эти никогда не потекут вспять, потому что все предопределено в этом мире. Скажи мне, брат мой, много ли добра принесла эта мирская суета тебе или твоему наставнику? Зачем ему понадобилось стрелять в большую механическую птицу в тот злополучный день, который стал впоследствии источником всех его несчастий?

Капрал с изумлением смотрел на монаха. Он слышал разговоры о ясновидящих, но не мог представить, что встретит однажды одного из таких людей, да еще в таком месте. Между тем монах продолжал:

— Сердце твое исполнено тоски, поскольку ты горд и не хочешь полагаться на великое провидение, которое однажды уже спасло твою священную жизнь. Но прови-

* Бигкху — монашеский сан, достигаемый через пять лет после пребывания в монастыре.

дение не оставит тебя. Подобно славному змею Наге *, укрывшему Просветленного ** от потоков воды с небес, оно избавит тебя от множества бед, хотя тебе и предстоит пройти через суровые испытания. Сейчас ты пытаешься сделать доброе дело, но сначала ищешь истоки зла. Только ответь мне: чего ты желаешь больше? Отыскать зло или совершить добро? А может быть, ты хочешь того и другого одновременно? Чжан Хоа уже, вероятно, стал крысой, а твой наставник... — монах на мгновение задумался, — у него было замечательное сердце, но его погубили желания. Вздумал отличиться. Но охотник подстрелил не ту дичь, и небо покарало его. За грехи родителей платят иногда их дети.

— Где она? — вырвалось у капрала.

— Вот еще раз ты показал, сколь суетны твои действия. Разве можно прерывать разговор служителя Будды? Ты должен научиться подавлять в себе желания, Маун. — Монах сделал паузу, а капралу вновь померещилось что-то до боли знакомое в его лице. На мгновение он вновь пережил тот кошмар, когда пришел в себя после выстрелов в «джипе». Он почувствовал себя букашкой, которой начали забавляться неведомые, но всемогущие силы.

Капрал Бо Май

Сделав последнюю затяжку, он отшвырнул окурок в сторону, и в это время на землю упали первые тяжелые капли тропического дождя. В одно мгновение начавшая было рассеиваться темнота сделалась еще гуще, обезьяньи крики перешли в сплошной всхлип, вслед за чем все звуки заглушил тяжелый, словно камнепад, шум ливня.

---

* Наги — в буддийской мифологии змееподобные полубожества. В одном из мифов Наге принадлежит заслуга спасения Будды во время потопа.

** Просветленный — одно из имен Будды. На санскрите Buddha означает «просветленный высшим знанием».

На пороге казармы он столкнулся лицом к лицу с Мауном, и если до этого капралы старались избегать встреч, разойтись сейчас было невозможно. Несколько секунд они стояли потупившись друг против друга. Первым молчание нарушил Маун.

— Май, — сказал он, — я вижу, что меж нами пробежала кошка, но ты ничего ведь не знаешь. Ты никогда не рассказывал о себе, хотя я давно заметил, что на душе у тебя лежит тяжелый камень. Парень ты честный, и если не можешь больше оставаться моим другом, то постарайся хотя бы объяснить, почему после Таунджи ты так возненавидел меня.

— Сегодня — операция, Маун. А разговор у нас будет, если он будет... — Май сделал многозначительную паузу, — разговор будет долгий. Возможно, я открою тебе свое сердце, если ты скажешь мне, с каких это пор ты стал водить дружбу с тем странным сержантом, которого я встретил на рынке в «чайнатауне» Таунджи?

Маун побледнел. Однако не отвел глаз, в которые пристально вглядывался его друг.

— Хорошо, Май. Но сначала ты должен будешь дать клятву, что никому не откроешь моей тайны. Сейчас всего не скажешь. Пора готовить ребят к операции. Если мы возьмем караван с жадеитом и после этого останемся живы...

— Маун, — прошептал капрал третьего отделения, — откуда ты знаешь, с чем идет караван? Уж не тот ли сержант тебе об этом поведал? Запомни, если ты продался, первым я убью тебя, а потом постараюсь добраться и до твоего приятеля-сержанта. Дорого бы я заплатил за кое-какие его признания.

Капрал Со Маун грустно взглянул на друга. Коснувшись рукой своего изувеченного правого уха, он сказал: «Ах вот ты о чем» — и нырнул в дождь.

...Накануне их переброски в Чёнгтун Бо Май с несколькими бойцами своего отделения решил сделать необходимые припасы мыла, зубной пасты, лезвий и других

нехитрых солдатских туалетных принадлежностей. В городских лавчонках с этим товаром было туго, пришлось отправляться с «чайнатаун», где купить можно было все при наличии денег.

Быстренько истратив свои малочисленные кьяты, солдаты, скинувшись, решили на последнюю мелочь выпить пива в находившейся тут же на рынке скромной по сравнению с изобилием контрабанды на прилавках харчевне.

Хозяин, пожилой китаец, недоверчиво поглядел на военных, но, ничем не выказав своего неудовольствия, быстренько принес им пива со льдом и тарелку жаренного в масле арахиса. После чего он как-то суетливо нырнул за ширму, огораживающую один из углов его фанерного заведения. Доносившиеся оттуда голоса притихли, впрочем, никто на это не обратил внимания. Капралу, выросшему в столице, где он часто сталкивался с китайцами, поведение хозяина тоже не показалось странным, поскольку у людей этой национальности, разбросанных по всему миру, всегда полно каких-то своих секретов, связанных с той общиной, которая проживает в данном городе или поселке.

Бо Май едва не поперхнулся пивом лишь в тот момент, когда из-за ширмы выскользнул человек, в котором он мгновенно узнал одного из полицейских, обыскивавших их квартиру в Рангуне. Он тут же уткнул лицо в стакан с пивом и наклонился к одному из солдат, чтобы человек из-за ширмы не смог его опознать. Впрочем, тот лишь мельком посмотрел в сторону военных, и, выйдя из харчевни, быстро растворился в базарной толчее. Допив пиво, капрал и его ребята тоже покинули заведение неулыбчивого китайца. Прямо напротив харчевни расположилась торговка различной мелочной галантереей, и Бо Май замешкался возле ее прилавка, сказав своим подопечным, чтобы подождали его возле выхода с рынка. Взяв в руки изящное японское зеркальце, капрал сделал вид, что подбирает подарок для своей девушки, на деле же в зеркальце отражалась харчевня, вернее, тот ее угол, где

была ширма. Через несколько минут, в течение которых торговка начала было проявлять признаки беспокойства по поводу бесцеремонного поведения военного, из-за ширмы вышел немолодой, но весьма бравый человек в военной форме с лейтенантскими знаками отличия. Бо Май быстренько закрыл зеркальце, сунул торговке оставшиеся кьяты и поспешил отойти в сторону. Всего в нескольких шагах от него стоял тот самый сержант, который столь таинственно исчез возле полицейского отделения. Только теперь он был лейтенантом. Следом за ним из-за ширмы появился капрал Со Маун.

Сержант Ми Сон

...Через пару часов дождь закончился так же внезапно, как и начался. В природе были разлиты тишина и безмятежность, и не верилось, что в самое ближайшее время где-то прогремят выстрелы и взрывы и наступившее утро может оказаться для кого-то последним. Сержант Ми Сон выстроил на плацу группу, которой предстояло принять участие в операции. Капралы еще раз придирчиво проверили снаряжение солдат. В подобных делах большое значение может иметь любая мелочь, которой в мирной обстановке можно было бы не придавать особого внимания. Но при захватах караванов все решают ловкость, бесшумность и внезапность. Сержант еще раз осмотрел малочисленную шеренгу ладных рейнджеров в пятнистых комбинезонах, бросил украдкой взор на двух капралов, но ничего особенного в лицах парней не заметил.

Через несколько минут группа захвата погрузилась в два армейских «джипа» и направилась в сторону вертолетной площадки. Боевая машина была наготове, ветер от вращающихся винтов приминал траву вокруг. Незнакомый майор из дивизионной разведки пожал сержанту руку, взглянул на рейнджеров, буквально на секунду

задержав взгляд на Бо Мае, и приказал занимать места в вертолете.

Взмыв в воздух, стальная стрекоза некоторое время скользила вдоль шоссе, затем, резко забрав в сторону, продолжила свой полет над горными отрогами хребта Пемёнг, в направлении стыка границ с Лаосом и Таиландом.

Второй пилот и майор колдовали над картой и время от времени что-то кричали на ухо первому пилоту. Бортовая связь была отключена, поскольку опасались перехвата переговоров. Контрабандисты уже давно взяли на вооружение мощные радиоустройства и широко использовали радиоперехват. Бортстрелок внимательно осматривал проплывающую внизу местность. Рейнджеры расслабленно сидели на жесткой скамье, готовые в любую минуту превратиться в сжатую пружину. Вертолет резко клюнул вниз и возник над узким горным ущельем совершенно неожиданно для восьмерых путешественников и четырех мулов. Люди моментально бросились на землю, а животные, напуганные шумом вращающихся винтов, разбежались в разные стороны. Вертолет завис в воздухе, и в дело вступил бортстрелок. Спаренные пулеметы начали поливать тропу свинцовым дождем, заглушая ржание мулов и крики людей. Через несколько минут все было кончено. Майор, внимательно оглядев представшую внизу картину бойни, приказал Ми Сону подготовить солдат к десантированию.

— Только поживее, — попросил пилот изготовившихся к спуску на караванную тропу рейнджеров. — Здесь сильный ветер, и мне трудно удерживать машину на месте.

Бортстрелок взглянул в сторону ладных пареньков в пятнистой форме и сверкнул белозубой улыбкой.

— Я чисто скосил сорняки, сержант, так что пусть твои парни побыстрее соберут урожай, — сказал он.

Майор недовольно поморщился. Он неодобрительно

посмотрел на бортстрелка, так что тот обиженно отвернулся, и сказал:

— Сержант, вниз спускаются четыре человека. Двое занимают позиции метрах в десяти впереди, двое метрах в двадцати позади. Я не исключаю, что где-то рядом, возможно, шла охрана. После этого спускается вторая четверка. В первую очередь она развьючивает мулов. Затем обыскивает убитых, собирает все, что у них было с собой. Погрузка в вертолет в обратном порядке.

— Вперед! — закричал сержант.

С кошачьей ловкостью четверка рейнджеров во главе с капралом Со Мауном заскользила по лесенке вниз. Двое солдат, пробежав десять метров вперед, заняли позицию в голове расстрелянного каравана. Капрал с третьим солдатом направились на арьергардную позицию, и в это время прогремел выстрел. Со Маун покачнулся и упал на землю. Его товарищ принялся решетить валявшиеся на земле тела. Вторая четверка, поспешившая вниз во главе с Бо Маем, бросилась к лежавшему, уткнувшись в землю, лицом, Со Мауну. Пуля попала ему в живот, и капрал стиснул зубы от боли.

Подняв в вертолет раненого, рейнджеры быстренько развьючили мертвых мулов, отправили мешки наверх и принялись обыскивать расстрелянных контрабандистов. Возле одного Бо Май слегка замешкался, что не ускользнуло от внимания наблюдавшего сверху за картиной обыска майора. Сержант Ми Сон в это время склонился над Со Мауном, пытаясь оказать ему первую помощь. Со Маун находился в беспамятстве и громко стонал, несмотря на сделанный противошоковый укол. Через несколько минут семь рейнджеров уже находились на борту вертолета. Взглянув на друга, Бо Май с укором бросил в сторону бортстрелка:

— Один сорняк ты все же не срезал.

— Кончайте болтать, — жестко сказал майор. Он взял у пилота радиопереговорное устройство и, настроившись на нужную волну, сообщил: — Операция по сбору ягод

прошла успешно. Правда, одного сборщика укусила змея, и, боюсь, смертельно. Возможно, это моя неосторожность, но парень, мне думается, действовал опрометчиво, не глядел себе под ноги. Возвращаемся домой. На всякий случай приготовьте врача.

Пилот вел машину мастерски, стараясь не болтать ее в воздухе, чтобы не причинить лишнюю боль раненому.

— Отсняли всех убитых? — спросил майор Бо Мая.

Тот утвердительно кивнул головой.

— А почему вы на минуту задержались возле третьего трупа?

— Да что-то пленку в фотоаппарате заело, — ответил Бо Май и вернул майору камеру.

Капрал Со Маун

Боль раздирала внутренности и грызла, словно десятки взбесившихся крыс. В те короткие минуты, когда разум возвращался к нему, Со Маун вспоминал ясновидца, с которым встретился в трущобах Мандалая. Монах знал слишком много для ясновидца, во всяком случае, он располагал такой информацией, какую мог знать только человек, состоящий на службе у Суана.

Маун застонал, но не от боли, а от того, что судьба сделала его игрушкой в руках людей, с которыми вел беспощадную борьбу его военный наставник Бо Сенг и он сам. Во время последней встречи в Таунджи Суан сказал ему, что дочь Бо Сенга У Ни находится в таиландском городе Чиангмае. «Хочешь помочь ей, — говорил Суан, — отправишься в Чиангмай. Там будет проходить важная встреча, и нам нужен человек для связи. Такой человек, которого нельзя купить за деньги. К сожалению, мой мальчик, — продолжал Суан, — все в этом бренном мире покупается и продается. У нас есть много людей, готовых по первому зову пойти на смерть, а у Кхун Са есть слишком много денег, которые приносят смерть. Люди Кхун Са расправились с твоим сержантом, отомстили за

уничтоженные тайники и сбитый вертолет. Они умеют мстить. Чжан Хоа, соблазнивший девчонку, а затем продавший ее в таиландский бордель, получил прямое указание от людей Кхун Са. Кстати, мой мальчик, тебе должно быть известно, что Кхун Са наполовину китаец и у него есть китайское имя Чан Шифу. А тот лейтенант в патруле, он тоже был наполовину китаец и поддерживал тесные связи с людьми Кхун Са. Когда тебя арестовали, я сразу решил, что нам послало тебя провидение, потому что ты умеешь хранить верность друзьям, а мы ведь друзья, не правда ли? Ты не сердись на старика Суана за грубое обращение, — и он прикоснулся к изуродованному уху капрала. — Зажило ведь быстро, я же говорил, еще до свадьбы. По этой особой примете теперь тебя будут находить наши люди...»

Крысы вновь начали рвать его внутренности, и Со Маун провалился в небытие. Когда он очнулся, возле топчана, покрытого соломенной циновкой — в солдатских лазаретах царит нищета, — сидел капрал Бо Май. Он с нежностью взял холодную и безжизненную руку своего раненого друга и не выпускал ее из своей теплой ладони, точно пытался перелить хоть немного своей жизни в умирающее тело Мауна.

— Нагнись ко мне, — прошептал раненый. — Поклянись, что выполнишь мою просьбу...

Бо Май согласно кивнул головой.

— Ты должен... — Мауну было больно говорить, хотя он и так только раскрывал губы. — ...должен стать мною. Это не бред. Ты станешь мною и отправишься в Чиангмай. Найдешь там У Ни. Китаец Фао Мин... Лавочка... Они знают ухо... Суан, сержант... лейтенант в Таунджи за ширмой. Это человек Бо Мья. Бо Мья ненавидит Кхун Са. Он знает, как...

Маун закрыл глаза. Губы еще шевелились, но слов уже не было. Возможно, он все еще продолжал разговор с другом, но душа его вступила на тернистый путь превращения в душу родившегося в эту минуту в джунглях

тигренка, который станет потом могучим и бесстрашным зверем, и им никто и никогда не сможет помыкать.

На глазах Бо Мая были слезы.

Сержант Ми Сон

В полдень позвонили из штаба дивизии. Командир роты, ошалелый от столь высокого чиновного звонка, с удивлением рассматривал сержанта, точно видел его не все долгие пятнадцать лет совместной службы, а в первый день.

— Худые дела, сержант, — выдавил он наконец. — В твоем взводе завелась коммунистическая зараза. Я всегда знал, что добра от студентов не жди, все они пропитаны пропагандой, но каким образом им удалось внедрить в ряды рейнджеров своего агента, просто ума не приложу. Через час поступит шифровка с приметами агента, которого необходимо будет арестовать. Так что объяви личному составу полную боеготовность, чтобы все были у тебя перед глазами. Дай им час на сборы к предстоящей секретной операции. Твои парни отлично поработали с жадеитовым караваном, и я думаю, что сейчас они снова рвутся в бой, кроме бедняги Со Мауна...

Лейтенант вздохнул. На простодушном лице бравого вояки читалось явное огорчение. «Теперь замучают письменными объяснениями, — думал он, — а то, гляди, и похуже. Могут и погнать из армии за утерю бдительности». От визита представителей политической разведки ничего хорошего он не ждал. Еще раз вздохнув, лейтенант посмотрел на растерянного служаку-сержанта.

— Ступай, Ми Сон. И смотри у меня, чтобы ни одна живая душа... Шкуру спущу, — добавил он вслед уходящему сержанту, вложив в эти слова всю имевшуюся в его добродушном характере свирепость.

Ми Сон, подавленный сообщенным, медленно побрел в казарму. Под единственным на территории лагеря могучим деревом сидел на корточках, отрешенно уставившись

в одну точку, его любимец Бо Май. После смерти Со Мауна капрал третьего отделения явно был не в себе. И тут, чтобы как-то расшевелить парня, Ми Сон впервые в жизни изменил своему принципу не раскрывать чужих тайн.

Он остановился у погруженного в свои печальные мысли капрала и, нагнувшись, потрепал его за плечо.

— Худые дела в нашем взводе, Май, — сказал он, механически копируя слова лейтенанта. — Среди нас есть агент КПБ. Нужно собрать людей, чтобы все были на виду. Через час прибудут представители политической разведки.

Капрал неожиданно горько рассмеялся, отчего Ми Сон уже твердо уверовал, что парень свихнулся от горя.

— Не спешите собирать людей, сержант. Приедут брать меня, хотя я не имею никакого отношения к компартии, давно погрязшей в наркобизнесе.

Сержант нахмурился.

— Ты очень скверно шутишь, капрал.

— Мне не до шуток, сержант, — сказал Бо Май, — но, если вы сможете меня выслушать, у нас еще в запасе есть немного времени.

И он рассказал Ми Сону свою горестную эпопею.

— Скверная история, сынок. — Сержант потер пальцами веки глаз. — Но почему ты уверен, что арестуют тебя?

— Уж очень пристально меня разглядывал дивизионный майор. И потом, этот караван... Я не уверен в том, что это были люди Кхун Са. Со Мауна подстрелили вместо меня.

Ми Сон опять посмотрел на парня с огромным недоверием. «Нет, он действительно сошел с ума», — подумал сержант.

Бо Май словно прочитал его мысли. Вытащив из кармана носовой платок, он развернул его и показал сержанту маленький пластиковый пакет, в котором лежала ссохшаяся и сморщенная мочка уха.

Теперь Ми Сон подумал, что сам сходит с ума, настолько неправдоподобно все это выглядело.

— Я нашел эту штуковину у одного из охранников каравана. А предназначалась она для одного китайца из Чиангмая. Его зовут Фао Мин. Мочка — пароль для Со Мауна.

— Что же нам делать, сынок? — спросил Ми Сон.

— А уж это решать вам, сержант, — сказал капрал и отвернулся в сторону.

...Через час взвод был построен на плацу в состоянии готовности номер один, при полной боевой выкладке. Когда из «джипа» выскочили три офицера, сержант сразу же узнал в одном из них знакомого майора. Тот моментально окинул взором взвод и, впившись глазами в сержанта, спросил, где находится в настоящий момент капрал Бо Май.

— Капрал Бо Май отсутствует по причине выполнения боевого задания, — отчеканил сержант Ми Сон.

— Вы что, сержант... — прохрипел майор и, сорвавшись на крик, заорал солдатам из военной полиции: — Арестовать предателя!

И тут произошло неожиданное: взвод рейнджеров вскинул на изготовку свои автоматические винтовки. У ротного отвисла челюсть. Прибывшие тоже были в явном замешательстве. Майор попробовал было скрыться за спины солдат военной полиции, но сержант схватил его за галстук, а рука у него была железная.

— Капрал Бо Май отправился на выполнение боевого задания, — повторил он громко, — но у его командира есть приказ расправиться с проклятым оборотнем. Я не знаю, как давно ты продался людям негодяя Бо Мья, но вас у него так много, что бороться с вами это все равно, что давить крыс в рисовом поле. И все равно давить крыс нужно. Много я вас передавил за двадцать лет, но ты будешь моей самой большой королевской крысой.

Выстрел из армейского револьвера разнес майору череп.

Забрызганный кровью и мозгами сержант выглядел ужасно. Даже его рейнджеры пришли в смятение. Сержант бросил оружие на землю и устало скомандовал:

— Отставить, сыночки. Я свое прожил честно, оставайтесь и вы такими.

Он побрел в сторону одного из «джипов». «Не зря тревога закралась в меня после того, как мы покинули Таунджи», — подумал Ми Сон, позволяя надеть на себя наручники.

ЧАСТЬ II

«ПОТЕРЯВ ЛИЦО, РАСТВОРИСЬ В ТОЛПЕ»

Уиллис Бэрд

Снова был тяжелый разговор со стариком, как непочтительно, совсем не в духе конфуцианских традиций величал своего родителя красивый, рослый метис. От своей матери-тайки он унаследовал разве что матовый оттенок кожи и иссиня-черные, слегка вьющиеся волосы, так резко контрастировавшие с глазами цвета морской волны и тяжелым подбородком англосакса.

Уиллис Бэрд вышел из офиса своего отца на Силом-роуд и неспешным шагом направился в сторону реки Чао Прая, где на авеню Ориенталь в «Восточном» отеле у него через час была назначена важная встреча. Настроение было скверное, и Уиллиса раздражало буквально все: серый смог, висящий над Бангкоком, уличная толчея, крикливая и подчас безвкусная реклама, дешевые размалеванные девчонки, мальчишки-разносчики, нагло пристающие к прохожим, а главное, липкая духота, от которой уже через несколько минут после того, как он покинул офис старика, рубашка начала липнуть к спине.

Бэрд-старший, давно обосновавшийся в «городе ангелов» *, был владельцем крупной инвестиционной компании, приносившей ему немалый доход. Он неодно-

---

* Одно из названий Бангкока — Крунгтеп — переводится с тайского языка как «город ангелов».

кратно делал попытки приобщить сына к своему бизнесу, но Уиллис к делам отца не проявлял ни малейшего интереса. Во времена индокитайской авантюры США он был офицером разведки в американской армии и несколько лет провел в Лаосе и Вьетнаме. Похоже, военные похождения впитались в его кровь, потому что и после окончания «грязной» войны, когда он расстался со службой в армии США, Бэрд-младший продолжал водить компанию с разного рода темными личностями, именовавшими себя «ветеранами». Эти американцы, пристрастившиеся в Азии к убийствам, экзотическим девчонкам и наркотикам, надолго осели в Таиланде, существуя неизвестно на какие средства. Многие из них нигде не работали, предпочитая большую часть времени проводить в курортном городке Патайя на морском побережье. Жили они воспоминаниями и грезили новыми походами за Меконг. Таиландская полиция, у которой своих дел хватало, старалась не замечать порою предосудительного поведения этих американских граждан и только после шумного скандала с экспедицией Гритца взяла некоторых из них под свое наблюдение.

Сорокатрехлетний Джеймс Боу Гритц, бывший подполковник американской армии из состава групп особого назначения, широко известных «зеленых беретов», при активном финансовом содействии одной из голливудских кинозвезд — актера Клинта Иствуда — стал организатором и главой секретной операции «Лейзарус». В конце 1982-го и в начале 1983 года Гритц предпринял несколько попыток проникнуть с территории Таиланда в соседний Лаос. Рейды коммандос во главе с бывшим подполковником для освобождения американских военнопленных, якобы томящихся в секретных лагерях-тюрьмах в Лаосе и Вьетнаме, встретили полное понимание со стороны некоторых американских спецслужб. Однако со стороны вооруженных сил суверенного Лаоса реакция была несколько обратной. После коротких, но ожесточенных столкновений с частями лаосской народной ар-

мии, часть коммандос едва унесла ноги на таиландский берег Меконга, другие так и остались в лаосской земле.

Правительство ЛНДР заявило решительный протест Таиланду, и таиландские власти, чтобы не обострять отношения с соседней страной, были вынуждены отдать приказ полиции об аресте любых граждан, которые попытаются проникнуть в Лаос для поиска «американских военнопленных».

Газета «Бангкок пост» писала в те дни, что в случае ареста Гритц будет обвинен в нелегальном проникновении в страну и в незаконном хранении оружия. Первое преступление карается тюремным заключением на срок от одного месяца до двух лет, за незаконное ношение и хранение оружия мера наказания куда более суровая — до 20 лет за решеткой. Однако после того, как полиция таиландского города Нанкхонпханома арестовала Гритца и нескольких его коммандос, Джимми устроил большой скандал, заявив, что его операции санкционированы правительством США. Американское посольство в Бангкоке постаралось приложить все усилия по освобождению бравого «зеленого берета» и его сподвижников из-под юрисдикции Таиланда и скорейшей их депортации из этой страны в США.

«Причастность американского правительства к миссии Гритца, — писала «Лос-Анджелес таймс», — стала предметом закрытых слушаний и официального расследования, назначенного сенатской комиссией по вопросам разведки. Согласно документам, представленным на рассмотрение комиссии, не кто иной, как разведывательное управление министерства обороны США (РУМО) подало Гритцу его идею».

Прибыв в США и попав в ФБР, экс-подполковник и вовсе отказался от авторства в операции «Лейзарус». В своем письме, опубликованном в той же газете, он еще раз признался, что действовал с ведома и при содействии ЦРУ и РУМО. Вскоре после этого Джимми и его друж-

ки были освобождены. На устроенной Гритцем пресс-конференции подполковник был уже более сдержан в своих откровениях и лишь намеками давал понять, что за его спиной стоят могущественные силы. На вопрос, не будет ли он привлечен к ответственности за вторжение в Лаос, Гритц ответил: «Вряд ли прокурору доставит удовольствие, если одно из правительственных ведомств будет вынуждено признать, что оно знало о моих планах и полностью со мной сотрудничало».

Уиллис Бэрд встречался с Джимми в феврале 1983 года, как раз накануне отъезда «зеленого берета» в Нанкхонпханом. Гритц пришел к Уиллису с серьезными претензиями, поскольку во время предыдущего рейда в Лаос его отряд нарвался на засаду, устроенную лаосскими «контрас», поддерживающими тесные связи с известным контрреволюционером Ванг Пао.

— А при чем здесь я? — насмешливо посмотрел на него своими васильковыми глазами Уиллис.

— Послушай, капитан, не валяй дурака, — солдафон Гритц не мог расстаться с прошлыми воинскими званиями своих знакомых, — всем известно, что ты в Лаосе был одним из доверенных людей Ванг Пао. Там, — он показал пальцем вверх, так, словно получал конфиденциальную информацию от самого господа бога, — мне говорили, что ты до сих пор являешься связником между Ванг Пао и его людьми в Лаосе.

Взгляд васильковых глаз сделался колючим.

— Ты слишком много болтаешь, Джимми, а здесь болтунов не любят. Еще раз повторяю тебе: я давно отошел от дел, с тех самых пор, как закончилась война. Хочешь ее продолжать, валяй за Меконг, а мне очень хорошо в нашем замечательном «городе ангелов».

Вскоре после этого таиландская полиция, удивительно хорошо информированная о местопребывании Гритца и его коммандос, произвела молниеносные аресты в Нанкхонпханоме.

Встреча в «Восточном» отеле

«Восточный» отель — наверное, самый старый в таиландской столице, его возраст насчитывает более ста лет. Однако, несмотря на свои преклонные года, это одна из самых дорогих и фешенебельных гостиниц столицы. Достаточно сказать, что стоимость номера в «Восточном» отеле достигает двухсот пятидесяти долларов в сутки. Здесь останавливаются знаменитости, богачи и разведчики самого высокого класса: вышколенная прислуга и большой штат частных детективов бдительно стоят на страже покоя своих дорогих клиентов. Судя по тому, как подобострастно поклонился Уиллису швейцар на входе, метис был известен здесь как персона весьма значительная. Слегка кивнув головой портье, лицо которого являло собой сплошную улыбку, Уиллис поднялся на третий этаж и постучал в дверь одного из номеров.

Его уже ждали. На столике в холле стояли бутылки с джином, виски и водкой, баночки с кока-колой и тоником, хрустальная ваза, наполненная колотым льдом. Хозяин номера, высокий поджарый шатен с лицом, на котором не было каких-либо особых примет, равно как и признаков его национальности, приветствовал Бэрда крепким мужским рукопожатием и показал рукой на глубокое мягкое кресло перед столиком. Предложив выбрать напиток по вкусу, шатен плеснул себе на донышко стакана немного водки и залпом опрокинул ее себе в горло.

— Дурная привычка, — сказал он, мягко улыбаясь. — В свое время пришлось поработать в России, а там эту жидкость пьют залпом целыми стаканами. Русские всегда говорят, что тот, кто не пьет, уже подозрителен, вот и научился.

Уиллис посмотрел на собеседника с нескрываемым уважением. Только дурачок Сталлоне* в образе Рэмбо

* Сильвестр Сталлоне — американский актер, исполнитель главной роли в киносериале «Рэмбо» об американском ветеране войны в Индокитае.

мог расправляться с русскими пачками, на самом же деле в их разведке сидят вовсе не дураки.

— Уиллис, — продолжал шатен, отрекомендовавшийся Стивом, — у нас одно время были очень недовольны вашей акцией с Гритцем, хотя потом по здравом размышлении пришли к выводу, что этот полоумный камикадзе мог наломать дров погуще, попади он в лапы лаосской контрразведки, у них ведь инструкторами сидят вьетнамцы, а те спят и видят вокруг своей многострадальной отчизны агентуру ЦРУ. Кстати, — Стив нахмурился, — во Вьетнаме нам в последнее время что-то не везет, да и в Лаосе агентура как-то приуныла. Но мы, кажется, приготовили им неплохой сюрприз, это куда поинтереснее, нежели дурацкие экспедиции нашего романтичного подполковника.

Стив подошел к миниатюрному сейфу, вмонтированному в одну из покрытых деревянными панелями стен, и, набрав цифровой код, вытащил из сейфа несколько небольших листков.

— Ознакомьтесь с наметками будущего доклада госдепа конгрессу о борьбе с наркоманией. Здесь только то, что касается Лаоса. — Уиллис принялся читать, причем по мере чтения черные брови над его голубыми глазами все выше поднимались вверх. Текст гласил:

«Соединенные Штаты считают, что чиновники правительства Лаоса используют существовавшую и раньше местную торговлю наркотиками в качестве источника обогащения. Лаос — это единственная страна, по которой имеющаяся в большом объеме информация свидетельствует, что правительство поощряет торговлю наркотиками в качестве политики.

Доклады, где подробно рассказывается о причастности лаосских официальных лиц к наркобизнесу, весьма объемны и основаны на информации, полученной из многочисленных источников. Скоординированное участие правительственных работников в незаконной торговле

наркотиками наводит на мысль о том, что оно было бы возможно без одобрения Вьентьяна. Лаос вряд ли прекратит официальную торговлю наркотиками в ближайшем будущем, учитывая предполагаемое значение доходов, извлекаемых из нее, для экономики Лаоса.

В частности, США пришли к выводу о том, что официальные лица ЛНДР стали непосредственно участвовать в получении опия и марихуаны, в частности в трех центрах по изготовлению марихуаны, находящихся в ведении правительственных организаций, и по меньшей мере в четырех санкционированных героиновых лабораториях. ЛНДР также разрешает независимым торговцам наркотиками действовать на своей территории. Отмечается, что ЛНДР неэффективно контролирует обширные районы своей территории.

Северная лаосская импортно-экспортная компания — это правительственная организация, подозреваемая в том, что она несет ответственность за сбыт наркотиков за границей. Контролируемое военными государственное предприятие под названием «Компания по развитию горных районов», по слухам, является основной организацией, занимающейся торговлей наркотиками. Также выдвигаются утверждения о причастности к торговле наркотиками деятелей в ранге министров.

Большая часть наркотиков из Лаоса доставляется через Таиланд, но и Вьетнам становится все более важным транзитным каналом при распространении лаосских наркотиков».

— Ну как, неплохо задумано? — спросил Стив после того, как Бэрд закончил чтение.

Уиллис задумался. Оказывается, агентура ЦРУ в Лаосе не дремала, как ему казалось все эти годы. Кажется, начинается время большой игры — только вот при чем здесь он, Уиллис Бэрд. О его существовании долгое время никто не вспоминал по ту сторону океана, разве что изредка приходили весточки от генерала Ванг

Пао, с которым Уиллиса связывали особые отношения. Они установились еще в те славные времена, когда мятежный генерал, поднявший на войну горцев мео, контролировал едва ли не половину Лаоса.

Профессия разведчика любит людей немногословных, и задавать собеседнику лишние вопросы все равно что расписываться в собственной некомпетентности. Уиллис многозначительно промолчал, заполнив паузу приготовлением порции джина с тоником, хотя выпивать сейчас ему совершенно не хотелось.

Стив оценил его молчание. «Не зря на этого человека делают ставку в столь крупной игре, — подумал он. — Ванг Пао при всем его занудстве умеет мыслить логично, и предложенная им кандидатура координатора вполне приемлема».

— Нам нужен человек, Уиллис, — Стив пристально взглянул своими невыразительными глазами, — который подберет необходимых информаторов в Таиланде, людей серьезных, занимающихся проблемами наркобизнеса, которые бы уверовали в «лаосский след» и предали дело возможно более широкой огласке. Доклад госдепартамента конгрессу США — вещь очень серьезная. Во Вьентьяне, который добивается все большего международного признания, должны будут очень болезненно прореагировать на наше заявление. Чтобы доказать свою непричастность к наркобизнесу, они начнут кампанию по уничтожению посевов опиумного мака, разведением которого традиционно продолжают заниматься мео, а это вызовет соответствующую реакцию горцев. В свое время, Уиллис, вы были близки к Ванг Пао — генерал не забывает об этом и потому рекомендовал вас как человека, способного подготовить некоторые детали предстоящей операции.

...Опий, подобно невидимому демону, уничтожает каждого, кто к нему прикоснется. Белый сок маковых головок стал не только источником богатства мео, но и их проклятьем.

«Если вы хотите заручиться поддержкой племени мео, вы должны покупать их опий!» — утверждали французы во время своих колониальных войн в Индокитае. Эта истина не устарела спустя годы. Только всемогущество опия заставляло воевать солдат-мео генерала Ванг Пао, которые в лаосской войне были сильнейшим козырем США.

Генерал, поднявший мятеж после того, как в Париже было достигнуто соглашение о прекращении огня в Лаосе, объявил себя отцом горских народностей. Его офицеры появлялись даже в самых крошечных деревушках племени мео: раздавали рис, деньги, оружие и увозили рекрутов. Секретная армия Ванг Пао насчитывала до 10 тысяч бойцов, готовых грудью идти на пулеметы.

Но мео соглашались воевать лишь при одном условии: их семьи не должны голодать и испытывать нужду.

И тогда перед ЦРУ, стоявшим за спиной мятежного генерала, возникла дилемма: либо кормить горные деревушки на собственные деньги, либо помочь горцам в сбыте урожая единственной сельскохозяйственной культуры, приносящей здесь доход. Предпочли последнее.

С середины шестидесятых годов вертолеты и легкие самолеты компании «Эйр Америка» начали осуществлять переправку опия из деревень на севере Лаоса во Вьентьян. Чтобы не повредить сложный механизм тайной войны, американцы не проявляли излишнего любопытства и не задавали щекотливых вопросов ни главнокомандующему лаосской армией генералу Уну Ратикону, ни его командирам. Политика одерживала верх над моралью.

В Лаосе в отличие от Вьетнама американцы воевали чужими руками и даже особо на эту войну не тратились. В тайных операциях в Лаосе, кроме авиации, было задействовано всего несколько десятков офицеров ЦРУ и РУМО. Однако счет за эту войну включал и цену за

опий: соображения политического и экономического порядка вынуждали американских политиков и генералов участвовать — пусть даже пассивно — в торговле наркотиками, которые в конечном счете уничтожили их собственную армию и деморализовали их союзников.

В декабре 1975 года патриотические силы Патет Лао взяли власть в Лаосе. Опиумные дела Ванг Пао не спасли его от поражения...

Уиллис любил солдат-мео за их беззаветную преданность и храбрость, за то, с каким мужеством эти пареньки (а многим бойцам «секретной армии» Ванг Пао не исполнилось и шестнадцати) переносили суровые тяготы войны. Будучи в душе человеком честолюбивым, он втайне лелеял мечту занять в будущем государстве Ванг Пао пост министра обороны. Но в 1975-м все мечты пошли прахом.

Ему стоило больших трудов подавить в себе волнение после предложения, услышанного от Стива. Отставив стакан с джином, Уиллис Бэрд сказал:

— Продолжим разговор о деталях.

Стив, плеснув себе полстакана водки, тут же залпом выпил и даже не поморщился. Лукаво блеснув глазами, он сказал:

— Я очень рад, что не ошибся в вас, Уиллис.

Торговый дом господина Фао Мина

После того как в начале 1982 года таиландские власти решились предать огню и мечу пограничный городок Банхинтаэк, где находилась резиденция «опиумного короля» Кхун Са, самый крупный мафиози Юго-Восточной Азии разъярился на правительство таиландского премьер-министра Према Тинсуланона. Обида требовала отмщения, и он, в свою очередь, подверг разграблению пограничный городок Мэсай, где триста его головорезов разграбили банки и разгромили полицейский участок.

После того как таиландское правительство объявило

за его голову вознаграждение в 25 тысяч долларов, Кхун Са заявил:

— Это оскорбление для такого человека, как я, стоящего в сто тысяч раз больше, — и, в свою очередь, назначил награду в 300 тысяч долларов тому, кто доставит ему голову бангкокского министра, который осмелился столь низко оценить его жизнь.

Бангкок долгое время глядел сквозь пальцы на то, как Кхун Са безнаказанно действовал на таиландской территории. Впрочем, и Вашингтон был достаточно осторожен, чтобы воздерживаться от открытой критики таиландских властей, позволивших Кхун Са закрепиться в Банхинтаэке, откуда тот безраздельно руководил своим «королевством дьявола». Один из высокопоставленных американских специалистов по борьбе с наркотиками на вопрос, почему Кхун Са позволяют управлять своей империей с территории Таиланда, ответил:

— Лучше тот дьявол, которого вы знаете, чем тот, которого не знаете.

Политика в этом беспокойном регионе так часто берет верх над здравым смыслом, что очень трудно искать логические объяснения тем или иным действиям правящих режимов в расположенных здесь пограничных государствах. Как это ни покажется странным, но Таиланд на протяжении многих лет поощрял мятежные группировки бирманских меньшинств на своих северных границах, поскольку надеялся, что они будут препятствовать связям между поддерживаемой Пекином Компартией Бирмы и Коммунистической партией Таиланда, также имевшей ярко выраженную маоистскую окраску. В силу этого сменявшие друг друга таиландские правительства раздражали Рангун, который, в свою очередь, отчаянно сражаясь с сепаратистами, позволил Кхун Са после его поражения под Банхинтаэком укрыться на территории Бирмы. В результате Кхун Са продолжает процветать. Но с тех пор Чиангмай, который называют в Таиланде ключом к «золотому треугольнику» и в котором вся торговля наркоти-

ками почти полностью находится в руках китайцев, был наводнен полицейскими в форме и в штатском. Здесь размещены и элитарные армейские подразделения. Бдительное полицейское око следит за каждым подозрительным субъектом, в том числе и за многочисленными туристами, которые облюбовали эту таиландскую «розу севера» за возможность без особых трудов потешиться с местными красавицами, а также приобрести наркотики.

Все же Кхун Са добрался и до этой полицейской цитадели. В 1985 году его люди взорвали целый квартал в Чиангмае, в котором проживал давний его враг и конкурент — гоминьдановский генерал Ли Венхуан вместе с личной охраной.

Для непосвященного Чиангмай, расположенный на высоте трехсот метров над уровнем моря, с чистым и прозрачным воздухом, напоенным запахом лесов и ароматом цветов, покажется райским уголком. Здесь нет ни крупных фабрик и заводов, ни того удушливого смога от скопища автомобилей, который стал подлинным бичом современных городов. Его жители отличаются редким гостеприимством и радушием. Но это для непосвященного. На самом же деле город всецело находится под контролем циничной и безжалостной мафии, невидимой и неуловимой.

Местная полиция пытается регулярно проводить облавы, во время которых перекрываются все выходы из многочисленных гостиничек и баров, оцепляются улицы и даже целые кварталы. Подозрительных лиц обычно без долгих церемоний заталкивают в автофургоны, которые невозможно открыть изнутри, и увозят на допрос. Эти фургоны называются здесь «черная Мэри». Однако эти регулярные облавы, проводимые с помпой, напоминают скорее второразрядную оперетку, без конца повторяемую на потеху провинциальной публике. В сети попадает только мелкая рыбешка. Люди «триад» * спокойно про-

* «Триады» — тайные китайские сообщества, в настоящее время гангстерские организации, действующие в странах ЮВА.

должают заниматься своим дьявольским бизнесом, потому что полиция их боится. Коррупция в таиландской полиции ни для кого не составляет тайны. Скандалы следуют один за другим, как на конвейере. Постепенно из тюрем удалось бежать всем задержанным главарям торговли наркотиками. Другие же никогда аресту не подвергались.

Среди «неприкасаемых» для местной полиции выделяется господин Фао Мин, владелец ряда сувенирных магазинчиков для туристов, нескольких гостиничек с темным нутром, двух подпольных притонов и десятка лавочек, в которых можно приобрести все, что душе угодно, вплоть до персонального компьютера. Господин Фао Мин, нужно сказать, питает особое пристрастие к продуктам научно-технического прогресса. «В наш век покорения космоса и компьютеров, — любит говаривать он, — только невежественные люди пользуются счетами». При этом его маленькие подслеповатые глазки лукаво посверкивают из-под утолщенных линз очков.

Если бы таиландская полиция когда-нибудь осмелилась провести обыск в его доме, чего, впрочем, господин Фао Мин нисколечко не остерегается, поскольку «его дом — его крепость», то она с огромным удивлением обнаружила бы рядом с алтарем предков, священным в доме каждого китайца, еще и персональный компьютер, в памяти которого надежно укрыты многочисленные секреты «торгового дома» Фао Мина.

В момент описываемых нами событий Фао Мин, которого соседи за необыкновенную ученость прозвали «сюцаем» *, беседовал в глубине своего дома с буддийским монахом.

Монахи весьма почитаемы в странах Юго-Восточной Азии, где эта религия является государственной. Не исключение и Чиангмай, который славится девятью своими храмами, причем в одном из них, Суан Доке, посетители

* Сюцай — первая ученая степень в старом Китае, которая обычно присваивалась после экзаменов в уезде.

могут лицезреть едва ли не самое большое в Таиланде бронзовое изваяния Будды. Из расположенных за чертой Чиангмая храмов-ватов самым величественным является Пратай Дой Сутеп. Он воздвигнут на вершине горы, откуда со смотровой площадки, обнесенной чугунной оградой, которую поддерживают две гигантские змеи-наги, весь город предстает словно на ладони.

Чиангмай постоянно полон бритоголовых аскетов в шафрановых тогах, маленьких, сморщенных, точно засушенных, старичков и мальчиков-послушников, бродящих по улицам с раскрытыми над головой черными зонтами.

Приветить и накормить монаха богоугодное дело, а господин Фао Мин, кроме большой учености, еще и высоконабожный человек. Однако разговор между монахом и китайцем проходил довольно странный.

— Так ты утверждаешь, что караван с жадеитом должен был прибыть еще неделю назад? — произнес Фао Мин, даже не пытаясь скрыть охватившего его волнения.

— Значит, стряслось что-то, — ровным и тихим голосом ответил монах.

— Его накрыли в Бирме. — Фао Мин был искренне расстроен, поскольку в любом случае Кхун Са потребует с него уплаты «страховочной суммы», а Фао Мин был скуповат. — Это точно. Если бы что-то случилось здесь, я непременно был бы в курсе дела. Сколько стоил товар, Мохин? — Фао Мин решил осторожненько прощупать сумму «страхового полиса».

— Почем я знаю, — ответил монах. — Далек я от ваших суетных дел, — добавил он лицемерно. — Но Суан велел тебе передать, что у нашего хозяина в последнее время происходят неприятные раздоры с Кхун Са. Кажется, кто-то не прочь их рассорить, а хозяину как раз сейчас только этого не хватает. В этом караване шли двое наших людей, у одного был для тебя важный пароль и сообщение. Депеша была устной и, судя по всему, погибла со связником, а вот пароль...

Майк Николсон, репортер

«Ну вот и все, — подумал Майк, — вот и еще один выпал из гнезда».

С завыванием умчалась в темноту душной тропической ночи карета «скорой помощи», увозя тело того, кому эта помощь уже никогда не понадобится. На темном после прошедшего накануне ливня асфальте полицейские мелом очертили место, куда упал с высоты десятого этажа славный американский парень Грегори, и огородили его турникетами в ожидании следственной бригады.

«Стараются, суки, хотя уверен, что завтра представят это убийство как несчастный случай с обезумевшим от галлюцинаций наркоманом». Майк в эту минуту ненавидел тайских полицейских, их круглые и, как ему казалось, тупые лица, хотя он и понимал, что возводит напраслину. В бангкокской полиции тоже было немало отличных парней, которые не раз оказывали Майку помощь в его беспокойном и, как многие считают, в принципе бесполезном ремесле. Майк был в свое время очень неплохим репортером. Он напечатал серию очень громких репортажей о вьетнамской войне в журнале «Эсквайр». Восторженные поклонники пророчили ему славу будущего Хемингуэя, на деле же вышло по-иному. Успех вскружил Майку голову, он не понял, что война закончилась, закончилась позорно, и его горькие репортажи о величии и нищете американского воинского духа уже никому не нужны. Он продолжал писать о парнях, павших во Вьетнаме, но редакция вежливо отклоняла их. Ему предложили отправиться в Африку, где войн хватало на десяток претендентов в будущие светила американской журналистики, но Майк заявил, что пусть там всякое дерьмо поработает, и после этого запил.

Он пил в компании парней, прошедших через вьетнамскую мясорубку, увечных физически или морально, потому что эта война не пощадила никого, кроме генералов, понахапавших себе звезд на погоны. С тех пор он

знал два состояния: когда не пил — как безумный истязал пишущую машинку; когда не касался ее неделями, то тяжело и беспробудно бражничал. Издательство расторгло с ним контракт, и он стал фрилансом, то есть «свободным художником», правда, без каких-либо средств к существованию. Жена с двумя прелестными крошками съехала от него на ферму своих родителей, он задолжал всюду, где только мог, и наконец пал до такой степени, что подрядился работать на весьма сомнительный в журналистских кругах журнал «Солдат удачи». Это издание было в то время единственным, кого продолжала интересовать судьба американских ветеранов, правда, только тех, кто по разным причинам застрял в ЮВА.

Майку предложили отправиться в Бангкок, на что он с радостью согласился. В то время он и представить себе не мог, что хитрецы из «Солдата удачи» решили сделать его наводчиком по вербовке ветеранов в различные военные авантюры, которых, как известно, хватает на нашем шарике. У Майка был особый дар находить парней, изуверившихся в жизни и готовых на любой, самый рискованный поступок. Так что его корреспонденции для «Солдата» были прекрасной наводящей информацией, после получения которой герои Майковых очерков почему-то отлучались из Бангкока в неизвестном направлении.

— Эта история началась в Сайгоне, — сказал Грегори однажды вечером, после того как они до чертиков надрались тайского виски «Меконг» в одном дешевом китайском ресторанчике, расположенном прямо на сваях в одной из городских проток. — Война уже шла к концу, мы готовились к эвакуации. Нужно было оформить в Сайгоне кое-какие документы, и наш ротный откомандировал меня вместе с сержантом Билли Грином в город. Я радовался как мальчишка, а Билли всю дорогу до Сайгона сидел в машине и мрачно ерзал.

— Ты чего, — сказал я ему, — не терпится попасть в бардак? Через пару часиков помнем маленьких вьет-

намских пташек в свое удовольствие, говорят, бардаки в городе — блеск.

— Заткни свою вонючую пасть, капрал, — ответил он мне. Я сильно на него разозлился и, если бы руки не были заняты рулем, так бы засветил этому маленькому сержантику, что напрочь отбил бы у него охоту оскорблять товарищей. Мы молчали до самого города. В Сайгоне, как я и ожидал, было полно проституток, но еще больше военной полиции, и нашей и вьетнамской. Билли при виде вьетнамцев, особенно офицеров, начинал просто звереть, а на девок даже и не глядел. Ну и черт с тобой, подумал я, когда мы наконец разделались с этими документами и смогли располагать своим временем. Неожиданно Билли повеселел и даже попросил у меня прощения за грубость.

— Понимаешь, капрал, нервишки совершенно расшатались.

И мы отправились по кабакам и девкам. Полночи мы покуролесили, а потом два сутенера предложили нам роскошных китаянок, которые умеют делать все, дай им только зелененькие. А у нас еще была целая куча неистраченных чеков, которыми дядюшка Сэм расплачивался за нашу кровушку, пролитую в этой гнилой стране. В Сайгоне эти чеки ценились даже дороже, чем доллары, поскольку их можно было очень неплохо отоварить. Впрочем, что я болтаю, ты же был там в это время, Майк, и сам знаешь, что почем.

Ну и отправились мы с Билли на рикшах в китайский район Шолон. Привезли нас в отель «Феникс», вполне, нужно сказать, приличный, даже богатый. Пока наши сутенеры договаривались с портье, Билли, как мне показалось, встретил какую-то знакомую рожу. Он даже вздрогнул, а потом побледнел. Сутенеры притащили нам ключи от двухместного номера на седьмом этаже. Вы, говорят, господа, располагайтесь, а мы девочек мигом доставим. Билли мне говорит:

— Ты, капрал, поднимайся, а мне тут нужно кое-что узнать.

Через несколько минут и он поднялся в наши блудные апартаменты. Залез с ногами на одну из кроватей и прильнул ухом к стене. Потом поднялся, сунул в карман штанов армейский кольт и говорит:

— Ты уж меня извини, Грегори, а только нужно мне сейчас навестить одного дружка, он живет здесь рядом, через стенку. Я думаю — ты парень не промах, сумеешь и один с двумя девками управиться, но лучше бы тебе отсюда уйти как-нибудь незаметно и прямо сейчас.

Я принялся его уговаривать, чтобы он не дурил с оружием по пьяному делу, потому что такие шутки плохо кончаются, да только он хлопнул дверью. А тут и девчонок привезли, и я забыл в их сладких объятиях про моего сержанта.

Наутро толкает меня парень из военной полиции хмыря Тхиеу, а рядом с ним целая свора других вьетнамцев. А мне после всех вчерашних излишеств так погано, что я в первый момент ничего и соображать не мог. Ведут они меня в соседний номер, а там...

Грегори сделал из бутылки солидный глоток виски и продолжал:

— А там, Майк, лежит на полу мой сержант, а под ним здоровенная лужа крови...

Некто, вьетнамец Ву Хань

После того как Уиллис Бэрд оговорил детали предстоящей операции с посланцем из Лэнгли, настала пора действовать. Посетив нескольких близких приятелей, которые тоже были в свое время причастны к тому бизнесу, который питал мятежное воинство генерала Ванг Пао, Уиллис пару раз не застал на месте искомых адресатов, которые отбыли в мир иной, потому что и после войны

продолжали делать рискованные ставки в игре с героином, позабыв, что времена изменились.

Но одна из встреч искренне порадовала Уиллиса.

— Так говоришь, что тебе нужно несколько вьетнамцев?

Джон Мак Кизи, тесно связанный с делишками компании «Эйр Америка», решил после войны не рисковать. Он прекрасно знал, что у американской мафии существуют серьезные разногласия с коллегами из ЮВА по ряду некоторых вопросов. Насчет причин, по которым между старыми партнерами произошел разрыв, циркулировало несколько версий. По одной из них, все началось с произвола какого-то рядового мафиози по отношению к почитаемому члену китайской общины Лос-Анджелеса: посланец «Коза ностра» якобы добивался дополнительной мзды за партию героина, доставленного в США в контейнерах с музыкальными инструментами. По другой — начало вражды восходит к убийству в нью-йоркском районе Куинс китайского дельца, выходца из Кантона, за то, что тот решился было орудовать в кварталах, которые мафия считала своей вотчиной.

Однако специалисты из Интерпола склоняются к совершенно иному объяснению. По их мнению, Кхун Са решил объявить войну бывшим компаньонам, чтобы расширить собственную зону влияния в США, пока не наступил 1997 год. Возвращение Гонконга пекинскому правительству вынудит всех тамошних «крестных отцов» сложить пожитки и перенести свои штаб-квартиры и опорные пункты связи в другие места. Свой замысел хитрый и осторожный Кхун вынашивал в течение нескольких лет. В начале 1983 года он обратился к боссам клана Бонано, пытаясь убедить их выйти из «Коза ностра» и вступить в союз с ним. Их полная негодования реакция побудила его отложить осуществление плана до лучших времен. Случай вернуться к старым замыслам представился ему после того, как несколько сицилийских кланов «Коза ностра», подорванных, с одной стороны, все более

острой конкуренцией, а с другой — целой вереницей арестов, оказались несколько ослабленными. Вот тут-то в ход и пошли пистолеты.

Большая охота началась убийством владельца процветающего ресторана в Нью-Джерси, разыскиваемого полицией в связи с процессом над заправилами так называемой «пиццерийной отрасли». Затем последовало продолжение на улицах Нью-Йорка. Особенно жестокой расправе подверглись два торговца наркотиками, связанные с кланом Луккезе: их сожгли живыми и бросили в груду отбросов на Бликер-стрит. Установив личности убитых и убедившись, что никаких «подвигов» за ними не числится, полиция поспешила закрыть дело, квалифицировав его как сведение счетов. Между тем за этим эпизодом скрывалось нечто более крупное.

Первым это сообразил один полицейский из 41-го округа.

— Когда я рассматривал фотографии жертв, — рассказал он, — сразу понял, что нить ведет к китайцам. Дело в том, что это были «говорящие» трупы. Перед тем как их казнить, палачи вырезали на груди своих жертв стилизованные изображения драконов — знак ненависти и мести. Мне как-то довелось читать об этом в «Нью-йоркере» и видеть фото.

Теперь уже Кхун Са не скрывал своих честолюбивых намерений и прямо заявил, что его цель — создание китайской международной сети распространения героина. Для «Коза ностра» Кхун Са сделался смертельным врагом, куда более опасным, чем заправилы японской «Якудзы» (в своих операциях они не выходят за рамки Дальнего Востока) и колумбийские кокаиновые бароны. Кхун Са обеспечивает себе 900 тонн опиума в год, которые, будучи переработаны в базовый продукт — морфин, дают затем 90 тонн чистого героина. Это равняется чуть ли не всей совокупной продукции итало-американских кланов «Коза ностра». Сотрудники ФБР утверждают, что в Палермо есть люди, которые заплатили бы любую це-

ну, лишь бы убрать короля «золотого треугольника». Уже не один «солдат» мафии отправился в дальнее путешествие, исполненный решимости достичь этой цели. Однако их миссия вряд ли увенчается успехом. Последнего из тех, кто предпринял попытку заработать на голове Кхун Са, ветерана войны во Вьетнаме, казнили неподалеку от Монгмая, у бирмано-таиландской границы. На его чудовищно изуродованном трупе палачи написали несмываемой краской: «Такой конец ждет всех врагов Кхун Са».

Джон Мак Кизи — человек осторожный и потому почел за лучшее ладить с китайцами, нежели со своими преступными соотечественниками, тем более что жил он не в Нью-Йорке или Нью-Джерси, а в «городе ангелов», славной Венеции Индокитая. Бангкок ему нравился. Будучи человеком практичным, Джон, скопивший кое-какие «героиновые деньжата» (в «Эйр Америка» только полный идиот получал чистое жалованье), открыл одно увеселительное заведение под романтичным названием «Лидо».

В Бангкоке самые дешевые и самые красивые проститутки во всей Юго-Восточной Азии. Их здесь не тысячи, а десятки, возможно, даже сотни тысяч. В век туристских скидок и бюро путешествий сюда на пару дней приезжают развлечься вечно торопящиеся господа из Токио или сыновья арабских шейхов с берегов Персидского залива. Много здесь и гостей из Западной Европы, желающих вкусить азиатской экзотики посредством тайского массажа и прочих более фривольных утех, так щедро продемонстрированных в нескольких фильмах о любовных похождениях очаровательной Эммануэль. Можно даже с уверенностью утверждать, что именно сексуальное обслуживание миллионов иностранных туристов стало для Таиланда главным источником иностранной валюты.

В «Лидо» дела шли великолепно, потому что Джон, как истинный гурман, собрал в своем «цветнике» все виды «индокитайской флоры», причем лучшие ее образцы. Здесь были вьетнамские девушки из Аннама, Кохинхины и Тонкина, представительницы различных народностей

Лаоса, мягкие и нежные каренки, словно сошедшие с древних барельефов Ангкора камбоджийские апсары, бирманки, малайки, китаянки, девушки мусульманской народности «тям» и еще многие и многие «языки и народы». Весь этот живой товар поставляли ему «восточные друзья», о которых Джон предпочитал не распространяться.

Предложение Уиллиса подыскать ему нескольких надежных вьетнамских прощелыг вызвало у Джона, не лишенного чувства юмора, встречное предложение позабавиться с несколькими юными вьетнамками.

Уиллис шутки не принял, и посерьезневший Джон отправился куда-то звонить. Вернулся он через несколько минут чрезвычайно довольный.

— Нескольких парней сейчас подобрать сложно, но есть один прохиндей, который стоит дюжины. Некто Ву Хань. Только прошу тебя, будь с ним поосторожнее и ради бога не произноси ни слова о том, что в свое время у тебя были дела на плато Боловен. У Ву Ханя с этими местами связаны неприятные воспоминания, и ему мерещится, что некий погибший в тех местах американский взвод организовал на него охоту. Как загнанный зверь, Ву Хань опасен. Мне сказали, что вчера он шлепнул одного американского ветерана по все той же причине и теперь скрывается в клонгах. Если ты можешь предложить ему прогуляться куда-нибудь в сторону от Бангкока, думаю, Ву Хань согласится с радостью.

Погибший взвод

— Я читал твои репортажи в «Эсквайре», Майк, и должен сказать, ты здорово рассказывал об этой дерьмовой войне, не то что многие наши писаки, которые от передовой шарахались как черт от ладана.

Грегори попытался сделать еще глоток, но бутылка была пуста. Он зашвырнул ее в мутную воду клонга.

Услужливый официант стоял наготове с новой бутылкой «Меконга».

— Гуляй, парень. — Грегори посмотрел на него затуманенным от спиртного взглядом. Оскалившись в улыбке, официант откатился в сторону и замер в позе готового услужить пса.

— Только вот жизнь, Майк, иногда выкидывает с нами такое, что даже твои жестокие репортажи могут показаться наивными рождественскими сказочками.

Виски забулькало в горле бывшего капрала.

— Так, значит, о чем я...

— В сайгонском отеле «Феникс» кто-то убил сержанта Билли Грина, — напомнил Майк, у которого от рассказа Грегори весь хмель куда-то улетучился.

— А-а-а... да, значит, захожу я со сворой легавых в тот номер, а там лежит мой сержант, и весь он такой мертвый, что мертвее и не бывает. Вьетнамские легаши полезли потрошить его карманы и достали несколько пакетиков с героином. Потом принялись обыскивать меня. Короче, пока выяснили, что да почему, отсидел я трое суток в нашей гарнизонной каталажке. Военный следователь, хоть и молодой был парнишка, но быстро просек ситуацию и отправил меня обратно в роту. Потом он стал разыскивать сослуживцев Билли, ведь тот попал к нам незадолго до своей погибели, и чем дальше копал он это дело, тем мрачнее становился. А тут поступил приказ о нашей отправке домой, о сержанте все позабыли, кроме меня, наверное, да того мальчишки из военной прокуратуры. Как раз дня за два до нашей отправки в Дананг, где уже стоял приготовленный для нас белый пароход, следователь вызвал меня в Сайгон. Вид у него был взъерошенный, как у мальчишки, которому за чужие шалости классный наставник надрал уши. Достает он из своего стола несколько фотографий и спрашивает, не видел ли я кого-нибудь из них в ту ночь в отеле «Феникс»? А по мне, все вьетнашки на одно лицо, что те, с которыми мы вместе воевали против вьетконговцев, что воевавшие

против нас вьетконговцы. Ладно, говорит следователь, ты на всякий случай запомни вот эту образину — он показал мне пальцем на одну из фотографий, где снят вьетнамский капитан в форме рейнджера, — и старайся держаться от него подальше, потому что очень это крупная сволочь. Хорошо, говорю я, запомню, лейтенант, только зря ты меня принимаешь за дурака или подонка, который тут же в штаны наделал, увидев убийцу сержанта Билли. Я сам эту суку разыщу, не будь я капралом Грегори. Мальчик посмотрел на меня внимательно, а потом и говорит: пойдем, капрал, нажремся виски, а то у меня дерьмо уже из ушей лезет. Дело-то, оказывается, у него забрали и закрыли, потому что легаши Тхиеу развопились, что Билли был «курьером», то есть переправлял наркотики, ну а наши крючки, чтоб мундиры свои не обмазать, решили уладить все втихую. Тем более что Билли в цинке под звездно-полосатеньким давно уже прибыл в свой Техас.

Пошли мы в одно уютное заведение на улице Тызо. Лейтенант быстренько насосался и стал сильно ругаться, он помянул с десяток матерей, начиная с мамаши Уэстморленда * и кончая старушками наших президентов, а потом и говорит: эта история, милый Грегори, ляжет самым темным пятном на всю индокитайскую компанию. После того, что я разузнал, впору уходить к вьетконговцам, потому что не зря они колотят всю эту продажную шайку, ради которой наши ребята оставили здесь свои жизни.

— Короче, Майк, — продолжал Грегори, внимательно рассматривая опустевшую на три четверти бутылку, — я расскажу тебе историю одного американского взвода, погибшего при весьма загадочных обстоятельствах на территории Лаоса, где мы никогда официально не воевали. Может быть, когда-нибудь ты напишешь об этом, но

---

* Уэстморленд — американский генерал, командовавший экспедиционным корпусом США в Южном Вьетнаме.

только после того, как я посчитаюсь с капитаном Ву Ханем.

...Незадолго до прекращения американской армией военных действий во Вьетнаме взвод, в котором служил сержант Билли Грин, получил приказ вместе с несколькими ротами южновьетнамской армии пройтись рейдом по коммуникациям Вьетконга, расположенным на знаменитой тропе Хо Ши Мина *. Из Плейку, где взвод накануне проходил докомплектацию, их на армейских вертолетах перебросили далеко на запад. Командир взвода лейтенант Гризли, сориентировавшись по карте, заявил вьетнамским пилотам, что они залетели в Лаос. Тогда первый пилот сунул ему секретный пакет. Прочитав содержимое пакета, лейтенант серьезно призадумался. Летели низко над горами без каких-либо признаков жизни. Наконец вдали блеснула лента Меконга, и машины пошли на снижение. На месте десантирования их уже поджидала рота южновьетнамских рейнджеров. Маленький крепыш капитан, похожий на мячик для игры в теннис, отошел с лейтенантом Гризли в сторону и о чем-то несколько минут говорил. Гризли вернулся к своим парням еще более озадаченный.

Подозвав сержанта Грина, он заявил, что они, похоже, влипли в какую-то дикую авантюру, потому что тропа Хо Ши Мина в этих местах проходить ну никак не может.

— Мы находимся вблизи таиландской границы, хотя капитан продолжает утверждать, что именно здесь должен двигаться караван вьетконговцев с оружием и снарядами для «красных кхмеров», которые, в свою очередь, переправят все снаряжение в провинцию Тэйнинь.

Пока Гризли раздумывал над сложившейся ситуацией, на землю быстро опустились тропические сумерки. Капитан предложил следовать за его рейнджерами, и, поколебавшись, Гризли отдал приказ выступать.

---

* Тропа Хо Ши Мина — система коммуникаций, связывавших базы южновьетнамских патриотов к югу от реки Бенхай.

Они заняли позиции в русле небольшой горной речушки, где по наметкам капитана должен был проследовать караван. На рассвете в воздух взлетела синяя ракета, что было условным сигналом для готовности к бою. Через несколько минут застрекотали очереди из автоматических винтовок, а потом гаденько завыли шлепающиеся то тут, то там мины.

Билли Грин увидел, как Гризли упал на землю скошенный пулей, выпущенной из находившихся у них за спиной бамбуковых зарослей, следом за лейтенантом упали еще несколько солдат. Билли, укрывшись вместе с тремя бойцами за речным валуном, дал длинную очередь по зарослям, откуда, к его изумлению, вывалился убитый южновьетнамский рейнджер.

— Измена, — заорал один из бойцов и тут же умолк. Пуля вошла ему в затылок.

Их расстреливали с двух сторон реки южновьетнамские рейнджеры.

«Все, — подумал Билли, когда второй солдат свалился в воду, окрашивая ее в розовый цвет кровью, хлеставшей из пробитого горла, — это конец», — и швырнул в заросли гранату. Рядом с валуном шлепнулась мина, и сержанта отбросило в речушку.

Он очнулся на отмели от еще более ожесточенной пальбы и, ничего не соображая, бросился вперед на выстрелы. Потом до его контуженого сознания дошло, что необходимо укрыться. Забравшись в колючий кустарник, Билли наблюдал картину уничтожения каравана. Ни оружия, ни снарядов на мулах не было. Да и сам караван состоял не более чем из дюжины горцев в набедренных повязках, вооруженных, правда, винтовками М-16. Откуда-то издали донесся гул армейских вертолетов, но Билли не спешил выбираться из кустов. Он увидел, что рейнджеры, руководимые капитаном, обходят убитых американцев и срезают с трупов солдатские жетоны, а также тщательно потрошат карманы. Убитых горцев они живописно разбросали между американскими

парнями, совсем как для киносъемок в Голливуде. В это время приземлились три вертолета. Капитан мешкал рассаживать рейнджеров по машинам и отчего-то нервничал. Несколько человек еще раз внимательно прочесали берега, дав несколько очередей по бамбуковым зарослям. Билли понял, что они ищут его труп. Пилоты начали проявлять беспокойство, и только тогда капитан отдал команду погружаться в вертолеты.

Рейнджеры разместились в двух машинах, капитан и еще трое затащили в третий вертолет мешки с развьюченных мулов, и огромные стрекозы взмыли вверх. Через пару минут в воздухе раздались один за другим два оглушительных взрыва, и два вертолета разлетелись на мелкие куски. Третий скрылся за горами.

Господин Фао Мин ждет старого приятеля

Хотя бывший сайгонский коммандос Ву Хань и постарел за прошедшие годы, но по-прежнему оставался круглым и упругим, как теннисный мячик. Сидя напротив него, Уиллис Бэрд почувствовал, как легкий холодок прошел по его смуглой тайской коже. Он загодя навел необходимые справки и знал, что перед ним сидит профессиональный убийца, одинаково хорошо владеющий огнестрельным и холодным оружием. А поскольку малый в последнее время психовал, нужно было быть постоянно начеку.

Однако глаза Уиллиса просто лучились доброжелательством. Он с огромным вниманием выслушал трогательную историю вьетнамского изгнанника, всю семью которого вырезал Вьетконг только за то, что в свое время он служил в министерстве торговли при режиме господина Тхиеу.

Вьетнамец униженно посмотрел на Уиллиса и замолчал.

— Любезный господин Ву Хань, — сказал, выдержав некоторую паузу, Бэрд, — я тронут, поверьте, искренне

тронут вашими страданиями и готов предложить вам неплохую работу. Мы собираемся открыть одно небольшое совместное предприятие в Лаосе, где нам понадобится опытный экономист, ведь ваша профессия, насколько я понял, была связана с коммерцией.

Ву Хань насторожился, что не ускользнуло от внимательного взгляда Уиллиса.

— И пусть вас не тревожит прошлое...

Молниеносным движением профессиональный разведчик вышиб стул из-под вьетнамца и, кажется, только коснулся кончиком ботинка колена маленького коммандоса. В следующее мгновение он наступил каблуком на запястье левой руки зашедшегося от боли Ву Ханя, из которой выскользнул нож. Отбросив его ногой в сторону, Уиллис на этот раз, уже не церемонясь, заехал ботинком в ухо поверженному убийце. Голова вьетнамца качнулась в сторону, и он затих. Уиллис вытащил из кармана его потрепанной джинсовой куртки кольт армейского образца и профессиональным взглядом посмотрел на фабричный номер револьвера.

Через несколько минут Ву Хань пришел в чувство. Из уха лилась кровь, и Уиллис швырнул ему смоченную салфетку.

Поймав ненавидящий взгляд вьетнамца, он сделал очаровательную улыбку, но тут же лицо метиса приняло жестокое выражение.

— Не шипи, как кобра, у которой вырвали зубки, — сказал Уиллис. — Кстати, за ношение без разрешения вот этой штуки, — дуло кольта было направлено прямо между глаз Ву Ханя, — в нашей стране тебе могут отсчитать двадцать лет тюрьмы. Ты еще не пробовал тайской тюрьмы, любезный? Ну и не советую тебе попадать в это прелестное заведение. А теперь слушай меня внимательно, капитан, только не дури, а то мне придется подпортить тебе второе ушко и еще кое-что в придачу. В каждой операции, даже самой гениальной — а я просто восхищен твоей работой на плато Боловен, — как пра-

вило, случаются досадные осечки. Твои рейнджеры, которых ты затем тоже услал дорогой предков, сработали отлично, но вот досада: в живых остался американский сержант.

Уиллис положил перед собой плотно забитый машинописным шрифтом лист папиросной бумаги.

— Здесь его показания, которые он дал в первом же полицейском участке, выбравшись на тайскую территорию. Так что история эта все же имела огласку, и американскому посольству пришлось немало попотеть, чтобы она не стала достоянием общественности. Правда, ты затем красиво исчез, капитан Нгуен Као Зыонг. В одной из сайгонских пагод на алтаре усопших душ осталась даже твоя фотография.

Уиллис, как опытный карточный игрок, показал вьетнамцу фотоснимок бравого капитана с тщательно подбритыми усиками.

— Сержант, избежавший смерти во время бойни у ручья Дангрек, сам пришлепал к тебе в отель «Феникс», сам и кольт принес, это ведь его игрушка! А позавчера ты убрал еще одного моего соотечественника. Не слишком ли, любезный Ву Хань-Зыонг?

Вьетнамец стал цвета певички из кантонской оперы, наложившей на лицо три слоя белил.

— Я не говорю о самом главном, господин Ву Хань, — продолжал Уиллис. — За героин, взятый в караване людей Ванг Пао, вы выручили более трехсот тысяч долларов. Сумма, конечно, не бог весть какая, но вы забыли поделиться с наводчиками...

— Не надо, прошу вас, — пролепетал вьетнамец, — лучше убейте меня.

— А зачем мне убивать вас, господин Ву Хань? — Уиллис понял, что этот беспощадный человек теперь в его руках. — Вас другие убьют. «Сюцай» Фао Мин...

Вьетнамец забился в истерике.

— Успокойся, крыса! — Бэрд плеснул в лицо убийце воды из стакана. — «Сюцай» Фао Мин мой большой при-

ятель, и я улажу это дело полюбовно. Он постарается не напоминать о тебе господину Чан Шифу, а что касается денег, то ты поделишься ими с господином Фао Мином, тем более что недавно «сюцай» понес некоторые убытки. Какие-то молодцы в Бирме шарахнули караван с жадеитом, принадлежавший господину Чан Шифу и следовавший в город Чиангмай. «Сюцай» очень расстроен, и ему нужны старые приятели, которые смогли бы его утешить.

Уиллис плеснул в стакан французского коньяка и протянул его Ву Ханю.

— Если ты будешь вести себя достойно и честно, то я постараюсь не отдавать тебя людям господина Чан Шифу или Кхун Са, это как тебе больше нравится. Более того, поедешь потом в Америку и потеряешься в толпе. Как это у Конфуция: «Потеряв лицо, растворись в толпе», а свое лицо ты, кажется, уже давно потерял. Теперь соберись с мыслями, забудь о боли в ухе — сам виноват, и слушай меня внимательно...

Майк Николсон, репортер

Итак, карета «скорой помощи» увезла разбитое вдребезги тело Грегори, и он остался совсем один.

...В последние дни Грегори, не вылазивший из трущобных кварталов в районе клонгов*, кажется, напал на след человека из «Феникса». Майк хотел было составить ему компанию, но капрал смущенно отказался:

— Понимаешь, старина, это не игра в гольф, — сказал он, и обида полоснула Майку по горлу.

И все же он не удержался и отправился, проклиная себя в душе, как шпик, следить за другом. Неподалеку от храма Арун Грегори скрылся в холле одной из третьеразрядных гостиниц.

Майк зашел в дешевую забегаловку напротив и, поглядывая на вход в отель, заказал себе пива. Получив

* Клонги — система каналов и проток в Бангкоке.

свою банку «Хайнекена», он небрежно перебрасывался фразами с двумя молоденькими проститутками, предложившими ему поиграться втроем. Цену они назначали чисто символическую, очевидно, им нужно было провести себе тест с европейцем перед выходом в центральные кварталы.

Как человек увлекающийся, Майк на время переключился на девчонок и вернулся к реальности, лишь услышав вой полицейских машин. Но он мог с точностью утверждать, что после падения Грегори никто из отеля не выходил. Впрочем, его наблюдения доморощенного детектива ничего не стоили, отель имел выход с тыльной стороны.

...После того как третий вертолет скрылся за горами, Билли Грин выбрался из своего укрытия и побрел, шатаясь, среди трупов своих товарищей, — снова прокручивал в голове Майк рассказ Грегори. — Поначалу он не обратил внимания на состояние их тел, но, когда приблизился к лейтенанту Гризли, его стало рвать. Билли был паренек не робкого десятка, но от содеянного с парнями волосы стали дыбом. Весь взвод был обезглавлен. То же самое рейнджеры проделали и с горцами.

Определив по компасу направление на запад, Билли шел весь день и всю ночь, через сутки его подобрали на рисовых чеках тайские крестьяне...

— Такие вот, Майк, гнусности случались в этой войне. — Язык у Грегори начал заплетаться. — Билли, оказывается, потом писал пять или шесть рапортов, но вместо прокурора его вызвали на медицинское освидетельствование, и тогда сержант понял, что ему впаяют на всю оставшуюся жизнь психопатство по причине применения наркотиков, а кто из нас не сосал в те времена марихуану, Майк. Без нее мы просто постреляли бы друг друга. Тот мальчишка, лейтенант Джимми Конноли, сумел докопаться до сути. Но его прихлопнули как муху, поскольку на дело наложило лапу ЦРУ. — Грегори длин-

но и нецензурно прочитал панегирик в адрес этой «славной организации».

Майк запомнил это имя — Джимми Конноли. Как и другое имя — Ву Хань. Под ним скрывался ныне бывший капитан рейнджеров Нгуен Као Зыонг.

Он брел, словно во сне, по мокрому тротуару, никак не реагируя на зазывные оклики уличных девиц, на едва ли не хватающих его за руки мальчишек-разносчиков, предлагающих сигареты, презервативы, порножурналы, колоды игральных карт, зажигалки и прочую дребедень. В эту минуту ему захотелось уехать из Бангкока, вернуться домой, на родину, в Вайоминг, где в окрестных горах сейчас лежал чистый снег, где его малышки, теперь это уже большие девочки, наперебой стараются помочь Джин запечь святочную индейку. Майк вспомнил себя молодым, озорным парнем, очень честолюбивым и в то же время очень наивным, верящим, как в боженьку, в великие принципы конституции Джеферсона. Все перечеркнула эта война, проложившая водораздел в американском обществе, она разделила его на тех, кто был «за» или «против»; на тех, кто остался верен великой американской мечте, заложенной в джеферсоновской конституции, и тех, кто эту мечту бесчестил, как дешевую уличную девку; тех, кто остался лежать без голов в русле азиатского ручья Дангрек, и тех, кто перевозил в цинковых гробах, покрытых звездно-полосатым флагом, пластиковые пакеты с героином, зашибая на этом бешеные деньги. И эта война продолжается, убивая американских парней, кого дозой героина, кого виски, кого дефолиантами, а кого и пулей или ножом в спину, вот здесь, на задворках «города ангелов», где Майк так бездарно провел лучшие годы своей жизни.

«Ко всем чертям, — подумал Майк, — пора собирать чемодан и уезжать в Европу. Есть, в конце концов, Париж, где так славно поработал в свое время Эрни, есть Лондон, есть Рим, вечный город, город архитектурных памятников и мафии. Мафия, мафия... Ты, кажется, ссу-

чился в одночасье, Майк Николсон, стоило твоему другу Грегори вылететь с десятого этажа, как ты, перетрухнув, захотел смотаться из Бангкока подальше. Мафии испугался?

Конечно, испугался, нужно быть честным хотя бы перед самим собой. Я один здесь. Если когда-нибудь мой труп обнаружат в районе клонгов, американский консул сделает кислое лицо, поскольку у него вот где сидят наши милые хиппи, «гонцы», авантюристы и пройдохи, наши педики и извращенцы, приезжающие сюда искать восточных утех и оказывающиеся в итоге где-нибудь на дне помойной ямы. Грегори прикоснулся к наркомафии, но, судя по всему, шарахнул по оголенному ее нерву, следующий выход мой. Как звали этого парня, тайца, с которым мне однажды довелось беседовать на подобные материи... Его звали Прасат Каманглек, кто-то мне говорил из наших собратьев по перу, что Прасат еще та штучка, тайный сотрудник Интерпола, хотя скромно содержит какое-то частное сыскное агентство. Нужно найти Прасата завтра же и как-нибудь хитро к нему подъехать. А потом еще есть один славный метис, который, кажется, служил в нашей армии в качестве советника у лаосских нейтралистов, потом его перекинули к Ванг Пао, о котором он однажды с таким юмором рассказывал. Он мне как-то здорово помог в подготовке очерка для «Солдата удачи». Как его звали?.. А, вспомнил, его звали Уиллис Бэрд».

ЧАСТЬ III

МОЛОДОЙ ПОСЛУШНИК СОБИРАЕТ ПОДАЯНИЕ

Кхун Са сердится

Утро, как обычно, началось с доносов. Как и у каждого восточного правителя, у него существовало множество источников, из которых ручейками стекалась информация. Ручейки сливались, превращаясь в полноводную реку жизни его беспокойной империи.

Карьера Чан Шифу, сына китайца и женщины из племени шан, началась с того момента, как он сделался начальником местной полиции в своих родных краях. Измученное постоянными вылазками повстанцев бирманское правительство разрешило создавать отряды местной самообороны, надеясь на их поддержку в своей мучительной борьбе с сепаратистами. Эти «народные ополченцы», вооруженные старыми ружьями времен британских колониальных войн, имели возможность легально пользоваться государственными дорогами, по которым ничтоже сумняшеся доблестный начальник милиционеров Чан Шифу быстренько снарядил в Таиланд несколько небольших караванов с опиумом. На вырученные деньги он закупил современное стрелковое оружие и экипировал восемьсот человек, что в шанском государстве было немалой силой. Затем он провозгласил себя борцом за избавление шанов от бирманского ига и с «бандой изменников», так теперь именовали в Рангуне вчерашних «народных ополченцев», направился на восток, где проживало племя ва, пользовавшееся репутацией охотников за черепами. Чан Шифу

подобные мелочи не волновали, зато очень сильно занимала возможность прибрать к рукам земли, на которых произрастал лучший в Бирме мак...

Два года спустя — в 1966 году — Чан Шифу вновь переметнулся на сторону правительства. Рангун простил блудного сына, выдав ему индульгенцию за прошлые грехи, лишь бы не иметь еще одну мятежную армию у себя за спиной.

Торговля опием пошла так бойко, что выгоднее стало гнать караваны по государственным дорогам, подстреливая взамен десяток-два сепаратистов из конкурирующих банд. За каких-нибудь четыре года Чан Шифу собрал под своим началом уже две тысячи дисциплинированных и обстрелянных воинов.

Примитивная контрабанда сырцом уже перестала его устраивать. Он основал первую в Шанской области лабораторию по переработке опия-сырца в морфин. Но все же девять десятых опиумных поставок из Бирмы находились в руках двух китайских генералов — Туана Шивэня и Ли Вэньхуана, командовавших соответственно 5-й и 3-й армиями гоминьдана, которые нашли прибежище на бирманской территории после того, как генералиссимус Чан Кайши потерпел жестокое поражение в борьбе с частями Народно-освободительной армии Китая. Спустя некоторое время Тайвань отрекся от строптивых остатков своих частей в Бирме, и, предоставленные сами себе, бывшие гоминьдановцы занялись контрабандой. Дисциплина и современное оружие обеспечивали им перевес над местными повстанцами. Хорошо поставленная разведка сообщала данные о предстоящем урожае и ценах на опий-сырец. Совершенная организация помогала устранять конкурентов, так что в шестидесятые годы беглецы из Китая сосредоточили в своих руках девяносто процентов бирманской торговли наркотиками. Чтобы избежать раздоров, оба генерала разделили сферы своих торговых интересов.

К этому времени набравший силу Чан Шифу потре-

бовал, чтобы каждый китайский караван с наркотиками, вступающий на землю племени ва, платил ему такую же пошлину, какую его люди вынуждены платить гоминьдановцам на пути к Таиланд и Лаос.

В один прекрасный день генералу Туану, укрепившемуся в пограничной деревушке Мэсалонг, донесли, что люди Чан Шифу скупают у местных крестьян весь урожай опия — всего около пятнадцати тонн, которые новоявленный конкурент постарается переправить в Лаос.

Пятнадцать тонн опия принесут ему полмиллиона долларов. На эти деньги Чан Шифу сможет закупить еще тысячу автоматов. Его «личная» армия возрастет таким образом до трех тысяч солдат и почти сравняется с объединенными силами обоих генералов. Допустить этого было никак нельзя. Гоминьдановцы решили устроить каравану засаду, однако не учли того, что за последние годы и горцы неплохо овладели тактикой боя в джунглях. Под прикрытием заградительного огня караван проскользнул мимо расставленной ловушки и стремительно двинулся к Меконгу. Через несколько минут приготовленные заранее джонки переправили его на лаосскую территорию.

Оставшимся с носом гоминьдановцам ничего не оставалось, как вторгнуться в Лаос. Здесь у деревушки Бан-Кван противники померились силами. Поскольку результат этого сражения мог на долгие годы определить соотношение сил в торговле опием, и китайцы и шаны не собирались уклониться от боя.

В дело пошли уже минометы и тяжелые пулеметы, потери с обеих сторон были огромны, когда над полем битвы появились истребители-бомбардировщики лаосских королевских ВВС, обрушившие бомбовый удар на обе воюющие стороны. Верховный главнокомандующий лаосской армией генерал Ун Ратикон был заправилой лаосского наркобизнеса, и груз опия, с которым шел караван шанов, предназначался для его подпольных перерабатывающих фабрик. Полмиллиона долларов, которые он дол-

жен был выложить за пятнадцать тонн опия, — огромные деньги. Сделавшись неожиданно пламенным патриотом, Ун послал к месту сражения батальон десантников. Кольцо окружения замкнули еще два батальона лаосской пехоты. Первыми на бирманскую территорию убрались шаны, оставив на поле боя двадцать восемь бойцов, пятнадцать мулов и пятнадцать тонн опия.

Гоминьдановцам, чтобы убраться восвояси, пришлось выложить «доблестному» генералу Уну Ратикону семь с половиной тысяч долларов. Кроме того, они потеряли семьдесят человек и двадцать четыре пулемета, но все равно считали себя победителями, поскольку оплеуха Чан Шифу была нанесена страшная. Через три месяца после этого сражения под его началом оставалось всего лишь восемьсот наемных солдат. Это еще не был крах, но началом конца сильно попахивало. Решив еще раз вернуться под крыло Рангуна, он на сей раз ошибся в доброте центральных властей. Блудного сына арестовали и упрятали за решетку.

«Опиумная» война 1967 года наделала много шума, и таиландское правительство, оказавшееся не в состоянии дать разумный ответ, почему на территории его страны находятся вооруженные минометами и орудиями китайцы, не нашло ничего лучшего, как объявить, что северные районы страны подверглись иностранной агрессии. А потом шум стих, поскольку в это время в Индокитае полыхала настоящая война, в которой наркотики тоже сыграли не последнюю роль.

Выйдя из тюрьмы, Чан Шифу, как человек, «потерявший свое лицо», решил обрести новое. Он берет себе бирманское имя Кхун Са и начинает теперь вести «личную войну» против всех и вся. Подняв среди шанов знамя сепаратизма, Кхун Са сколачивает так называемую Шанскую объединенную армию и, не повторяя ошибок прошлого, постепенно берет под свой контроль львиную долю производства наркотиков в «золотом треугольнике». Опираясь на 15-тысячное войско, он превратил свою штаб-

квартиру в дебрях бирманских джунглей в некий оперативный центр межконтинентальной организованной преступности. Отсюда, как утверждают агенты Интерпола, исходят приказы китайским общинам, рассеянным по всему миру.

Что такое информация? Это знания о мире. А в этом мире, где все стремятся надуть друг друга, купить подешевле, продать подороже, облить грязью достойного и пропеть хвалу подлейшему только потому, что за это платят деньги, как найти ту информацию, которая была бы равна чистотой ключевой воде в горном ручье. Нет ее в этом мире, потому что ручьи информации, стекающейся к нему, образуют потом мутные воды Меконга.

И все же свой день этот пятидесятишестилетний человек с жестким разрезом глаз начинал с выслушивания доносов.

На сей раз, выслушав первого информатора, Кхун Са отложил все последующие доносы на завтрашний день и, оставшись один, поставил на диск проигрывателя пластинку с записью «Маленькой масонской кантаты» Моцарта. Окунувшись в звуки волшебной музыки австрийского гения, Кхун Са предался размышлениям.

Лидер каренов Бо Мья в последнее время стал все больше и больше лезть в политику. Его национально-освободительная армия уже четыре года ведет тяжелые бои с рангунскими войсками. Это, с одной стороны, хорошо, потому что Рангуну не до шанов, положение которых, увы, не столь блестяще, как это изображают некоторые журналисты. Что делать? За всякую информацию приходится платить, а Кхун Са всегда был щедр, потому что в мифах о нем, создаваемых журналистами всего мира, Монте-Кристо из джунглей находил хоть небольшое утешение в своей весьма ординарной жизни. Пусть, пусть они пишут о дюжине его жен и любовниц, о его чрезмерной жестокости — видите ли, он, оказывается, велел четвертовать личного парикмахера за то, что последний имел неосторожность его оцарапать. Идиоты! Парикмахер

продался людям Мохинга, стал шпионом в святая святых. Если бы не ручейки информации, стекавшиеся к нему, кто знает, на сколько времени он бы задержался в Банхинтаэке в том памятном 1982 году. Тайцы тогда снарядили тридцать девять человек, облачив их в туристские костюмчики сафари, под которыми они попрятали маленькие, как жало скорпионов, «узи». Большая была потеха, потому что тайцы так все засекретили, что, когда моя охрана перехлопала с десяток этих «туристов», а остальные бросились наутек, пытавшихся спасти их коммандос остановила своя же пограничная патрульная полиция. Потом они принялись бомбить мою резиденцию, но Кхун Са знал об их планах еще тогда, когда директор отдела армейских операций Чавалит Йонгчают поставил на карте последнюю стрелку.

Но тут дело другое. Бо Мья, вот что меня сегодня беспокоит, размышлял Кхун Са.

Человек он никчемный, хотя и командует армией едва ли не меньше моей. Но все они рвань... Шакалы, питающиеся падалью после охоты тигра. Бо Мья рассовал своих людей во все правительственные учреждения Рангуна и в армию, пытаясь расшатать режим Не Вина изнутри. И пусть бы себе лез в политику, вербуя в свои ряды сопляков-студентов, напичканных идеями великого кормчего, но он осмелился замахнуться на Кхун Са, который один в джунглях может произвести десятка два государственных переворотов и опрокинуть десяток правительственных кабинетов, поскольку располагает информацией и героином.

Бо Мья решил начать игру с ЦРУ и этим тщедушным полудурком Ванг Пао, но он забыл, что карены никогда не держали ключей от лаосских ворот, а вот шаны героически дрались под Бан-Кван.

При воспоминании о событиях 1967 года настроение у Кхун Са окончательно испортилось. Он вызвал начальника разведки. Невысокий худощавый китаец с седым ежиком коротко остриженных волос и проницательными

глазами остановился у дверей бунгало, не смея нарушить музыкальный отдых босса. Кхун Са снял пластинку с диска проигрывателя и бережно положил ее в пакет.

— Ты выяснил судьбу каравана с жадеитом? — спросил он жестко.

— Караван взяли рейнджеры 3-й дивизии, руководил операцией майор Мау Ают. Он связан с Бо Мья. Наши люди были посланы привезти его сюда для дачи показаний, но, как выяснилось, майора застрелил в Чёнгтуне армейский сержант из того взвода, что брал караван. Товар исчез, поскольку Мау Ают выгрузил его из вертолета на «джип», водитель которого, как нам сообщили, внезапно умер от острой диареи. Я предполагаю, что сержант был подельником Мау Аюта, но проникнуть к нему пока не удалось. Его держат в следственном изоляторе гарнизонной тюрьмы Мандалая.

— Сержанта доставить сюда. Живым. Мы должны получить товар обратно. Кто навел на караван?

Начальник разведки напряженно молчал.

— Я спрашиваю, кто знал о караване?

— Я, — ответил китаец, тяжело сглотнув. — Охрана каравана. Господин Фао Мин в Чиангмае и...

— И...?

— Ваш дядюшка Кхун Саэнг. Он попросил отправить с караваном двух химиков для лаборатории Лао Су в провинции Чиангмай. Эти парни недавно прибыли к нам из Гонконга. Считаю, их связи с конкурентами исключены.

— Любезный Вэнь, вы не имеете права считать, вы имеете право знать, ваша информация должна быть окончательной. С дядюшкой я поговорю сам, парней из Гонконга проверить до третьего колена, а что касается Фао Мина...

Кхун Са неподвижно уставился в прелестное импрессионистское «ню», висевшее на стене напротив. Легким, почти незаметным движением он метнул нож, лезвие ко-

торого мягко вошло под левый сосок прелестной натурщицы.

— Пошел вон, — бросил он начальнику разведки, и дверь бесшумно закрылась за его спиной.

Бангкокские клонги

Раскаленный диск солнца стремительно тонул в мутных водах Чао-праи, и через несколько минут темнота поглотила хаотическое скопление кое-как сколоченных из ящиков и ржавого листового железа жалкого подобия жилищ, прилепившихся к грязным берегам проток и большой реки. В Бангкоке несколько десятков каналов-клонгов прорезают город по многим направлениям. Эта азиатская Венеция привлекает туристов, правда в дневное время, и является сущим бичом для городских властей и прежде всего полиции. В районах клонгов живут обездоленные, отчаявшиеся, изуверившиеся люди, которым никогда не выбраться из замкнутого круга проклятой бедности.

Вечером европейцам лучше сюда не соваться. Клонги темны, молчаливы и настороженны. Если днем жизнь протекает здесь на виду у всех, — на узких улочках этих «бидонвилей» люди торгуют, готовят пищу, умываются и даже отправляют естественные надобности, — то с наступлением сумерек клонги замыкаются, как моллюски в своих раковинах. Притихают неугомонные ребятишки, намаявшиеся за день в тщетной суете добывания пары батов *, которыми многочисленные семейства пытаются свести концы с концами; поклонившись изваянию Будды, впадают в сонное оцепенение отцы семейств, чтобы завтра ни свет ни заря окунуться в раздобывание риса насущного, лишь лихие парни бесшумными тенями скользят вдоль заснувших берегов... Порою донесется полусдавленный крик да раздастся плеск воды, схоронившей в

* Бат — денежная единица в Таиланде.

своих мутных глубинах еще одного «падшего ангела» этого — увы! — неангельского города.

Прасат Каманглек крутил руль своего старенького «фольксвагена», с такой уверенностью маневрируя в этом скопище лачуг, что можно было подумать, а не местный ли он? Автомобиль в клонгах редкий гость, и створки раковин стали приоткрываться. То тут, то там замелькали печальные огоньки коптилок, из глубин трущоб за машиной наблюдали десятки пар настороженных глаз.

— Приехали, — сказал Прасат, мягко притормозив возле большого дощатого сарая, сквозь щели которого пробивался неяркий свет. — Прошу тебя, Майк, что бы ни произошло, положись на меня, а главное, не вступай ни с кем в разговоры. Публика здесь отчаянная, и нож в ребро входит в этих местах с удивительной легкостью. — Прасат сунул в карман просторных полотняных брюк маленький полицейский «бульдог».

Они вошли в сарай, оказавшийся изнутри гораздо просторнее. Несколько ламп с экзотическим названием «летучая мышь» отбрасывали тревожные тени по стенам. За грубо сколоченными столиками сидели десятка два мужчин, курили и пили пиво. Несколько человек метали колоду, и при виде двух нежданных гостей лица игроков приняли угрюмое выражение плохо скрытой враждебности. Прасат, не обращая внимания на столь нерадушный прием, небрежно прошел к буфетной стойке, за которой пожилой вьетнамец о чем-то тихо беседовал с толстым молодым человеком в яркой рубашке и сампоте — куске ткани с декоративным узором, обмотанном вокруг его жирных чресел.

— Добрый вечер, Хынг, — сказал Прасат с такой радостью, словно встретился после долгой разлуки с близким ему человеком.

— Здравствуйте, господа, — ответил пожилой хозяин заведения без особой приветливости. — Желаете чего-нибудь выпить?

— Да, Хынг, только боюсь, что у тебя не будет моего любимого «Клостера».

— Отчего же. — Вьетнамец кивнул молодому человеку, и тот, скрывшись на минуту за ширмами, вернулся с двумя бутылками пива. Хозяин между тем, напряженно поглядывая в зал, протер полотенцем стаканы и бросил в каждый из них по приличному куску льда.

Прасат и Майк сели за отдаленный столик, и таец поманил пальцем одного из игроков в карты, молодого человека с испитым лицом, обезображенным к тому же шрамом, надвое рассекшим его губы. От этого выступающие сильно вперед резцы придавали ему сходство с крысой, щерящей свои зубки. Бросив карты и шепнув что-то партнерам, малый неохотно подошел к столику незваных гостей.

— Нан, — Прасат посмотрел на парня немигающим взглядом своих пронзительных карих глаз, — вчера на Чанбури-роуд взяли кассу у одного весьма уважаемого ресторатора. Мне до этого, конечно, никакого интереса, а вот полиция с ног сбилась. Свидетели, а ты знаешь, Нан, в любом деле всегда сыщутся свидетели, видели, что вокруг ресторанчика в последнее время крутились какие-то вьетнамские бродяги. У одного была очень запоминающаяся рожа. Полиция изготовила фоторобот, так что мой тебе совет: поживи пока на лодках, а то лучше смени наш климат.

— Дешевый трюк, инспектор. — Нан гнусно ухмыльнулся. — На Чанбури меня не было, поищи дураков в другом месте, а вообще, проваливал бы отсюда, легаш, вместе с этим «фарангом» *, а то не ровен час...

Майк, приподняв голову от стакана с пивом, видел, как напряглись лица игроков в карты, которыми они перебрасывались только для видимости. Куда-то бочком просеменил толстый прислужник.

---

* «Фаранг» — презрительное прозвище европейцев в Таиланде.

— Допустим, Нан, допустим, что в нашем городе есть много уродов с подпорченными губками. — Прасат безмятежно обвел глазами вьетнамский притон. — Только очень часто они крутятся там, где случаются преступления. Например, возле гостиницы поблизости от храма Арун, из окна которой выпал американец с ножом в спине.

Вьетнамец насторожился.

— Чего тебе нужно, легаш? — заорал он вдруг не своим голосом. — Ты что, получаешь баты от Ханоя, преследуя несчастных офицеров Тхиеу? Клонги умеют скрывать чужие тайны.

Прасат опрокинул столик на Майка, и тот свалился на пол, больно стукнувшись лбом о край табуретки. В стене напротив того места, где он только что сидел, торчал нож.

— К машине, Майк, — закричал Прасат, несколькими выстрелами гася «летучие мыши».

В это время Майк ощутил у себя на шее чьи-то цепкие пальцы, больно сжавшие его кадык. Его обдало мерзким запахом гнилых зубов, левый бок обожгла боль, и он провалился в небытие.

Когда Майк открыл глаза, то увидел, что лежит на диване в уютной и чистой квартире Прасата. Кондиционер мерно гнал благословенную прохладу, и только боль в шее и боку давала знать о пережитом происшествии. В комнату вошел Прасат, красуясь здоровенным синяком под глазом и слегка прихрамывая.

— Говорил я тебе, что не стоит лезть в этот змеевник, — сказал он без всякой досады в голосе. — Отправились бы мы с тобой дорогой твоего дружка Грегори, не появись на нашу с тобой удачу один твой приятель.

— Какой еще приятель? — Майк болезненно сглотнул слюну. — Ты же знаешь, что, кроме Грегори да тебя, у меня в Бангкоке не было друзей.

— А он и не из Бангкока, — сказал Прасат, — однако какой молодец. Мы тут с ним часа четыре говорили,

пока ты приходил в себя после бангкокских клонгов. Этот парень рассказал мне столько интересного, что, будь я писателем, тут же уселся бы создавать книгу. Кстати, и второй наш гость до того, как мы сдали его в полицию, тоже поведал забавные криминальные истории. Мы ведь щербатого выкрали из этого проклятого салуна, а здесь он раскололся, как устрица на солнцепеке. Но если бы не Май, гнили бы с тобой в клонге, а это так омерзительно. Май, — позвал громко Прасат, — поди сюда, дружище.

В комнату вошел молодой послушник с бритой головой. Гордое тонкое лицо юноши в сочетании с шафрановым одеянием буддийского бигкху делало его похожим на молодого патриция в римском сенате.

— Здравствуйте, господин Николсон, — сказал вошедший. — Вам трудно меня припомнить. Меня зовут Бо Май, а моего отца звали Бо Ну.

Господин Фао Мин размышляет

Совершив обычный утренний обход своего торгово-увеселительного хозяйства, господин Фао Мин вернулся к себе в просторный двухэтажный особняк, расположенный на одной из тенистых улочек города. Взметнувшееся вверх солнце еще не успело осушить капли воды на лепестках роз, гладиолусов, гвоздик и львиного зева. Цветы придавали газону перед домом вид красочного пушистого восточного ковра и были предметом особой заботы и любви господина Фао Мина, поскольку радовали его глаз и отвлекали от набегавших порою нехороших мыслей о суетности и бренности этого мира. Господин Фао Мин в последнее время все чаще возвращался к мысли, что пора бы отойти от дел и покинуть этот славный цветочный город, тем более что в одном из сингапурских банков у него хранился весьма приличный капиталец, одни проценты с которого позволили бы господину Фао Мину без-

бедно прожить много десятков, а если было бы можно, то и сотен лет.

Но господин Фао Мин знал то, чего не знали многие, для кого он был здесь, в Чиангмае, боссом китайской мафии. В его тайном подчинении находились такие могущественные люди, как Лао Су, руководивший пятью центрами по производству наркотиков в провинции Чиангмай. Этот китаец, приговоренный к смерти тайским правосудием, сумел в 1977 году бежать из госпиталя, где находился для лечения глаз, хотя, казалось бы, зачем ему в ином мире хорошее зрение. Теперь уже полиция, уподобившаяся слепому котенку, больше десяти лет разыскивает Лао Су, работающего буквально у нее под боком. С мнением господина Фао Мина считается и Пая Джа-эу, лидер так называемого «народно-освободительного фронта Лаху», насчитывающего несколько тысяч вооруженных сепаратистов, представляющих очень неприятный фактор для таиландской армии. Пая Джа-эу через своих людей в Чиангмае управляет сетью казино и осуществляет операции по продаже алкогольных напитков. Человек своенравный и необузданный, Пая вступил в спор с Кхун Са, когда последний попытался распространить влияние на эту беспокойную пограничную провинцию. После того как стороны обменялись «приветственными» выстрелами, в результате которых было убито десять-пятнадцать человек, шаны отступили.

Перед господином Фао Мином поджал свой облезлый хвост даже гнусный пес Мохинг, предводитель воинства, пышно именуемого «шанская объединенная революционная армия». Его четыреста оборванцев — «революционеров» заняты в основном тем, что обирают местных крестьян, заставляя платить дань опием.

К счастью для него, все эти люди, видевшие в господине Фао Мине тесного партнера самого «опиумного короля» и склонявшие пред ним свои могущественные шеи, не знали, что сам господин Фао Мин тоже может гнуть спину перед теми, кто, будучи уважаемыми людьми это-

го общества, владельцами концернов и корпораций, благообразными и почтенными отцами семейств, любящими дедушками, брезгливыми чистюлями, играющими в теннис и гольф, восседающими в президентских креслах транснациональных компаний, был связан незримыми ниточками с преступным миром, простиравшимся от джунглей ЮВА до золотистых пляжей Лос-Анджелеса. Они, незримые владыки, дергали за эти ниточки как искусные кукловоды, и казалось, что куклы на сцене живут сами по себе, ну совсем как живые.

Господин Фао Мин — босс провинциального масштаба, а может быть, и рангом повыше, кто знает, был все же куклой на этой сцене жизни, так же как и всемогущий «опиумный король». Кукловоды сидели очень высоко в своих офисах в Гонконге, Сингапуре, Тель-Авиве, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Лондоне и Амстердаме.

Была и еще одна страшная тайна у господина Фао Мина, хотя она временами и повергала его в дрожь, но временами и утешала, поскольку тогда тщеславный «сюцай» начинал чувствовать некую свою значительность: вот уже больше двадцати лет господин Фао Мин был резидентом ЦРУ в городе Чиангмае.

Прасат Каманглек, частный детектив

Прасат Каманглек, тридцати четырех лет от роду, был, что говорится, сыщиком от бога. Знакомые Прасата, то ли шутя, то ли всерьез, утверждали, что этот человек совмещает в себе мудрость змеи, отвагу тигра и познания Ганеши *. Начав свою карьеру рядовым полицейским, Прасат уже через четыре года становится старшим инспектором отдела по борьбе с бандитизмом в бангкокской муниципальной полиции. Если учитывать ту степень коррупции, которая проникла буквально во все клетки этого уважаемого заведения, и то, что никакой лапы у

* Ганеша — в индуистской мифологии считается богом мудрости и устранителем препятствий.

Прасата не было, его стремительный взлет объяснялся лишь тем, что все щекотливые дела, на которые тут же зарилась хищная столичная пресса, поручали расхлебывать молодому Каманглеку, который, казалось, умел заглянуть и под землю и под воду. На самом же деле начинал инспектор с того, что внимательнейшим образом изучал детали, стараясь пропустить через сито своих знаний преступного бангкокского мира любую мелочь. «Преступник все равно где-нибудь да наследит», — любил повторять молодой сыщик, с упорством буйвола разматывающий хитросплетения очередного дела. Его несколько раз жестоко избивали, пытались подкупить и по-крупному, дважды покушались на убийство, но Прасат был везучим, и его стали по-настоящему бояться. Все же ему отомстили. Девушку, к которой Каманглек был неравнодушен, нашли изнасилованной, с перерезанным горлом и издевательской запиской «Прости, легаш», в квартире одного из строящихся высотных домов.

Инспектор вышел на след убийц, двух юных наркоманов, которых он обнаружил в принадлежащей одному из насильников лачуге. Правда, это уже были два окоченевших трупа, поскольку в героин, которым они воспользовались в последний раз, был предусмотрительно подмешан яд. Прасат начал копать дальше, но всякий раз находил трупы. По мере того как количество убийств росло, инспектор начал мрачнеть. За спиной его прозвали «ангел смерти», а руководство отдела как-то в открытую предложило ему бессрочный отпуск.

Прасат, не раздумывая, подал в отставку, а месяца через два бангкокские газеты наперебой описывали загадочную смерть одного крупного строительного подрядчика, застрелившегося в своем офисе на тридцатом этаже делового здания на проспекте Рамы IV.

Наиболее проницательные газетчики раскопали связи респектабельного бизнесмена с наркомафией, чьи денежки он трудолюбиво отмывал, вкладывая их в выгодные строительные подряды. Разразился скандал, затронув-

ший некоторых высокопоставленных сотрудников правительственного кабинета, однако все грехи в итоге навесили на самоубийцу. Прасат, к которому было кинулись журналисты, отвечал всем, что его эта грязь не интересует. А приятелям из полиции стало известно, что Каманглек несколько раз посещал офис на Рама-роуд, но они тактично прошли мимо этой детали.

Отставной полицейский занялся частным сыском, который приносил ему неплохой доход, но услуги, оказываемые им богатым клиентам, не желавшим фигурировать на полосах газет в разделах полицейской хроники и прибегавшим потому к помощи молчуна Прасата, были надводной частью айсберга. После трагической гибели любимой Прасат поклялся до смерти вести войну с наркомафией и, хотя понимал, что это занятие сродни вычерпыванию моря чайной ложкой, сделался одним из самых ценных тайных агентов Интерпола в Бангкоке.

При его негласном участии сотрудникам отдела по борьбе с наркотиками итальянской полиции удалось арестовать в Бангкоке одного китайца с сингапурским паспортом, который был ключевой фигурой в цепочке быстро растущей торговли героином, которую курировала сицилийская мафия. Но сингапурец был все же рядовой пешкой в большой игре, и Прасат понимал это. Он решил поохотиться за более крупным зверем.

К визиту Майка Прасат поначалу отнесся не слишком серьезно, однако после совместной поездки в клонги в голове частного детектива начала вырисовываться одна прелюбопытнейшая комбинация.

Щербатый ублюдок, которого Прасат в доходчивой форме просветил о наказании за соучастие в убийстве американского гражданина, выложил все, что ему было известно. Правда, известно ему было немного. Ву Ханю предложили интересную работу за рубежом, в связи с чем он срочно убыл на автобусе в Чиангмай. Прасат двинул «меченого» так, что тот заревел от боли.

— С каких это пор из Чиангмая стали выезжать за границу? — Прасат потирал костяшки на руке.

— Клянусь, инспектор, он укатил в Чиангмай. Я сам тащил его чемодан до автовокзала. И стоял до отправления автобуса...

— Чтобы помахать ручкой?

Нан обреченно сглотнул слюну. Двадцать лет тайской тюрьмы за соучастие в убийстве, после того как Ву Ханя вздернут на веревке, пересилили страх перед местью страшного сайгонского офицера.

— Там его должен был встретить какой-то знакомый китаец. Очень важный человек. Он все устроит. Хань не хотел с ним встречаться, потому что он боится этого китайца, но человек, который пообещал Ханю работу, еще страшнее.

— А где живет этот вампир? Только не говори, что ты не плелся вслед за своим хозяином Ханем на эту встречу, так же как не был неподалеку во время убийства американца.

Вьетнамец испуганно покосился на кулаки Прасата и сказал:

— Беседа проходила в «Лидо».

Прасат тут же засветил ему во второй раз, отчего Нан разразился рыданиями.

— Я клянусь вам, клянусь, клянусь...

Вьетнамец принялся целовать ботинки полицейского.

— Они беседовали в «Лидо». Этот человек, я потом видел его, когда он садился вместе со своим американским дружком, хозяином «Лидо», в красный «форд-фалькон» — он метис. Ву Хань боялся даже произнести его имя.

Прасат посмотрел на опухшую от ударов физиономию вьетнамца, взял его за шиворот и, вытащив из дома на улицу, сдал ближайшему полицейскому.

— Мелкий воришка, пытался залезть ко мне в карман и к тому же имел при этом наглость оказывать сопротивление. — Прасат показал на синяк под своим гла-

зом. — Думаю, этот оборванец сбежал из лагеря вьетнамских беженцев, которых мы здесь содержим как клопов на свою голову. Разберись с ним. — Прасат показал полицейскому свой жетон. Возмущенный блюститель порядка с огромным душевным вдохновением огрел вьетнамца дубинкой так, что тот свалился на покрытый кафельной плиткой тротуар. Через несколько минут вызванная им патрульная машина увезла Нана в полицейский участок.

А Прасат, вернувшись домой, достал из холодильника бутылку с апельсиновым соком и, разлив его в два стакана, вошел в кабинет, где Бо Май изучал названия книг, стоявших на стеллажах начитанного сыщика.

— Да, дружище Май, как сказали бы древние тайцы, будь они римлянами: «Все дороги ведут в Чиангмай».

На ловца и зверь бежит...

— Дорогой Майк, куда это вы запропастились, я уже было подумал, что вас порядком утомил наш славный, но душный «город ангелов» и вы решили вернуться в Штаты. Там ведь сейчас зима, а в Вайоминге, откуда вы, кажется, дивные лыжи, не правда ли?

Уиллис Бэрд проявлял завидную осведомленность о своем собеседнике.

— Да нет, дорогой Уиллис, меня пока еще не тянет в родные места. — Майк говорил сдавленным голосом — давала еще знать о себе потасовка в трущобах. И это не ускользнуло от внимательного взгляда разведчика.

— Вы простудили горло, Майк? В этой жаре очень опасно пить охлажденные напитки, хотя куда без них денешься. Кстати, — Уиллис плеснул виски в два стакана, — вам, наверное, не нужно бросать кусочек льда.

— Можно, — сказал Майк, — а горло у меня болит по иной причине. Меня хотели придушить вьетнамские бродяги.

— Вот как? — вскинул свои черные брови Уиллис. — Попытка ограбления?

— Да нет, похуже, — сказал Майк.

Уиллис сделал вопросительный взгляд.

— Видите ли, Уиллис, — сказал Майк, — я сейчас провожу одно небольшое журналистское расследование, касающееся маленького, но очень трагического эпизода нашей войны в Индокитае, но есть люди, очень в этом не заинтересованные. Здесь недавно погиб мой друг, которому всадили нож в спину только за то, что он пытался отыскать одного страшного подонка.

Уиллис слушал с вежливым интересом, но не более того. Майк оценил его профессиональную выдержку.

— Впрочем, я думаю, что это не суть важно, — продолжал Майк, — поскольку покушения на журналистов давно перестали быть сенсацией в нашем беспокойном мире. Я к вам с просьбой, Уиллис.

— Всегда готов помочь, Майк, вы же знаете, что я один из поклонников вашего таланта. Репортажи в «Эсквайре» приводили меня в сущий восторг, так писал разве что Хемингуэй из Испании, а еще Андре Мальро * после поездки в Индокитай. Он, кстати, очень привечал наши края, пока его не попутал бес в Ангкоре, откуда Мальро пытался увезти в качестве сувенира парочку изящных горельефов с изображением небесных танцовщиц Индры. Итак, чем могу служить?

— Вы ведь в свое время были в Лаосе, Уиллис. Помните, вы еще так забавно рассказывали о мятежнике Ванг Пао, которому не давала покоя громкая и скандальная слава Чан Шифу. Но меня не интересует сейчас генерал, который, кажется, нашел себе наконец покой в нашей тихой Монтане. Мне стало известно, что один американский взвод каким-то совершенно непонятным образом очутился в районе плато Боловен в Лаосе и, веро-

* Андре Мальро — известный французский писатель, совершивший в 20-е годы поездку в Индокитай, автор романов «Завоеватели» и «Королевская дорога».

ятно, наткнулся на варварское племя охотников за человеческими головами, поскольку все до единого трупы американцев были обезглавлены. Эта история очень занимает меня, поскольку может стать очень громким журналистским материалом, а в моем положении...

Уиллис смотрел на Майка с нескрываемым интересом.

— Так вот, дорогой Уиллис, — Майк выпил виски и поставил стакан на столик, — я пытался выяснить, что за варварские племена обитают в районе плато Боловен, но мои встречи с этнографами оказались безрезультатными. Кончилось тем, что один весьма уважаемый профессор посоветовал мне обратиться за консультацией к Фрэнсису Форду Копполе *, поскольку уверен, что охотники за черепами — это изобретение хитрого дьявола Чан Шифу, который стращал кроткими горцами простодушных китайцев. Я понимаю, что мой вопрос может вызвать и вашу улыбку, — продолжал Майк, поскольку его собеседник не стремился заполнить паузы, — но, может быть, в окружении Ванг Пао кто-нибудь встречался с подобными дикими проявлениями. Мне известно также, — Майк сделал еще одну паузу, которую Уиллис заполнил разливанием виски по стаканам, — что вместе с американцами там были обезглавлены горцы-мео, которые шли с караваном наркотиков.

— Откуда вы взяли весь этот бред, Майк, — не выдержал наконец Уиллис. — Поверьте, я думал, что уж вы после ваших жестоких репортажей не клюнете на эту дешевку, сочиненную каким-нибудь спившимся лаосцем, которые могут наплести вам сказки и пострашнее этой, лишь бы вы поставили перед ним стакан пальмовой водки.

— Я ожидал вашей реакции, Уиллис, и нисколько не обижаюсь на вас потому, что история эта дика до неправдоподобности, но я слышал ее из уст лейтенанта Джейм-

* Фрэнсис Форд Коппола — американский кинорежиссер, постановщик фильмов «Крестный отец» и «Апокалипсис наших дней».

са Коннoли, расследовавшего одно дело об убийстве американского сержанта, которого прикончили в сайгонском отеле «Феникс» ножом в спину, точно так же, как несколько дней назад убили ножом в спину в Бангкоке одного американского капрала. На свою беду, этот малый разыскивал убийцу из отеля «Феникс».

Глаза Уиллиса светились нежным покровительственным светом. Так отец смотрит на любимое напроказившее дитя, которое стоит перед ним в ожидании порки.

«Дитя» допило виски и приготовилось уйти. И тут «любящий отец», еще раз с нежностью взглянув на Майка, предложил:

— Дорогой Майк, я понимаю, что вопрос может быть очень интимный, но насколько мне известно, вы живете в Бангкоке, не имея постоянной женщины. Когда мужчина очень долго не имеет женщины, с ним происходят странные аберрации. Давайте сходим в «Лидо» к моему приятелю Джону Мак Кизи, парню беззаветно храброму в годы войны и беззаветно мужественному в годы мира. — На лице Уиллиса появилась загадочная тайская улыбка.

У Ни

О, эта волшебная восхитительность женщин Востока, близость которых не чувствуешь, а растворяешься в них. Они — как прохладная вода океанского прибоя, качающего тебя на своих волнах и остужающего твое обожженное безжалостным солнцем тело, исстрадавшееся по этому прохладному прикосновению. Они безмолвны и нежны, покорны и недосягаемы в своей таинственности, они малы и беззащитны, но вот ты неосторожно упал с гребня волны, и она безжалостно закрутила тебя в своем соленом и больно хлещущем водовороте, и ты опрокинулся в бездну, из которой, кажется, уже не выберешься, утратив понятие, где верх и где низ, и гибель уже близка, вот она совсем рядом, свет померк, и в этот момент волна выпус-

кает тебя из своих объятий, выбрасывая на мокрый песок кромки безбрежного пляжа. И только в ушах звенит и звенит...

А потом все звуки погасли, и Майк лежал, вытянувшись на прохладных простынях, опустошенный до самого дна и весь исполненный благодарности к тихому существу, которое еще несколько секунд назад было волной океанского прибоя.

Он повернул голову и наткнулся на кричащий взгляд огромных карих глаз. Волна разбивалась о бетонный пирс недопонимания, становилась мириадами брызг, которые сию же секунду слижет ветер.

Майк уронил голову на подушку, но ощущение немого крика девушки застряло в его груди.

— Мы предоставим нашему редкому гостю лучшую орхидею Севера, — радушно улыбаясь, говорил Джон Мак Кизи, когда они с Уиллисом приехали в «Лидо». — Она молчалива и прекрасна, как нежный цветок гор, перед которым блекнет даже упоительная красота утреннего лотоса, пронизанного первыми лучами солнца. Но будь осторожен, Майк, она дика и способна на опрометчивые поступки. Впрочем, парень, прошедший ад индокитайских джунглей вместе с солдатами, должен быть достойным партнером.

Они выпили несколько порций виски, и на Майка накатила задорная удаль, вполне уместная в подобном заведении. «Лидо» был подпольным борделем высшего пошиба. Роскошно одетые мужчины и женщины сидели в огромном полутемном зале, пресыщенно наблюдая змеиные извивы смуглых обнаженных тел, сплетающихся на слегка подсвеченной снизу сцене в огромный клубок, затем волшебным образом распадающийся на множество маленьких изящных, словно выточенных из мыльного камня фигурок.

«Лидо» был заведением для очень богатых людей, и Майк, в своих застиранных джинсах и линялой рубашке, гляделся серой вороной среди королевских особей. Но хо-

зяин «Лидо» был сама любезность. Лучший столик вблизи эстрады, десятилетний «Чивас ригал», очаровательные прислужницы...

«Нет, — подумал Майк, — еще не перевелись парни, которым дороги мои репортажи с той далекой войны. Они еще уважают старого фронтового репортера». Самодовольство и хмель заставили его позабыть наставления Прасата, с которыми он входил в контору Уиллиса. Бэрд, щедро подливавший ему виски в стакан, оглядывал зал рассеянным взглядом.

— Пора, Майк, — сказал он, неожиданно встав, — пир для нас готов в другом месте, а это, — он показал на стакан, — делает мужчину слабым...

Взгляд кричащих глаз сделался невыносимым. Майк потянулся рукой к пачке сигарет.

— Как твое имя, орхидея Севера? — спросил он и тут же вспомнил, что девушка не говорит по-английски.

Но неожиданно услышал тихий голос, произнесший:

— У Ни.

— Странное имя, — сказал Майк, и тут же в его голове что-то щелкнуло. «Не может этого быть, — подумал он, — это выглядит еще похуже, чем история, рассказанная сержантом Грегори. Та девушка должна находиться в Чиангмае».

Но профессиональный рефлекс репортера уже подтолкнул его к следующему вопросу:

— Такие имена носят бирманские девушки, и я слышал об одной из них.

Рука У Ни легла на его грудь.

— У нее был отец, сержант Бо Сенг.

Кажется, он, как дантист, угодил по самому нерву больного зуба, потому что девушка отпрянула от него, отскочив в угол широченной кровати.

— Почему был? — спросила она по-английски, хотя в волнении Майк не заметил этого.

Майк замялся. В следующую секунду девушка впи-

лась своими маленькими, но цепкими пальчиками в его плечи.

— Почему был? Что произошло с отцом?

Майк вскочил с кровати и начал натягивать джинсы. Неожиданно пол поплыл под его ногами, и он снова упал на кровать.

— Потому что, потому что, — язык репортера начал заплетаться, — он убил одного китайца и себя вместе с этим подонком.

Девушка пронзительно закричала, но Майк уже не слышал этого крика.

Зато его прекрасно слышали Уиллис Бэрд и Джон Мак Кизи, расположившиеся в специально оборудованной комнате, откуда прослушивалась небольшая гостиница, служившая для специального времяпрепровождения клиентов клуба «Лидо». Заведение Джона было хитрой лавочкой.

— И что ты собираешься предпринять? — спросил Джон с тревогой, поскольку никак не ожидал подобного поворота событий.

— Сценарий все тот же — героин, — сказал Уиллис жестко.

— А девчонка?

— Где ты ее откопал? Вот уж поистине редчайший цветок в твоей коллекции.

— Ее прислал мне «сюцай», который почему-то побоялся держать эту горную газель в Чиангмае.

— Не зря говорят — бойся данайцев, дары приносящих, — сказал Уиллис и поглядел на Джона так, что приятель поспешил потупить глаза.

— Надеюсь, она колется? — спросил Уиллис, хотя вопрос был чисто риторический. Преступные сообщества приучают проституток к наркотикам, едва девушки становятся на эту стезю. Привычка к одурманивающим ядам превращает прелестную девушку в сговорчивую машину по добыванию денег. Героин упрощает дело — отпадает необходимость в насилии и уговорах.

— Сейчас ей понадобится героин, — продолжал Уиллис, — очень хорошая доза, которая даст ей успокоение.

...Когда Майк наконец очнулся со свинцовой головой, он долго не мог понять, что с ним. В дверях номера стояло несколько полицейских, криминалисты, несколько раз отснявшие обнаженный труп девушки на полу, наконец набросили на него простыню.

— Вставайте, господин Николсон, — сказал ему незнакомый полицейский инспектор, очевидно курирующий заведения подобного типа. — У меня есть ордер на ваше задержание.

Прасат Каманглек поучает молодого бирманца

Прасат, ушедший с вечера на поиски исчезнувшего Майка, возвратился домой лишь к десяти утра. Стремительно ворвавшись в квартиру, он подошел к большому зеркалу на стене и, придирчиво оглядев свое лицо, на котором синяк под глазом постепенно обретал бледно-лиловый оттенок, неожиданно сделал несколько быстрых выпадов руками и ногами рядом с зеркалом. Очевидно, Прасат давно находил в этом разрядку, поскольку стена вокруг зеркала была предусмотрительно оббита джутовыми ковриками, смягчавшими жестокие удары раздосадованного детектива.

Потом он прошел на кухню, где наскоро приготовил суп из рисовой лапши с курицей, что-то напевая себе под нос. Накрыв стол на две персоны, Прасат прошел в кабинет, где молодой бигкху старательно изучал книгу джатак, постигая учение Просветленного.

— Отрешаешься от мирской суеты? — Прасат постарался выдавить безмятежную улыбку.

— Где господин Николсон? — Бо Май с волнением посмотрел на вошедшего сыщика.

— Дорогой мой дружище Май, — сказал Прасат наставительно. — Что тебя погубит, так это неумение скры-

вать свои эмоции. Вместо того чтобы погрузиться в углубленное изучение жизнеописаний великого Будды, сумевшего подавить в себе жалкую бреность этого мира, ты пялишься в книгу, а думаешь только о том, где это всю ночь куролесили господин Николсон и его глупый тайский приятель. Так нельзя, дорогой друг, ты должен стать бесстрастным наблюдателем, и взгляд твой должен быть постоянно отрешен, погружен в себя, хотя ты обяшего подавить в себе жалкую бренность этого мира, ты постигнешь эту мудрую науку, я смогу отпустить тебя в Чиангмай. А пока я должен поддержать едой твою плоть, тем более что накормить с утра монаха — значит совершить богоугодное дело. — Изменив своей привычке пить по утрам только апельсиновый сок, Прасат вытащил из холодильника две бутылки «Клостера» и наполнил пивом тут же запотевшие снаружи стаканы.

— Майк сейчас находится в полицейском управлении, после чего будет доставлен в тюрьму, — сказал он так, словно бы констатировал, что на улице в это время до безобразия безоблачное небо. Бо Май выслушал новость не шелохнувшись, лицо его было спокойным, и он продолжал пить мелкими глотками холодное пиво.

— Отлично, Май, — сказал Прасат и кручено выругался. — Уиллис Бэрд выиграл этот раунд. Нашему другу грозит... Знаешь, у нас очень крутые меры в отношении наркотиков не только к тайцам. Пойдя навстречу требованиям западных стран положить конец торговле наркотиками, наши законодатели постановили, что всякий, кто будет признан виновным в хранении более ста граммов героина, может быть приговорен к смертной казни. А потребление опиума карается тюремным заключением на срок до десяти лет.

— Но господин Николсон никогда не употреблял наркотиков. — Взгляд Бо Мая был направлен куда-то в стену. Казалось, его больше занимает муха на стене, чем судьба Майка.

— Великолепно, Май, — сказал Прасат и выругался

еще более замысловато. — Его погубило пристрастие к виски. Очевидно, Бэрд сумел нащупать его больную мозоль и наступил на нее так, что Майк только завизжал и пустился во все тяжкие. Как я понял, у него все же хватило остатков трезвого ума промолчать насчет одного бангкокского частного детектива, иначе бы возле моей конторы, да и здесь уже крутились бы сомнительные парни Уиллиса. Тем не менее полиция взяла Майка с десятью пакетиками героина в карманах. Дело, однако, обстоит еще хуже. В частном пансионате, который, по существу, является тайным борделем при ночном клубе «Лидо», в номере, где взяли сонного Майка, обнаружена мертвая девица, перебравшая героиновую дозу. Так что нашему дорогому другу грозит...

— Девица была из «Лидо»? — спросил Бо Май.

— Браво, дружище, ты начинаешь делать успехи на нашем сомнительном поприще. Монах-сыщик — это воистину забавная фигура. Возможно, ты превзойдешь в дедукции отца Брауна * или монаха Вильяма Баскервильского **. Конечно, они подсунули ему девицу из своего ночного клуба, только вот я никак не могу понять: был ли тут тонкий замысел или это случайность, та, которая бывает одной из тысячи, но которая может круто изменить все задуманное. В последнее время пошла какая-то сплошная круговерть случайностей. Сначала твое появление в этом вьетнамском притоне, спасшее нам жизнь, а потом Майка укладывают в постель с девушкой, которая чуть позже принимает смертельную дозу героина.

Прасат покрутил в руке стакан с пивом.

— Нет, это как-то не вписывается в замысел Бэрда: одно дело героин, что само по себе пошло, банально, но гарантирует высылку Майка из Таиланда в качестве са-

---

* Отец Браун — персонаж детективных рассказов английского писателя Г.-К. Честертона.

** Вильям Баскервильский — герой исторического детективного романа итальянского писателя Умберто Эко «Имя розы».

мого лучшего для него исхода, другое — убийство девицы.

— Возможно, Майк что-то сообщил ей, что-то важное, а потом, девушка — это ведь свидетель...

— Похоже, криминалистика занимает тебя куда более богословия, любезный бигкху, но мыслишь ты очень здраво. Пожалуй, при таких успехах я возьму тебя в помощники, когда ты покинешь храм Просветленного. К несчастью, Майк обнаружил девушку из Мандалая раньше, чем это сделал ты.

Бо Май сжал стеклянный стакан в руке с такой силой, что тот захрустел, и пальцы молодого человека окрасились кровью.

— Плохо, Май, опять очень плохо, — сказал Прасат и стал вытирать платком раненую руку бигкху.

— Мало того, — продолжал он, обрабатывая руку Бо Мая антисептиком, — что они убрали из игры Майка. У Ни, которая, как ты утверждаешь, могла знать нечто интересующее нас, мертва, и теперь на шахматной доске мы с тобой оказались в явном меньшинстве.

— Нужно ехать в Чиангмай, — сказал Бо Май потускневшим голосом. — Китаец Фао Мин, если его тоже не прикончили, ждет курьера. Со Маун не бредил, когда сказал, что я должен стать им. Они знают, что он с поврежденным ухом. Я тоже отсеку себе мочку.

— Просто гениальное решение, — сказал Прасат. — А не проще ли тебе отрезать себе голову. После всех твоих успехов придется поставить тебе единицу. Запомни, ты — бигкху. Одеяние послушника спасло тебе жизнь в полном риска путешествии из Бирмы до «города ангелов». Где ты видывал одноухого монаха? Это все равно что раздеться голым и ходить с чашей для подаяний. Чиангмай наводнен полицией и военной разведкой. Они с большим интересом займутся подозрительным одноухим субъектом. Но даже если тебе удастся выкрутиться из их цепких пальчиков, курьера Со Мауна обязательно доста-

нут люди Кхун Са, которых в этом городе гораздо больше, чем считают наши официальные лица, занятые борьбой с наркобизнесом.

— Но что же нам делать, Прасат? И что будет с Майком?

— Сначала отвечу тебе на второй вопрос. С утра я уже провел необходимые беседы с коллегами по борьбе с наркоманией в муниципальном управлении полиции. К счастью, там сидят не такие уж дуреломы, как о них думает господин Бэрд. Уже, вероятно, сейчас с Майком беседуют представители американского консульства, а часов через пять мы с тобой отправимся в аэропорт Дон Мыанг, чтобы незаметно махнуть рукой на прощание нашему неосторожному приятелю, заварившему всю эту кашу. Это все, что было в моих силах. Майк выключен из игры. А что делать нам?

Прасат повертел в руке крошечный пластиковый пакетик с кусочком засохшей человеческой плоти внутри.

— Эта злополучная часть уха твоего покойного приятеля, признаться, и мне самому не дает покоя. Уверен, что это очень важная деталь большой игры, но вот как ее истолковать? Со Маун умер и унес с собой тайну своей миссии в Чиангмае. Майор из мафии Бо Мья наверняка сообщил своим о гибели Со Мауна. В то же время Со Маун знал наводчика на караван, потому что он сказал тебе, что брать вы будете жадеиты Кхун Са.

Неожиданно Прасат подпрыгнул и, упруго вскочив с места, не очень сильно двинул по уху молодого собеседника.

Бо Май сидел на стуле как каменное изваяние.

— Восхитительно, мой мальчик, — сказал Прасат и разразился целым каскадом отличной портовой брани.

— Я нашел! Этот печальный сувенир необходимо вручить господину Фао Мину. Думаю, что он очень порадует «сюцая».

Майк Николсон

Март 1988 года пронесся над штатом Вайоминг мощными снежными буранами. Потом пришла оттепель, вызвавшая бурное таяние снегов, а вслед за ней ударили морозы, покрывшие дороги опасным ледяным настом. Ехать по таким дорогам было сущим наказанием божьим, и Майк Николсон напряженно стискивал руками руль старенького «форда», который он одолжил у родителей Мэри для поездки в Вашингтон, где репортер встречался с представителем сенатской комиссии по контролю над деятельностью разведки Джеймсом Конноли. Мистер Конноли, представительный мужчина с сединой в холеной волнистой шевелюре, никак не соответствовал образу обиженного мальчишки, каким он остался в памяти капрала Грегори. Майк без обиняков выложил ему свою историю и был несколько удивлен спокойствием, с которым важный вашингтонский юрист ее выслушал.

— Я сделаю запрос в Лэнгли относительно господина Уиллиса Бэрда, но что касается вас, дорогой Майк, то простите меня за откровенность, ссылки как на информатора могут только навредить делу. К сожалению, бангкокский след будет теперь тянуться за вами всю жизнь, и никуда вам от этого не деться. В истории с погибшим взводом, так же как и с убийством нашего президента, момент истины наступит через несколько сот лет, не раньше. Единственное, что могу вам обещать со всей уверенностью, что во время моей предстоящей поездки в Лаос в связи с поисками погибших там соотечественников я найду возможность проинформировать официальных лиц этой страны о проникновении на их территорию бывших военных преступников.

Конноли поднялся с кресла, давая понять, что беседа закончена.

Майк снова сорвался и несколько дней предавался пьянству в Нью-Йорке, куда он заехал навестить старых приятелей по журналистскому цеху. Потом подвизался в

какой-то бульварной газетенке и выдал серию репортажей о «бангкокских тайнах». Редактор с восторгом прочитал его сочинения, и вскоре некоторые американцы, пробавляющиеся подобного рода печатными изданиями, с радостью читали таиландские репортажи когда-то знаменитого Майка Николсона, смакуя в них то, что в журналистском мире называется «печеной клубничкой». Рассказ об одиноком капрале, мстящем за погибший в джунглях взвод, привлек внимание одного кинопродюсера, предложившего Майку сделать либретто сценария. Самым приятным в этом предложении было то, что Майку вручили чек на полторы тысячи долларов в обмен на покупку всех прав на этот рассказ. В том, что это беллетристика чистейшей воды, никто не сомневался, и это поначалу очень огорчало Майка, а потом он плюнул на все и сам начал верить, что стал наконец писателем.

А в это время в одном неприметном офисе Вашингтона два человека, еще раз внимательно прочитав остросюжетный рассказ Майка Николсона о причинах гибели одинокого американца в клонгах «города ангелов», перекинулись парой ничего не значащих фраз.

— Право же, им владеет некая маниакальная идея разоблачительства. Со времен «Эсквайра», когда он наделал столько хлопот Пентагону, он здорово оплешивел, но если ему удастся запродать свой сценарий Голливуду, этот парень может выплыть.

— Может, конечно, и скорее всего обязательно выплывет, потому что человек хотя и пьющий, но, безусловно, талантливый. Но если вы заметили, в некоторых своих «бангкокских репортажах» или рассказах он касается китайской мафии. А этого «триады» очень не любят.

— Совершенно с вами согласен, но ведь китайцы любят читать только китайские газеты, и их не интересует «Санди пост», так что этой публикации они и не заметят.

— А вдруг?

Прожив две недели в Нью-Йорке, Майк заторопился в Вайоминг. Он вспомнил, что обещал Мэри обязательно

присутствовать на дне рождения старшей дочери Пэт, ставшей прелестной пятнадцатилетней девушкой. Загрузив подарки в багажник «форда», Майк заметил, что кто-то следит за его машиной. Потом он отбросил эту мысль как вздорную. «Просто после Бангкока расшалились нервы», — подумал он. И вот теперь, напряженно сжимая руль на обледенелом шоссе, забирающемся в гору, он снова почувствовал, что кто-то упорно следует за ним. Майку сделалось тоскливо, как тогда, в номере пансионата, откуда полицейские вынесли труп «орхидеи Севера». Он сбавил скорость, огромный «олдсмобил» сзади тоже стал следовать медленнее. Майк нажал на педаль, и преследователь сделал то же самое.

Неожиданно пришло спокойствие.

«В конце концов, все они идиоты. Думают, что я был последней фигурой на шахматной доске. Но у меня достало ума и воли не сказать Бэрду о своих друзьях. Я передал эстафету. Грегори — мне, я — Прасату. Прасат и тот мальчик, сын честного бирманского журналиста Бо Ну, если не получится у них, тоже найдут кому передать эстафету, потому что повсюду найдутся честные...»

Он не успел завершить мысль. «Олдсмобил» резко пошел на обгон, притирая «форд» Майка к обочине дороги. И в это время навстречу прямо в лоб «форду» выскочил огромный мастодонтоподобный трейлер. Пытаясь избежать столкновения, Майк резко крутанул руль, и перевернувшийся «форд» вылетел за ограничитель.

Сообщение о гибели репортера Майка Николсона в автомобильной катастрофе не попало даже в колонку полицейской хроники местной газеты. Гибель на дорогах Америки наступает пока еще чаще, чем смерть от СПИДа, хотя и последняя уже перестает быть сенсацией.

Господин Фао Мин находит необычное послание

Утомительная суета многоликости и тяжкий груз забот обрушились в последние дни на хрупкие плечи господина Фао Мина и гнули его так сильно, что «сюцай»

начал нервничать, чего никогда раньше с ним не случалось.

Сначала пожаловал «старый приятель» Ву Хань, лучше бы он не являлся. Хотя этот подлый вьетнамец и пообещал клятвой на крови вернуть давний должок с того опиумного каравана, да разве же можно верить этим вьетнамским пиратам, которые и мать родную продадут, только бы не расставаться с прилипшими к ним денежками. «Сюцай» с огромным удовольствием отправил бы его дорогой предков, даже не позарившись на те десять тысяч долларов, что задолжал ему Ву Хань, тем более что денежки еще нужно было вытащить из несгораемого шкафа в Сайгоне, а это все равно что попробовать забраться в подвалы швейцарского банка. У вьетнамских коммунистов контрразведка научилась действовать мастерски, недаром там одна за другой сгорели несколько отлаженных американцами еще в прошлые времена агентурных цепочек. А потом, Фао Мин не любил людей из своего прошлого. Прошлое — это вещь очень интимная, и знать его положено лишь тому, кому оно принадлежит.

Но Ву Хань прибыл как посланец Уиллиса Бэрда, а тот в иерархии ЦРУ был постарше многомудрого «сюцая». Американцев всегда будет губить неконфуцианское пренебрежение к возрасту, у них мальчишка может заправлять резидентурой только потому, что у него, видите ли, высокие покровители в Лэнгли. Бэрд не мальчишка, но задуманная им операция в Лаосе «сюцаю» не понравилась. И прежде всего потому, что он знал, как болезненно отреагирует на нее Кхун Са.

Большой босс из джунглей был бы и сам не прочь прибрать к рукам горные районы, где проживали племена мео, тем более что лаосский опий после прихода там к власти коммунистов из Патет-лао начал странным образом куда-то утекать из «треугольника». Налаженное годами коварным Уном Ратиконом и этим придурком Ванг Пао прибыльное опиумное дело хирело, хотя в былые времена лаотяне откровенно заявляли, что опий — един-

ственный экспортный товар, который они способны производить.

Фао Мин с осторожностью отнесся к пожеланию Бэрда внедрить Ву Ханя в агентурную цепочку Вьентьяна. Люди там были наперечет, и открывать их постороннему, да еще такому, как этот Ву Хань, было все равно что пускать козла в огород. Но пожелание господина Бэрда можно расценивать и как приказ, и потому Ву Хань, после того как господин Фао Мин побыл часа три наедине со своим персональным «Датамини», получил адрес одной транспортной конторы во Вьентьяне, в котором служил один скромный бухгалтер, и почтамта, где обосновался один помешанный на марках с бабочками старик.

Пригласив к себе на чай пару преданных людей из местной фирмы, имеющей связи с Лаосом, Фао Мин обратился к ним с нижайшей просьбой пристроить к какому-нибудь делу несчастного вьетнамского беженца, который прибыл к «сюцаю» с рекомендательным письмом от свояка Фао Мина из Шолона. Через несколько дней Ву Хань с отлично выправленными таиландскими документами на имя Прами Сарасита переправился через Меконг на пароме, следующем из Нонгкая на лаосский берег, и, пройдя несложные пограничные и таможенные формальности, на встречавшей тайского бизнесмена «тоёте» укатил во Вьентьян.

А господин Фао Мин, составив подробное послание о предстоящей операции ЦРУ, отправил его с очень преданным человеком господину Лао Су, который найдет способ отправить донесение «сюцая» в штаб-квартиру Кхун Са.

Впрочем, это были всего лишь детские шалости. Больше всего остального взволновал «сюцая» разговор с посланцем Бо Мья, этим страшным человеком, которого боится, кажется, даже сам патрон. Мохин, прикидываясь ясновидцем, прозрачно намекнул «сюцаю», что знает имя наводчика. Правда, следом понес околесицу про какого-то

одноухого малого, который должен был стать резидентом каренов в Чиангмае. Он все сокрушался, что кто-то из солдат, бравших караван, был убит, словно подстрелили его родного сына. В конце концов Мохин заявил, что в караване везли кусок уха того парня, а потом его убили, а ухо...

Господин Фао Мин подумал, что страшный человек Мохин тронулся умом, и постарался поласковее с ним проститься. После ухода свихнувшегося монаха на его душе остался осадок неясного поначалу томления, которое затем переросло в тревогу.

Приказ, поступивший от Бэрда, подготовиться к важной встрече нескольких очень значительных персон и обеспечить полнейшую ее конфиденциальность сначала привел «сюцая» в раздражение, но потом весьма заинтриговал и отвлек от тревожных мыслей.

И вот теперь, спустя неделю, когда все в Чиангмае готово к приему «особо дорогих гостей», можно расслабиться на веранде небольшого уютного ресторанчика, утопающего в зелени и цветах. Этот ресторанчик, входивший в «торговый дом» господина Фао Мина, и был любимым местом отдыха «сюцая».

Сидя за столиком, освещаемым лучами нежного утреннего солнца, господин Фао Мин вдыхал аромат роз и лакомился компотом из личжи, который он любил больше всего на свете. «Тройной» агент был доволен сознанием исполненного перед всеми долга. На секунду он закрыл глаза и сидел зажмурившись, как довольный, сытый кот, греющийся на солнышке. И лучше бы ему еще долго не открывать глаз. На столе рядом с вазочкой, наполненной белыми шариками личжи в сиропе, лежал маленький пластиковый пакет с кусочком чего-то сушеного внутри. «Боги мои! — подумал с ужасом господин Фао Мин. — Это же кусочек уха».

Он резко вскинул голову. Но рядом никого не было. Лишь внизу, на уровне его ног, за оградой веранды стоял молодой бигкху с чашей, протянутой для подаяния.

Взгляд послушника был совершенно отрешен от мирской суеты и направлен скорее вовнутрь, как у истинного ученика Просветленного. Взмокший от ужаса Фао Мин украдкой взглянул на уши монаха, но они были на месте. Два небольших слегка оттопыренных уха, просвечиваемых лучами солнца, сидели на своих местах на красивой, словно точенной отменным мастером, голове бигкху.

Смахнув пакетик в карман просторной рубахи, господин Фао Мин хотел встать, но ноги его не слушались, хотел крикнуть, но голоса не было. А молодой послушник все продолжал стоять, вытянув вперед чашу для подаяния.

ЧАСТЬ IV
КОРОЛЕВСКАЯ МЕСТЬ

Бо Мья испытывает трудности

В жизни «золотого треугольника» существовала своя жесткая логика. Достаточно немудреная, скорее даже примитивная. Каждый, кто хочет иметь армию, должен запастись оружием. Кто стремится заполучить оружие, должен раздобыть денег. Кто хочет заработать денег, должен продать опий. А можно развернуть эту логическую цепочку и в обратном порядке. Каждый, у кого есть опий, должен достать оружие, потому что иначе он быстро потеряет все. Если у кого-то есть оружие и деньги, он спокойно может «объявить» о создании нового государства и переименовать свою шайку контрабандистов в «освободительную армию».

Лидер каренских повстанцев Бо Мья ненавидел шанского правителя Кхун Са, потому что у последнего был героин и драгоценные камни, были деньги и оружие, была армия численностью до 15 тысяч воинов и было «собственное королевство», правда, без четких границ и территориальной целостности, но кто и когда в джунглях устанавливал демаркационные столбы, а что касается непоследовательного поведения племен ва, лаху, мео и прочих мелких этнических групп, то и тут деньги и оружие приводили их к послушанию шанскому правителю.

Что же касается каренов, на плечи которых ложились основные тяготы войны с Рангуном, то их положение в последнее время значительно ухудшилось. Центральные

власти активизировали кампанию, призванную запереть повстанцев в их лагерях напротив границы с Таиландом и продолжать удушение жизненно важной для каренов контрабандной торговли.

Перекрыв контрабандные пути, солдаты 44-й и 66-й бирманских дивизий легкой пехоты нанесли национально-освободительной армии каренов серьезный удар: лишившись прибылей в пограничной контрабандной торговле, воинство каренов начало таять.

После этого Бо Мья заявил в интервью влиятельному гонконгскому журналу «Фар истерн экономик ревю»: «Мы испытываем некоторые финансовые трудности... Наша боевая мощь до некоторой степени уменьшилась».

Отсутствие денег начало сказываться и на вооружении армии; за все ведь, как известно, нужно платить, а патроны тоже стоят денег. Благодаря разветвленной сети лазутчиков, которую разведка Бо Мья сумела соткать во многих клетках рангунского аппарата, в феврале 1987 года каренским коммандос удалось провести успешный рейд на склады бирманской армии и захватить значительное количество боеприпасов. Однако последовавшие вслед за тем беспрерывные бои с разгневанной подобной дерзостью армией Рангуна быстро поглотили захваченные трофеи.

Доведенный до крайности правитель каренов пошел даже на грабеж соседа, чего раньше никогда себе не позволял. Жадеитовый караван, принадлежащий Кхун Са, каренские лазутчики решили захватить руками армии Рангуна, что в определенной мере удалось, как показали описанные нами выше события. Теперь оставалось только доставить драгоценный груз в Чиангмай, где, выгодно его продав, приобрести партию оружия. После гибели одного из своих высокопоставленных лазутчиков — майора Мау Аюта, руководившего захватом каравана, на душе у лидера каренов было неспокойно, он знал мелочный и мстительный характер Кхун Са и подозревал, что китаец будет искать следы наводчика, что могло поста-

вить под серьезный удар резидентуру каренов в Рангуне и Мандалае.

Да и награбленный жадеит следовало придержать, поскольку на ювелирных биржах мира от Чиангмая и Гонконга до Амстердама и Нью-Йорка люди «триад» сумеют вычислить, что дивные камешки попали не с аукциона в Рангуне, и обязательно дадут знать об этом Кхун Са, а уж тот сумеет пройтись по всей цепочке в обратном направлении. Так что и здесь положение пока оставалось сложным.

Свет надежды забрезжил с неожиданной стороны. Доверенные люди Бо Мья из лагерей каренских беженцев, находящихся на территории Таиланда, сообщили, что в лагерях появился некий американец, прибывший в приграничную с Бирмой полосу как представитель религиозной благотворительной организации «Уорлд вижн», занимающейся оказанием помощи беженцам. В некоторых своих беседах с посвященными лицами он выразил заинтересованность во встрече с лидером КНС.

Встреча состоялась. Американец Графт Шарп заявил, что «демократическая общественность США с огромным сочувствием следит за борьбой героического каренского народа за свою независимость, что она также серьезно озабочена трагической судьбой беженцев и готова оказать освободительному движению в Бирме помощь в размере пятисот тысяч долларов. Правда, далее последовало одно любопытное предложение, обусловливающее получение названной суммы, и Бо Мья, поколебавшись, ответил, что обсуждение данного вопроса требует детальной проработки. Графт Шарп согласился с его доводами.

По приезде в Бангкок «миссионер» из «Уорлд Вижн» встретился с уже знакомым нам господином Уиллисом Бэрдом.

— Бо Мья на встречу согласен, — сказал он, — однако сейчас ему следовало бы подкинуть немного оружия. Птичек следует прикармливать.

— Вот и займитесь этим, дружище, — сказал Уиллис,

которому было хорошо известно, что господин Шарп с большим мастерством производил закупки вооружений для никарагуанских «контрас».

Карьера индокитайского стрелка

В его жизни стремительные взлеты судьбы порою перемежались досадными инцидентами. Один из таких инцидентов произошел в его бытность командиром 10-го пехотного батальона лаосской королевской армии, дислоцировавшегося восточнее Долины кувшинов.

Как-то раз в бунгало, служившее штабом батальона, заявился лейтенант и, бесцеремонно ворвавшись в кабинет майора Ванг Пао, потребовал выплаты жалованья своим солдатам.

Майор, до того безраздельно и безнаказанно хозяйствовавший в батальонной казне, был настолько раздосадован наглостью этого лейтенантишки, что в порыве «благородного негодования» прострелил ему ноги. Казалось бы, заурядный для лаосской королевской армии случай неожиданно получил огласку, поскольку даже среди погрязших в коррупции и наркобизнесе военных чинов встречались иногда порядочные офицеры. Одним из таких честных служак был командующий 2-м военным округом полковник Кхамху Буссарат, который, узнав о случившемся инциденте, вызвал к себе распоясавшегося майора и приказал вернуть жалованье солдатам. Майор Ванг Пао пережил тяжкие минуты унижения. Такое не забывается, и уже через несколько дней на одной из проселочных дорог автомобиль полковника был прошит автоматной очередью. Взвод солдат из 10-го батальона накрыл его огнем из засады. Однако полковнику Буссарату повезло, и он остался жив. О покушении было немедленно доложено во Вьентьян. Неужели стремительной карьере Ванг Пао пришел конец? Ведь начиналась она просто замечательно...

Горный север Индокитая французы всегда считали

«твердым орешком». О его отроги разбивались усилия многих торговцев, завоевателей и религиозных пророков, шедших сюда как со стороны Индии, так и со стороны Китая. Местный правитель племен мео вождь Туби Лифунг, державшийся на плаву в условиях господства родоплеменных и феодальных пережитков, сосредоточил когда-то власть в своих руках благодаря поддержке французских резидентов. Тактика «разделяй и властвуй» проявлялась в Лаосе в подогревании у горцев иллюзии независимости от центральной лаосской администрации, что позволяло колонизаторам малыми силами контролировать сразу и горы и долины.

Туби Лифунг — «опиумный королек» местного масштаба — вполне устраивал французов, поскольку его армия мео выполняла разведывательные задачи в борьбе с национально-освободительным движением. То, что Туби был практически всем известен как держатель опиумной монополии этого района, его колониальных хозяев нисколько не смущало. Мы уже приводили известное изречение французского полковника Транкиля о том, что всякий, кто хочет заручиться поддержкой мео, должен покупать у них опий. Однако пришедшие на смену французам американцы сочли Туби Лифунга, как он ни был им нужен, все же слишком скандальной фигурой. Фарисеи из ЦРУ, принявшие «лаосское хозяйство» у французского второго бюро, сделали ставку на свою собственную «лошадку». Ею стал мало кому известный сержант индокитайских стрелков, мео по национальности, Ванг Пао, на погоны которого уже через десять лет после его ухода из колониальной армии лаосский король приколол генеральские звезды... Но мы, кажется, забегаем вперед.

Пока что майор, организовавший покушение на высшего чина, стоит на краю пропасти. Прибывший в Сиенгкуанг начальник генштаба королевских вооруженных сил Ун Ратикон «исполнен гнева и негодования». Он становится во главе расследования, хотя все и так яснее ясного. Но старая лисица Ратикон не торопится

с выводами. Он не из тех чванливых генералов, которые могут игнорировать советы американских офицеров из числа «зеленых беретов», обосновавшихся в лаосских джунглях. Да и Ванг Пао ему гораздо ближе по духу, нежели честный служака Буссарат. Ведь дородный Ратикон, носящий нашивки высших королевских наград — Большого креста миллиона слонов и ордена «Белый зонт» — на своем мундире, такой мягкий и добродушный с виду, контролировал большую часть контрабандной опиумной торговли, идущей через Лаос, в поток которой вливались и партии опиума из Таиланда, Северной Бирмы и Юго-Западного Китая. Вспомним, как ловко он вышел победителем из сражения у деревушки Бан-Кван, где шаны Кхун Са сражались с китайскими генералами. Ун Ратикон, «герой» той знаменитой «опиумной» войны 1967 года, ничего и никогда не делал зря.

Вот и сейчас он постарался выгородить своего креата, ведь Ванг Пао был стражником этого «королевского опиумного пути». Он лично казнил провинившихся, был готов жертвовать любым числом своих соплеменников. Низкий и жадный деспот, Ванг Пао, уже тогда возомнивший себя «королем» мео, как нельзя лучше устраивал внешне покладистого и аморфного Уна, скрывавшего под лицемерной личиной бульдожью свирепость и хватку. К тому же Ванг Пао для своего покровителя из Вьентьяна играл роль коммерческой ширмы: он вместе с эмигрировавшим из Сайгона Ло Кхам Тхи формально считался владельцем авиакомпании «Сиенгкуанг эйр транспорт», которой ЦРУ предоставило два самолета С-47.

К тому времени Ванг Пао уже был прочно привязан к спецслужбам из Лэнгли. Еще в 1961 году полковник американской разведки Эдвард Лэнсдэйл сообщил из Вьентьяна послу США в Сайгоне Максвеллу Тэлеру следующее: «Около девяти тысяч людей из племени мео экипированы для партизанских действий, которые они ведут сейчас с ощутимой эффективностью на контролируемых

коммунистами территориях Лаоса. Политическое руководство мео в руках Туби Лифунга, находящегося большей частью вне Вьентьяна; военное руководство осуществляет полковник Ванг Пао, он же и командир на поле боя. Действия мео контролируются резидентом ЦРУ во Вьентьяне». Картину этих свидетельств дополняют сенатские показания генерала Роберта Пети, бывшего заместителя командира части № 7/13 ВВС США в Удоне на территории Таиланда. В 1971 году он заявил: «Ванг Пао должен совершать вылазки со своей базы, определять нахождение противника, отходить назад, а тогда уже вступала в действие американская авиация». Услуги «наводчика» Ванг Пао были высоко оценены за океаном. В 1974 году американский сенат принял специальное решение, согласно которому сын бывшего индокитайского стрелка, девятнадцатилетний Ванг Иеу был принят в военную академию в Вест-Пойнте — случай беспрецедентный для иностранца.

Операцию, осуществлявшуюся в те годы американской разведкой в горных районах Лаоса, без преувеличения можно считать уникальной. Теперь уже в генеральском чине, «король» мео перемещался по стране только на вертолете, экипаж которого состоял из американцев. Более трехсот завербованных в США бывших солдат и сержантов специальных войск натаскивали разведывательные отряды Ванг Пао, обучали их военным действиям, помогали поисковым группам, часто возглавляя их, а также планировали операции по психологической войне и диверсиям в освобожденных зонах. Только по официальным данным, в горах было убито около двадцати наемников ЦРУ.

Газета «Вашингтон пост» в конце 1972 года опубликовала признания трех американских летчиков из 158-го штурмового вертолетного дивизиона 101-й авиационной дивизии, базировавшейся в Южном Вьетнаме, которые участвовали в операции по так называемой программе «Си-си-эн», предварительно взяв на себя обяза-

тельства сохранять свои действия в строгом секрете. Они перевозили спецгруппы численностью от трех до пятнадцати диверсантов. Обычно их комплектовали из наемников различных национальностей, в основном из горцев или китайцев. Как правило, на задание их вели американцы. Диверсантов оставляли где-либо в зоне контроля патриотических сил и затем через какое-то время забирали назад. Пилоты сообщали, что диверсанты имели строгий приказ всеми средствами избегать вооруженных столкновений. В их задачу входили сбор разведывательных данных, установка замаскированных электронных датчиков, сигнализирующих о перемещении войск, и диверсии. Иногда, возвращаясь, они приводили пленных. Радистами в диверсионных группах всегда шли только американцы.

На основе разведсведений, доставляемых людьми Ванг Пао и американскими специалистами, велись бомбардировки освобожденных районов. По некоторым данным, американцы с 1964 по 1973 год сбросили на многострадальную землю Лаоса около двух с половиной миллионов тонн бомб, что составило более десяти тонн на каждого жителя. Впервые в истории военных действий бомбардировки с воздуха велись не для поддержки наземных сил, а с тем, чтобы полностью уничтожить любое проявление нормальной жизни людей в обширном районе.

Однако ни бандитские рейды подчиненных Ванг Пао, ни бомбардировки не оправдали расчетов американцев. Пятнадцать тысяч солдат мео отнюдь не представляли еще всех горцев, которых насчитывается, по различным данным, от 300 до 400 тысяч. Хмубы, яо и другие национальные меньшинства никогда не поддерживали продажную политику своих князьков, и, естественно, их армия, находившаяся на иждивении ЦРУ, лишенная опоры в собственных же горах, вынуждена была в конечном счете отступить к юго-западным отрогам плато Сиенгкуанг. «Тайная война» ЦРУ против Лаоса подходила к своему бесславному концу. После победоносного наступления

патриотических сил в 1975 году американские самолеты вместе с Ванг Пао и его окружением вывезли на базу таиландских ВВС в Нампхонге около двух тысяч человек. Других желающих не оказалось. Ванг Пао, вылетев 18 июня 1975 года из Бангкока в Париж, вскоре после этого объявился в США, а обманутые им земляки оказались в трех лагерях для беженцев, расположенных близ Меконга. Верховодил в крупнейшем из этих лагерей бывший офицер «спецвойск» Ванг Пао майор Муа Хуа, работавший под началом агента ЦРУ некоего Тома по прозвищу Виски. Он-то и уверял заезжих журналистов, что «мео в большинстве выступают противниками перемен в Лаосе».

Однако бодрые пресс-релизы, составляемые Муа Хуа, уже мало кого могли ввести в заблуждение. Даже реакционная эмиграция вынуждена была очень скоро признать, что обещанное ею «партизанское движение» мео против народной власти, установленной в декабре 1975 года в Лаосе, осталось несбыточной мечтой всех врагов лаосского народа... В течение 1976 и 1977 годов таиландская полиция задерживала на границах оборванных и оголодавших одиночек, тайно возвращавшихся из горных районов Лаоса после безуспешных попыток создать там то «армию теней», то «армию бога неба за освобождение», то «революционные отряды»...

Ванг Пао же спокойно отсиживался в штате Монтана и, казалось бы, перестал помышлять о «триумфальном возвращении» в родные края, как неожиданно его посетили старые приятели из Лэнгли и предложили совершить неофициальную поездку в таиландский город Чиангмай. На календаре был 1987 год.

Прасат Каманглек размышляет над деталями

Третий день подряд Прасат сидел, запершись в своей конторе, никого не принимая, и раздумывал над головоломкой, которую оставил, отбыв в Чиангмай, молодой бир-

манец. Частный детектив понимал, что порою какая-нибудь нелепая случайность может так повернуть дело, что и самый изощренный ум не в состоянии прийти к определенному выводу.

Прокручивая в голове, в седьмой или восьмой раз, рассказ Бо Мая о взятии каравана, Прасат одновременно думал о взятии другого каравана, где случайностью, чуть было не погубившей Ву Ханя, был сержант Билли Грин. Здесь же случайностей или случайных совпадений было куда больше. Даже если смертельное ранение Со Мауна исключить из числа случайностей, в боевой операции всегда кто-нибудь может быть подстрелен, то каким образом у одного из сопровождающих караван оказалась мочка уха капрала? И вообще, с этой мочкой уха какой-то бред. То ли тот человек по имени Суан — шизофреник, то ли в этом заключалась какая-то дьявольская задумка... Прасат взял ручку и записал: «Ухо — символика — обычаи — обряды — тотемизм — фетишизм. Проверить обрядовость тайных китайских обществ». Но дальше логический ход опять спотыкался. Если мочка уха — важная деталь какой-то игры, то почему она попала в руки человека, явно обреченного... Стоп, а почему обязательно обреченного, а если бы их захватили живыми, то, может быть, по этой примете люди Бо Мья обнаружили своего человека в караване? Версия неплохая, но никуда не годится. Если майор был связан с людьми Бо Мья, а это так, то с какой стати ему было брать караван Кхун Са, чтобы обогатить казну Рангуна. Стоп! У Бо Мья сейчас, как известно из прессы, серьезные финансовые затруднения, и это, очевидно, толкнуло его на грабеж «опиумного короля», что само по себе дерзость, которую Кхун Са не простит. Поэтому решили сработать руками Рангуна. И опять мысль Прасата вернулась к погибшему американскому взводу. Родственники убитых мео могли мстить американцам, для американского командования взвод погиб на тропе Хо Ши Мина, и родственники до сих пор разыскивают по всему Вьетнаму останки павших, а ис-

кать нужно совсем в другом месте... Стоп, отличная идея: искать нужно совсем в другом месте, но в каком? Допустим, майор повторил в какой-то степени, правда без особой кровавой бойни, трюк Ву Ханя. Тогда сценарий подсказал кто-то, знавший проделки вьетнамца. Допустим. Это уже мысль. В Чиангмае Ву Хань имел контакты с Фао Мином. Фао Мин упоминался Со Мауном. Я навел кое-какие справки об этом господине, по которому виселица давно плачет. У него прелюбопытнейшие связи с самыми разными людьми, из чего можно сделать вывод, что работает он на нескольких хозяев, хотя и сам босс немалой величины. Его прошлое уходит в Гонконг, где он, кажется, начинал свою карьеру рикшей.

В это время в конторе зазвонил телефон. Прасат снял трубку и, выслушав голос на другом конце, сказал:

— Спасибо, Чен. Материалы прошу перегнать мне по телефаксу, и чем быстрее, тем лучше. Кажется, ваши химики помогут мне прояснить кое-какие вопросы.

Ни одного из погибших на караванной тропе тайское отделение Интерпола идентифицировать не смогло, тогда Прасат обратился к коллегам ряда других стран. Телефон из Гонконга подтвердил личность двух убитых. Это были молодые парни, которые свои таланты в области химии поставили на службу наркобизнесу. Они состояли на учете в полиции, а потом неожиданно исчезли. В Бирму они попали скорее всего через континентальный Китай, что еще раз доказывало наличие «китайского канала» транспортировки наркотиков из «золотого треугольника».

На следующее утро, получив материалы из Гонконга, Прасат обнаружил, что именно у одного из гонконгских парней Бо Май нашел мочку уха своего погибшего друга.

Каманглека перекосило, как от острой зубной боли. Мистический кусочек уха становился кошмарным наваждением не только для господина Фао Мина. Двинув, что есть силы, кулаком по висевшему в углу кабинета тренировочному мешку с песком, Прасат взял уже испещренный различными пометками листок и нарисовал треуголь-

ник, в основании которого два угла были помечены инициалами господина Фао Мина и погибшего китайца из Гонконга, а против угла, расположенного в вершине треугольника, поставлен жирный знак вопроса.

Два сержанта

После двух недель изматывающих допросов с применением мер физического воздействия, а попросту пыток, сержант Ми Сон лежал в луже воды на цементном полу карцера и молил Просветленного дать ему силы, чтобы побороть в себе искушение разбить голову о стены камеры и разом со всем покончить.

От него требовали невозможного: сказать, куда подевался груз с захваченного каравана. Следователи считали его агентом КПБ или каренов, а предателя-майора злодейски убитым патриотом. Ми Сон, пытавшийся поначалу доказать обратное, быстро понял, что имеет дело с людьми или вконец тупыми, или давно продавшимися сепаратистам.

Наконец ему объявили, что в ближайшее время состоится суд военного трибунала, вслед за которым сержант будет казнен.

Когда его подняли с пола и потащили из камеры по бесконечным лестницам и переходам, он подумал, что наконец-то состоится суд. Во внутреннем дворе тюрьмы сержанта посадили в закрытый «лендровер», и через некоторое время машина тронулась. После нескольких часов езды по тряской дороге его вытащили из «лендровера» и пересадили в другую машину, марку которой сержант не смог определить ввиду совершенной ветхости этого транспортного средства. С обеих сторон его плотно стиснули двое здоровенных молодцев в полевой солдатской форме, впереди рядом с водителем в такой же форме сидел сержант. Машина двинулась по проселочной дороге, идущей по верху дамбы, протянувшейся сквозь бесконечные квадратики рисовых чеков.

Все это показалось Ми Сону странным, но сил удивляться не было. Наконец они въехали в ворота какой-то крупной сельскохозяйственной фермы, которые тут же наглухо закрылись. Парни вытащили находящегося в полуобморочном состоянии сержанта из машины и отвели его в небольшое бунгало, почти полностью скрытое от посторонних глаз густой зеленью банановых деревьев. Потом его уложили на низкий топчан, покрытый циновкой из пальмовых листьев. От усталости, голода и перенесенных пыток сержант впал в глубокое оцепенение и даже не почувствовал, как в вену на сгибе руки в локте вонзилась игла.

— Господин Вэнь, — говорил спустя полчаса пожилой врач человеку, который являлся начальником личной разведки Кхун Са, — доверьтесь моему многолетнему опыту, но после сделанной ему инъекции он должен был выложить, где находится товар, если только знал об этом. Но о грузе, взятом в караване, он не имеет понятия. Утверждает, что груз улетел с вертолетом и предателем-майором.

— А почему он назвал его предателем, Ли? — спросил худощавый седой китаец врача, которого разведка Кхун Са приглашала лишь в исключительных случаях. Ли занимал очень достойное место в иерархии «триад» и потому мог себе позволить оказывать временами услуги «опиумному королю», не будучи напрямую с ним связанным. Кхун Са знал это, и потому провести допрос сержанта с применением подавляющих волю медикаментов попросил «своего дорогого приятеля Ли». После этого начальник разведки будет не в состоянии допускать какие-либо импровизации. Вэнь будет бояться Ли, который обязательно составит подробный отчет о допросе и перешлет его по надежным каналам «королю». Такова была система проверки, созданная неуловимым и таинственным Кхун Са, не доверявшим в этой бренной жизни никому.

— Меня и самого это заинтересовало, господин Вэнь. По словам сержанта, в этом деле были замешаны еще два

капрала, один сержант, один монах, выдающий себя за ясновидца, еще один сержант, который иногда становится лейтенантом, и еще небольшой кусочек уха одного из капралов. Сначала я предполагал помешательство, но, кроме дистонии, естественной в его состоянии, никаких аномалий в психике сержанта не обнаружил. Он утверждает, что майор был связан с Бо Мья и один из его капралов вызвал подозрение майора, выкрав пленку из фотоаппарата, которым при подобного рода операциях рейнджеры снимают лица убитых контрабандистов для последующей их идентификации. Очевидно, этой пленки хватились только на следующий день, что было бы невозможно, если бы майор действительно был армейским разведчиком.

— Он сказал, где пленка?

— Тот капрал, его имя Бо Май, унес ее с собой. Но, кроме пленки, что вполне естественно, он утащил еще и мочку уха второго капрала, что уже относится, мне кажется, к разряду подсознательного. Вот в этом месте показания сержанта начинают напоминать бред. Второй капрал, его звали Со Маун, однажды столкнулся с неким сержантом, который при странных обстоятельствах — он расстрелял патруль, арестовавший капрала, — спас этого паренька от тюрьмы, но затем принялся его шантажировать, используя отсеченную у паренька мочку уха. Вот эту самую мочку первый капрал обнаружил при обыске трупов в караване. Сержант утверждает, что капрал обнаружил еще при том трупе «радиомаяк», который, очевидно, давал сигналы поисковой группе.

Начальник разведки, слушавший рассказ врача с огромным интересом, побледнел при упоминании о «радиомаяке», которым пользуются обычно все авианаводчики.

— Да, история явно мистическая, не хватает лишь нескольких духов и лис, чтобы сложить из этого новеллу в стиле Ляо Чжая *, которого так обожает читать наш ува-

* «Рассказы Ляо Чжая о необычном» — сборник фантастических новелл средневекового китайского писателя Пу Сунлина.

жаемый господин, — сказал Вэнь и спросил как бы невзначай: — А не назвал ли сержант имя того второго сержанта, который бывает лейтенантом?

От Ли не ускользнуло волнение почтенного Вэня.

— Да я как-то не удосужился об этом спросить, — сказал он, немного растерявшись. — К сожалению, следующий сеанс можно провести только через восемь часов. Пациент очень слаб, и может наступить летальный исход, а этот малый, насколько я понимаю, нужен нашему уважаемому господину живым.

— Благодарю вас, Ли, — сказал Вэнь, сердечно прощаясь с врачом. — Если можно, повторите сеанс через восемь часов, а пока предлагаю развлечься с видео. Господину недавно прислали последние новинки из Сингапура. А может быть?.. — Глаза начальника разведки хитро блеснули.

— Это в моем-то возрасте, Вэнь, — сказал врач. — Лучше уж видео. Потом, может быть, как утверждают даосисты *, чего-то и захочется. Знаете, в одном из даосских трактатов я читал, что при надлежащей технике и столетний старик сможет изрядно ублажить женщину...

Оставшись один, Вэнь быстро прошел в небольшой домишко, расположенный на самой окраине обширной территории фермы.

Внутри этой хижины сидел в одиночестве сержант и играл сам с собой в китайские шашки. При виде начальника разведки он широко улыбнулся и пошел навстречу. Однако Вэнь отстранился от объятий.

— В чем дело, брат? — спросил сержант с тревогой в голосе.

— Идиот, — сказал Вэнь. Он двинул по низенькому столику, и доска с фигурками полетела на пол. — Ты перемудрил с этим мальчишкой. Мало того, что он сам отправился на тот свет раньше, чем послал дорогой предков

* Даосизм — философско-религиозное учение в Древнем Китае, впитавшее в себя элементы древних народных культов и шаманских верований.

нашего семейного врага, но он, видно, разболтал все сержанту и своему дружку Бо Маю. Сержанта допрашивал Ли. Через восемь часов он будет знать твое имя, и тогда оба мы погибли, так и не отомстив Фао Мину. Правда, сержант очень слаб, но входить к нему нельзя. Охрана обязательно донесет об этом Чан Шифу. Но сержант должен умереть, и чем быстрее, тем лучше.

Суан улыбнулся.

— Брат, позволь мне самому решить эту задачку.

— Смотри, Суан, — глаза Вэня пожелтели от ярости.

Когда Ми Сон пришел в сознание, он увидел над собой лицо того самого сержанта, что вез его в машине. На этом лице блуждала странная улыбка, и Ми Сона словно током подбросило. Собрав все силы, он уцепился сержанту в ухо руками и принялся рвать его. Тогда Суан, озверевший от боли, ударил его рукояткой револьвера по голове, и Ми Сон, обливаясь кровью, рухнул на топчан. На шум в комнату ворвалась охрана вместе с начальником разведки. Несколько выстрелов в упор впечатали тело Суана в стену. Вэнь, даже не взглянув на труп сержанта, подбежал к топчану, на котором лежал другой сержант, и, схватив его руку, начал искать пульс. Пульса не было.

— Измена! — заорал начальник разведки не своим голосом и двумя выстрелами подырявил головы двум здоровенным охранникам.

Филателист с причудами

Вьентьян пребывал в послеобеденной спячке. Казалось бы, в этот час вымерли улицы и без того немноголюдного города, провинциализм которого никак не вязался со статусом столицы. В сквере перед зданием почтамта, лениво пережевывая побуревшую от зноя растительность, паслись коровы. Велорикши, заняв в колясках места пассажиров, безмятежно спали, не беспокоясь о клиентах, которые в это время суток были просто невозможны.

Таиландский бизнесмен Прами Сарасит мягко притормозил «тоёту» рядом с широким пандусом здания почтамта и прошел в прохладный зал. Как и на улице, здесь было пусто. Это обстоятельство очень порадовало Прами. Он решительно пересек зал и, пройдя за одну из стоек, скрылся за дверью конторки. В небольшой комнате было невыносимо душно и накурено. Слегка покачивалось кресло-качалка, в котором сидел коротко стриженный человек с седым ежиком волос и злым, колючим выражением изрезанного морщинами лица.

— Любезнейший господин Сали?

Прами окинул взглядом комнатушку в поисках стула. Однако, кроме убогого стола да кресла-качалки, в этой клетушке ничего не было.

— Вы кто? Что здесь делаете? Зачем пожаловали? — отрывисто пролаял сидевший за столом мужчина.

Прами расплылся в самой добродушной улыбке, которую он только мог себе позволить. Через секунду опрокинутое кресло валялось в одном углу комнаты, а ее хозяин — в другом. Прами поднял кресло и уютно в нем устроился.

— Господин Сали, ну разве же так принимают гостей? Я привез вам редкую коллекцию американских марок. Сядьте на пол, коль не удосужились завести стул для посетителей, но прежде дайте мне ключ от конторки.

Мужчина в углу комнаты вытаращил глаза.

— Я не Сали, — сказал он, — вы меня с кем-то путаете.

Теперь пришел черед Прами впасть в ступор. Но он не мог себе такого позволить.

— Какая жалость! — воскликнул сайгонский коммандос Ву Хань. — А где же мой дорогой приятель Сали?

— Я не знаю такого, но, очевидно, это такой же грубиян, как и... — договорить мужчина не успел, из его груди на левой стороне торчал нож.

Таиландский бизнесмен Прами Сарасит аккуратно прикрыл за собой дверь конторки и очутился в зале поч-

тамта. Подойдя к стойке, где отправляют телеграммы, он принялся барабанить по стеклу. Наконец из дверей конторки напротив вышла заспанная девушка и ласково осведомилась о том, чего желает господин. Получив от девушки телеграфный бланк, Прами направил в Чиангмай телеграмму следующего содержания: «Потерял коллекцию марок, что осложняет дела с получением страховки».

В это время из соседней конторки вышел коротко стриженный седой мужчина и сказал:

— Вайпхон, голубка, мне нужно срочно сходить на талат. Один тайский торговец привез мне коллекцию американских марок с бабочками за 1987 год.

Ву Хань остолбенел, он понял свою ошибку. Между тем мужчина пересек зал и вышел в знойное марево улицы. Ву Хань последовал за ним.

Когда мужчина проехал два квартала на велосипеде, его догнала «тоёта», и сидевший в ней человек окликнул господина Сали. Тот слез с велосипеда и подошел к машине.

— Не стоит спешить на талат, господин Сали, — сказал мужчина в «тоёте». — Коллекция у меня в гостинице.

Сали расплылся в улыбке.

— Я очень рад, господин...

— Прами, — подсказал Ву Хань.

— Куда мне приехать? — спросил Сали.

— Донгпаланг, — отрывисто бросил Ву Хань, и «тоёта» резко рванулась с места.

Через полчаса в одном из ресторанчиков квартала Донгпаланг в специально отведенной для особо важных гостей комнате состоялась встреча Ву Ханя с резидентом Фао Мина во Вьентьяне Сали Фамчьютом.

Последний внимательно выслушал суть задания, изложенную посланником Уиллиса Бэрда, и, промолчав минуту, сказал:

— Мы сделаем все, что в наших силах. Приказ друзей генерала должен быть выполнен любой ценой.

К сидящим подошел прислужник с подносом, уставленным банками пива. Ставя поднос на стол, он неожиданно обронил его на пол.

— Болван! — произнес Сали с вымученной улыбкой. Прислужник ползал по полу, собирая банки, раскатившиеся по всей комнате. Сали нервно закурил. Ву Хань решил сказать что-нибудь примирительное, но неожиданно был сбит со стула, а еще через секунду страшный удар лишил его сознания.

Взглянув на безжизненное тело «коммандоса», Сали глубоко затянулся дымом сигареты, а затем, выпустив из своих легких ароматное облачко, сказал:

— Палин, наркотизируй эту змею часа на три. К вечеру я жду Мохина, который побеседует с этим приятелем, а потом ты найдешь возможность избавиться от господина Прами — Ву Ханя.

«Ясновидец»

Около шести часов пополудни город начал погружаться в сумерки, а уже в начале седьмого темнота сделалась чернильной. В то время как на первом этаже дома в квартале Донгпаланг в небольшом китайском ресторанчике люди совершали вечернюю трапезу, в одной из комнат второго этапа готовилась пытка.

Раздетый догола Ву Хань был прикован к узкой металлической койке, у изголовья которой сидел монах. Он безмятежно смотрел в глаза профессионального убийцы и хитреца, который за просто так никогда не откроет своих секретов. «Коммандоса» следовало сломать. Голый человек беззащитен. С ним можно делать все, что угодно. Для начала подручные монаха отсекли Ву Ханю мочку уха.

Ву Хань скосил глаза на пол, куда пролилась его кровь. Он ошибся во второй раз. Сейчас он предпочел бы

встречу со всеми американцами, павшими у ручья Данг-рек, обществу этих хладнокровных мясников.

— Дорогой Прами, — услышал он хрипловатый голос монаха, — мы все о вас знаем, но некоторые стороны жизни господина Ву Ханя настолько любопытны, что хотелось бы услышать о них подробнее. Не стоит хитрить, капитан, на этот раз вы проиграли. Хозяин не прощает тех ошибок, которые вы совершили. Итак, о чем поведал ваш новый патрон Уиллис Бэрд?

Струя из пульверизатора оставила на теле Ву Ханя широкую полосу бронзовой краски.

Ву Хань был наслышан о подобных штучках. Краска быстро сохла, превращаясь в панцирь, внутри которого тело задыхалось.

— Итак, Зыонг, я жду чистосердечной исповеди. Лаос — спокойная страна, и если в ней вдруг объявляется прохиндей такого ранга, как бывший сайгонский капитан Нгуен Као Зыонг, однажды уже нашаливший где-то в районе плато Боловен, то, значит, затевается нечто из ряда вон выходящее. Мой приятель, «сюцай» — большой дока в подобных делах, но его, как и тебя, Ву Хань, погубила склонность к повторам. Признайся, что это ты надоумил Фао Мина повторить трюк с грабежом каравана. Тогда в Лаосе это прошло легко и просто. Твои американские покровители постарались замять жуткую историю, которую поведал им оставшийся в живых сержант. Только некоторые люди, Зыонг, очень любят коллекционировать всякие жуткие истории и иногда начинают сравнивать их.

Ву Хань понял, что ловчить бесполезно.

— Уважаемый бигкху, — сказал он, — в пытке не будет нужды. Я расскажу вам все об Уиллисе Бэрде и своей миссии в Лаос. В ближайшие дни в Чиангмае состоится встреча весьма важных персон, Бэрд не назвал их имен, но я догадываюсь, что туда пожалует сам господин Ванг Пао. Однако позвольте мне одеться.

Мохин дал знак двум коренастым молодцам, которые

бережно освободили Ву Ханя от оков и принесли его одежду. Сидевший в углу изящный человечек бесшумно приблизился к Ву Ханю и ловко обработал рану на ухе.

— Продолжайте ваш рассказ, дружище, — сказал Мохин, — он очень занимателен.

— В Лаосе я должен организовать восстание нескольких племен мео. Но поскольку горцы стали чрезмерно миролюбивы и даже преданы народной власти, нужно будет устроить небольшой маскарад. Словом, мне надлежит организовать группу людей, которая от имени органов безопасности ЛНДР проведет ряд карательных акций в горных районах. Цель — уничтожение посадок опиумного мака. Мео лишатся традиционного источника существования и восстанут. Правда, быть может, очень небольшое их количество, но это не суть важно. К тому времени на территорию Лаоса просочатся отряды каренских повстанцев, которые станут основной боевой силой в освобожденных районах. Поскольку в этом деле замешан Уиллис Бэрд, операцию, как я понял, затеяло ЦРУ.

Внезапно монах, до того внимательнейшим образом слушавший Ву Ханя, вскочил со своего места и резко открыл дверь, ведущую в комнату. На пороге стоял улыбающийся Сали, за спиной которого с автоматами на изготовку напряглись лаосские полицейские.

Монах отпрянул в комнату. В спину ему уткнулся ствол револьвера.

— Ты мерзко шутишь, Сали, — сказал Мохин.

— Я-то, — ответил Сали, — я-то нисколько, а вот этот малый, — он показал пальцем на Ву Ханя, — жить не может без поножовщины. Сначала он приканчивает связника Фао Мина, который не успел получить последних инструкций от своего патрона, поскольку они были перехвачены нашей службой. Когда мои люди встретили господина Прами Сарасита в Нонгкае, они дали ему наводку на Сали, то есть на меня. Однако этот идиот перепутал комнаты и укокошил настоящего агента ЦРУ. Уиллис Бэрд его за это по голове...

Сжатый в пружину комок человеческого тела вылетел в брызнувшее разбитым стеклом окно. Резко взвизгнули тормоза автомобиля на улице. Сали бросился к окну, а в это время за его спиной раздался выстрел. Подстреленный в ногу Мохин вертелся волчком на месте, а то, что раньше было профессиональным убийцей Ву Ханем, бесформенно распласталось на асфальте под колесами могучего КамАЗа.

Господин Фао Мин вспоминает

Гонконг. 1956 год. Двадцатилетний рикша в рваных шортах и черной сатиновой рубахе ловко лавирует в людской толчее, заполнившей узкие улицы старых городских кварталов. Его душа поет от радости. Вчера еще он был никому не нужным оборванцем, которого могли жестоко избить за перехваченного клиента, могли отнять несколько жалких монет, с таким трудом заработанных в бесконечной езде по городу, могли изрезать шины его велоколяски, просто так, из забавы над его горем.

Могут сделать это и сегодня. Но пусть потом трепещут. Старик Ван с трясущимися руками и слезящимися глазами, такой же оборванец в сатиновых трусах, живущий в крошечной конуре, все убранство которой составляет лишь истертая от времени циновка, провел молодого Чжун Хуна в узкие ворота неприметной пагоды, затерявшейся в одном из самых бедных кварталов.

Обратно вышел брат тайного общества «Зеленый круг» — могущественной организации гангстеров, которая после разгрома чанкайшистов в Китае перебралась из Шанхая в колониальный анклав британской короны.

В Гонконге главари «Зеленого круга» завели обычаи организованного преступного мира. Они завладели танцевальными залами, контролировали проституцию, практиковали похищения людей и грабежи банков, собирали с торговцев дань за охрану, а если те отказывались, громили их лавки. Затем они решили заняться наркобизнесом

и начали производить героин. Считается, что большинство китайских химиков, которые в конце шестидесятых годов заполнили тайные лаборатории «золотого треугольника», именно в ту пору прошли соответствующую выучку у гонконгского однорукого мастера и шестерых его подмастерьев.

А спустя месяц после священного ритуала в пагоде в городе началась война гангстеров. Конкурирующие преступные кланы начали систематическое избиение членов «триад», действуя рука об руку с колониальной полицией.

Однажды молодого рикшу срочно позвали к Вану. Примчавшись со своей коляской к лачуге старика, Чжун Хун заметил неподалеку группу подростков, тут же рассеявшихся при его появлении.

Войдя в темную клетушку, Чжун Хун долго не мог разглядеть, где же старец. И только спустя какое-то время, когда глаза освоились с темнотой, он увидел прямо перед собой на полу труп Вана. А еще спустя минуту в лачугу ворвалась полиция, и Чжун Хун был арестован. Адвокат, нанятый братством, велел рикше и во время следствия, и на суде хранить полное молчание.

— Братство позаботится о тебе, — сказал адвокат. — И даст со временем возможность отомстить. Ван стоял во главе братства, но знать об этом не должен никто. Они только и ждут пролить свет на личность старца, поскольку существуют же какие-то мотивы для убийства. Пусть решат, что убил ты. Скажешь, хотел стащить у старика два золотых светильника.

Через четыре года «Зеленый круг» помог своему собрату выбраться из тюрьмы, а спустя еще несколько месяцев Чжун Хун с несколькими лихими парнями вырезал семейство Линей из конкурирующего «Красного круга». Трое сыновей Линя и два его племянника принимали участие в убийстве старика Вана. Бывший рикша застрелил племянников и младшего Линя, в то время как его подручные резали глотки другим домочадцам. Однако кто-то предупредил двух других братцев Линей, и те да-

ли деру в континентальный Китай, предпочитая изучение догм «великого кормчего» перспективе захлебнуться в собственной крови. Впрочем, и Чжун Хуну оставаться в Гонконге после содеянного было невозможно, поскольку колониальная полиция тут же вышла на его след.

В начале шестидесятых годов в Бангкоке появился коммивояжер Фао Мин. Дела у этого энергичного китайца пошли в гору. Особенно с началом войны во Вьетнаме. К тому времени «триады» Гонконга установили прочный контроль над опиумной торговлей в районе «золотого треугольника», а Таиланд широко использовался как перевалочная база для последующей транспортировки наркотиков в Южный Вьетнам и дальше в Америку.

Сейчас господин Фао Мин ожидал реакции членов братства «Зеленый круг» на предстоящие переговоры в Чиангмае между генералом Ванг Пао и его сыном, с одной стороны, и лидерами каренских повстанцев — с другой. Если переговоры пройдут успешно, ЦРУ может начинать широкомасштабную операцию в Лаосе с целью дестабилизировать обстановку не только в Индокитае, но и во всей Юго-Восточной Азии. С одной стороны, подобная ситуация весьма выгодна тайным обществам, поскольку предоставляет им определенную свободу рук в «треугольнике»... Но, с другой стороны, она может привести к появлению нежелательного конкурента в лице Ванг Пао.

Братство решило сорвать переговоры, о чем и уведомило господина Фао Мина по своим надежным каналам.

Два монаха

Прасат любовался панорамой Чиангмая со смотровой площадки храма Пратай Дой Сутеп, растворившись в яркой толпе туристов, столпившихся возле чугунной решетки и бесконечно щелкавших затворами своих фотокамер.

В это время к Прасату подошел монах, возраст которого приближался к пятидесяти, что явно не соответствовало сану послушника.

— Господин Каманглек? — спросил он, вежливо улыбаясь.

— Чем могу быть полезен тебе, любезный? — лицо Прасата хранило невозмутимость.

— Ваш молодой друг испытывает некоторые трудности, — сказал бигкху. — Обычно я редко схожусь близко с другими монахами, но, поскольку ваш приятель оказался моим соотечественником, я постарался выполнить его просьбу. За ним следят люди одного богатого китайского дельца, и потому он не решился прийти сюда, но вас он просил подойти сегодня после восьми вечера в супную «Белый тигр». Бо Май прячется в надежном месте.

Прасат внимательно слушал монаха. Возможно, это провокация и Бо Мая «раскололи» люди Фао Мина. Однако за то время, что он провел с молодым бирманцем, Прасат успел убедиться в его мужестве и порядочности. Фао Мин — стреляный воробей и наверняка заподозрил молодого послушника, зачастившего к его дому за утренним подаянием. Его подручные могли схватить Бо Мая и подвергнуть его самым нечеловеческим пыткам, но Прасат был уверен в том, что парень предпочел бы смерть предательству.

— Хорошо, — сказал он монаху. — В восемь пятнадцать я буду в «Белом тигре».

Бигкху пошел прочь, не оглядываясь.

Харчевня «Белый тигр» притулилась между двумя трехэтажными строениями мрачного вида на одной из узких и грязных улочек Чиангмая. Подобные места не жаловали ни многочисленные туристы, ни местная полиция: первые по причине убогости этих трущоб, вторая — из-за их повышенной криминогенности. Направляясь к харчевне, Прасат обратил внимание на напряженную суету вокруг. Взглядом профессионала он угадал готовящуюся облаву, которая могла помешать предстоящей встрече. Поспешив к забегаловке, внутри которой несколько оборванцев поедали свой суп, Прасат заметил в

углу странную пару — длинноволосого хиппи в яркой рубашке и линялых шортах и благообразного чиновника в летах, которые о чем-то оживленно беседовали. Детектив направился к ним решительным шагом и, присев на низенький табурет, сказал:

— Через несколько минут начнется облава.

Приятели переглянулись. Потом все трое поднялись со своих мест и быстро покинули харчевню через выход на кухне.

Проехав несколько кварталов города на стареньком «пежо», пожилой приятель длинноволосого хиппи притормозил машину и простился со своими спутниками.

Оставшись наедине, Прасат и Бо Май прошли дворами на оживленную улицу Рамы и, выбрав наиболее шумную дискотеку, скромно устроились в одном из уголков затемненного зала.

— Откуда ты знаешь этого человека? — спросил Прасат своего молодого друга.

— Это удивительная история, Прасат, и здесь нет никакой ловушки. Я очень хорошо помню историю с Майком, но этого человека в свое время мне представил отец. Его зовут Тун Вин. Среди бирманских военных есть немало порядочных людей, искренне стремящихся покончить с коррупцией и наркобизнесом. Тун Вин один из них. После того как я по твоему указанию подбросил Фао Мину «привет», китаец стал сам не свой. Однако через некоторое время я заметил, что за мной стали следить. Оставаться в храме было небезопасно. Я продолжал собирать подаяние возле дома китайца и в один прекрасный день встретил там монаха. Когда монах встречает монаха, это не очень хорошая примета. Но когда я узнал в пожилом бигкху Тун Вина, то просто опешил. Он тоже узнал меня и велел следовать за ним. Оказывается, в Чиангмае затевается важная встреча, но одну из сторон он не знает. Из Бирмы же должен прибыть Бо Мья со своим штабом.

— А в Бангкок прибыл генерал Ванг Пао, и в аэропорту его встречал наш знакомец Уиллис Бэрд, — сказал

Прасат. — Остальную информацию можно получить от Ву Ханя, но где сейчас этот вьетнамец?

— Я думаю, Тун Вину удалось кое-что выведать об этом пройдохе у Фао Мина. Во всяком случае, завтра он собирается отправиться в Лаос с поручением от китайца к его людям.

Смерть бирманца

Боль от простреленной ноги стремительно поднималась вверх, уже рвало в паху, уже жгло внутренности, и он понимал, что это конец. Еще совсем недавно он считал, что нет ему равных в изощренном коварстве ума, что он один способен решить то, на что долгие годы бесполезно тратит усилия бирманская армия. Наконец-то удавалось столкнуть две страшные силы из этого сепаратистского котла, чтобы, предавшись междоусобной брани, они уничтожили друг друга. Скромный капитан бирманской контрразведки Тун Вин, казалось бы, достиг того, что было не под силу сотням его предшественников. Связавшись с мелкой бандой контрабандистов из племени лаху под личиной бродячего монаха Мохина, он в скором времени сделался мозговым центром шайки. Люди лаху помогли ему приблизиться к шанам. Разведка Кхун Са пристально наблюдала за любым новичком, попавшим в ее поле зрения. Начальник разведки Вэнь долго приглядывался к пройдохе монаху, прежде чем пойти на долгий и обстоятельный разговор.

От предложений начальника разведки не отказывались. Поскольку обет молчания не могут нарушить только трупы, а переходить в это физическое состояние Мохину было явно не по душе, он предпочел стать агентом Кхун Са в лагере каренских сепаратистов. Смышленый монах через некоего Суана, которого особо привечал сам лидер каренов Бо Мья, был в скором времени завербован каренами в качестве агента-связника.

Капитан Тун Вин был в полном восторге, но одновре-

менно и в ужасе от открывшейся его взгляду паутины шпионажа, сотканной разведками Кхун Са, Бо Мья, наследников гоминьдановцев, «триад» и других сил. Теперь уже он окончательно утвердился во мнении, что основную игру придется вести в одиночку, поскольку часть его руководства из армейской контрразведки тесно сотрудничала с сепаратистами.

Когда Суан поручил ему встретиться с пареньком из подразделения рейнджеров в Мандалае, Тун Вин — Мохин понял, что эта игра только начинает завязываться. Капрал понадобился Суану для сведения каких-то старых счетов с китайцем из Чиангмая. Юношу готовил сам Суан, который был большим мастером по части восточной мистики. Но страсть к таинственности сыграла с ним плохую шутку. Мохин решил действовать на обострение ситуации и разыграть карту Суана, который, как он понял, был одним из людей «триад». Посмеиваясь в душе над муками молодого капрала и тщеславием Суана, Мохин раздобыл мочку уха в одном из моргов Мандалая и, выяснив, кто из обреченных в караване жертв пойдет с «радиомаяком», подсунул ничего не подозревавшему молодому химику из Гонконга пластиковый пакетик с этим дурацким фетишем.

Он знал, что в нападении на караван капрал Со Маун будет участвовать непременно и что ему поручено изъять «радиомаяк». Найдя при убитом пластиковый пакетик, капрал должен разъяриться, поскольку его делали сообщником контрабандистов... У Мохина к тому времени возникли свои виды на Со Мауна, но, увы, паренек оказался убит.

Будучи профессиональным разведчиком, Мохин не доверял начальнику разведки Кхун Са — китайцу Вэню. Поэтому выложить напрямую всю эту полную мистики историю он не собирался. Он смутно догадывался о том, что между доверенным лицом Бо Мья Суаном и «главными глазами и ушами» Кхун Са — Вэнем существует некая связь. Именно эта связь позволяла им дья-

вольским образом регулировать отношения между двумя организациями, разводя их от соперничества и военной конфронтации.

Случай с караваном мог стать детонатором большой войны в джунглях, но для того, чтобы детонатор сработал, «опиумному королю» необходимо было представить неопровержимые доказательства измены его ближайших соратников, перевербованных мерзавцем Бо Мья.

И Мохин начал свою игру, которая привела его в конечном счете в эту провинциальную столицу государства Лаос. Теперь он лежал, привязанный к металлической койке, в каком-то грязном подвале и умирал от заражения крови. Он собрал практически все необходимое, чтобы Кхун Са воспламенился гневом, более того, от исхода встречи в Чиангмае зависело очень многое на ближайшее время в изнурительной войне с каренами... Но все его усилия пошли прахом. Разведчик должен уметь проигрывать. Всегда находится кто-то поизощреннее, чем ты. Этот Сали... Впрочем, он такой же Сали, как я Мохин... Но чего так испугался Ву Хань? Прыгнуть под колеса автомобиля. Он ведь не из тех, кто страшился лаосской полиции.

Размышления монаха были прерваны появлением улыбающегося Сали. Его сопровождал тот самый изящный человечек, который накануне подстрелил его отравленной пулей.

Подойдя к койке, он оттянул веки и стал внимательно изучать зрачки Мохина.

— Через несколько минут он впадет в беспамятство, — безразличным голосом заявил он об этом Сали.

— Жаль «ясновидца», — сказал Сали с усмешкой. — Самое страшное в нашей жизни работать на нескольких хозяев. Никак свою единственную жизнь не поделишь между патронами. Ты все же недооценил «сюцая», капитан Тун Вин. Наш чиангмайский мыслитель прозорливее и лисицы Вэня, и его братца Суана, которые решили приготовить для него западню, да только сами в нее и уго-

дили. А теперь у нас очень мало времени, так что не темни, быстренько расскажи, куда подевался «курьер».

Мохин рассмеялся. Все-таки и Фао Мин не знает всего. И после этого умер.

Завтрак из жадеитов

Со времени описываемых нами событий прошло два месяца. Казалось бы, чисто внешне в жизни наших персонажей мало что изменилось. Господин Фао Мин попрежнему совершает утренние обходы своего «торгового дома», а потом лакомится на веранде своей замечательной виллы компотом из личжи. Уиллис Бэрд скучает в офисе отца на Силлом-роуд в Бангкоке, а Прасат Каманглек занят разбирательством очередной истории, в которую угораздило его богатого клиента.

Встреча лаосских контрреволюционеров и бирманских сепаратистов, состоявшаяся в Чиангмае, не имела практических результатов, поскольку Бо Мья неожиданно покинул стол переговоров и срочно вернулся в свои лагеря. Как сообщил впоследствии корреспондент лондонской «Обсервер», лидер каренских повстанцев мотивировал свой отказ от переговоров тем, что в его стране сложилась революционная обстановка, вызванная очередным переворотом военных. На самом деле отряды каренов были атакованы одновременно как правительственными войсками, так и армией Кхун Са, который мстил своему сопернику по наркобизнесу за нарушение правил игры.

Узнав о двурушничестве начальника разведки, Кхун Са распорядился угостить Вэня поистине «королевским завтраком» — блюдом из жадеитов. Проглотив несколько камней, китаец умер в ужасных муках. В это время в комнату бесшумно вошел господин Фао Мин.

— Дорогой господин, — сказал он, расточая самую любезную из своих улыбок, — великое небо ниспослало нам спасение.

«Опиумный король» не мог скрыть своего смущения.

Господин Фао Мин имел все основания для недовольства, поскольку последние действия Кхун Са едва не привели к нежелательным последствиям.

Братство было категорически против ослабления позиций сепаратистов в Бирме, и Кхун Са пришлось смириться. Груз жадеитов был ему возвращен, однако честолюбивые амбиции не были удовлетворены.

Более того, присутствие в его лагере людей из соперничающего клана ему еще долго не забудут. Поэтому он постарался как можно ласковее проститься с господином Фао Мином, чьи указания должен был теперь неукоснительно выполнять.

Бо Мья, лишившийся нескольких ценнейших агентов, воспользовался революционным настроем студенчества, которое увлек в свои лагеря. Однако в последнее время все большее число молодежи поняло сущность сепаратизма и порвало с каренами.

Дэвид Паттерсон, корреспондент лондонской «Обсервер», навестил как-то Уиллиса Бэрда и спросил у последнего о причастности ЦРУ ко встрече в Чиангмае.

Уиллис только улыбнулся в ответ.

— Я уже очень давно работаю только на себя, — заявил он. — Посреднические услуги господину Ванг Пао оказывались мною только из желания принести пользу моей родине.

Он дал понять, что очень занят. Между тем Паттерсон наметанным взглядом обнаружил среди бумаг на столе Уиллиса списки американских ветеранов.

На встрече с одним из очень ценных агентов Интерпола англичанин поделился своими наблюдениями, и тогда ему было рассказано очень много интересных подробностей из жизни «золотого треугольника». Часть этих подробностей мы постарались довести и до сведения наших читателей, часть других еще ждет своего часа, поэтому мы не прощаемся с нашими персонажами, а говорим вместе с ними читателю: «До новых встреч!»

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ УБИЙСТВА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА СУББОТА

Глава первая. А капитан пошел один... 4
Глава вторая. Скрытая ярость одинокого Момотомбо . 38
Глава третья. Три часа Большой охоты 119

КУРЬЕР ИЗ ЧИАНГМАЯ

Часть I. Тигр, попавший в капкан, отгрызает лапу . 134
Часть II. «Потеряв лицо, растворись в толпе» . . . 172
Часть III. Молодой послушник собирает подаяние . . 205
Часть IV. Королевская месть 241

ИБ № 7006

Михайлов Владимир Николаевич, Притула Виктор Иванович

ДЛЯ УБИЙСТВА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА СУББОТА

Заведующий редакцией **В. Ильин**
Редактор **Л. Курин**
Художник **Ю. Иванов**
Художественный редактор **В. Штанько**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **Т. Контиевская, Е. Дмитриева**

Сдано в набор 11.05.90. Подписано в печать 29.10.90. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Условн. кр.-отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,8. Тираж 100 000 экз. Цена 60 коп. Изд. № 1129. Заказ 0—565.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-01379-4

НЕЗАВИСИМЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

«Он увидел, что южновьетнамские рейнджеры, руководимые капитаном, обходят убитых американцев и срезают с трупов солдатские жетоны, а также тщательно потрошат карманы».

«Поняв, что терять ему нечего, разведчик рванулся в сторону, выхватывая «вальтер», но стоявший сзади оказался быстрее: резкий удар ребром ладони под ухо взорвал мир миллионом искр, и тут же наступил мрак...»

60 коп.

ДЛЯ УБИЙСТВА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА СУББОТА